

ХАЛИДОВА Р.Ш.

**АВАРСКИЙ РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ
В СВЕТЕ ПРАГМАЛИНГВИСТИКИ**

Махачкала 2023

УДК 811.351.12
ББК 81.603.2
X17

ХАЛИДОВА Р.Ш. Аварский речевой этикет в свете прагмалингвистики. Монография. Махачкала: ДГПУ. 2023. 159 с.

Рекомендовано к печати:

Ученым советом Кизлярского филиала ДГУ, прот.№2 от 21.11.2023г.

Научно–экспертным советом ДГПУ им. Р.Гамзатова, прот. №2 от 09.11.2023 г.

Регистрационный № 17

Рецензенты:

Маллаева З.М., доктор филол. наук, профессор
Лекова П.М., кандидат филол. наук, доцент ФГБОУ ВО «ДГУ»

Ответственный редактор

Дибиров И.А., доктор филол. наук, профессор
ФГБОУ ВО «ДГПУ им. Р.Гамзатова»

Работа представляет собой попытку монографического исследования семантики и прагматики формул речевого этикета, функционирующих в бытовом дискурсе аварского языка. В монографии формулы речевого этикета, обслуживающие бытовой дискурс аварского языка, впервые исследуются в рамках теории речевых актов. Впервые вводится в научный оборот самобытная этикетная лексика из сферы домашнего дискурса аварского языка. Полученные в этой связи результаты являются новыми и представляют определенный научный интерес.

Результаты исследования имеют не только научное, но и практическое значение для лингвистического дагестановедения. Материал и выводы исследования могут быть использованы при составлении спецкурсов по теории речевых актов, по принципам построения дискурса, а также при составлении лекций по этнолингвистике, межкультурной коммуникации и лингвокультурологии для дагестанской аудитории.

ISBN 978-5-907698-86-4

DOI:

© Халидова Р.Ш., 2023

© Оформление. ИП Тагиев Р.Х., 2023

Reviewers:

Z.M. Mallaeva, PhD, Proff.

P.M. Lekova, candidate of sciences, docent

Responsible editor:

I.A. Dibirov, PhD, Proff.

Khalidova R.Sh.

Avar speech etiquette in the light of pragmalinguistics.

Monograph. – Makhachkala: DSPU, 2023. – 159 p.

This paper is an attempt to conduct a monographic study of semantics and pragmatics of speech etiquette formulas operating in the everyday discourse of the Avar language. In the monograph, speech etiquette formulas that serve the everyday discourse of the Avar language are studied for the first time within the framework of the theory of speech acts. The original etiquette lexicon from the sphere of domestic discourse of the Avar language is introduced in the scientific turnover for the first time. The results obtained in this regard are new and are of certain scientific interest. The findings of the study have not only scientific, but also practical significance for linguistic Dagestan studies. The material and conclusions of the study can be used in the preparation of special courses on the theory of speech acts, on the principles of discourse construction, as well as in the preparation of lectures on ethnolinguistics, intercultural communication and linguocultural studies for the Dagestan audience.

ISBN 978-5-907698-86-4

DOI:

© Khalidova R.Sh., 2023

© Registration. IE Tagiev R., 2023

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы данной монографии обусловлена рядом факторов. Одним из главных факторов является неизученность формул речевого этикета, обслуживающих бытовой (семейный) дискурс аварского языка. В лингвистическом кавказоведении на сегодняшний день не представлены работы, исследующие прагматический и семантический аспект этикетных формул, функционирующих в рамках аварского бытового дискурса.

В данной монографии предпринята попытка исследовать коммуникативные функции этикетных формул, используемых в бытовом дискурсе аварского языка, установить их прагматический и семантический потенциал, выявить их этнообусловленную специфику. Собранные и систематизированные с этой целью формулы речевого этикета аварского языка исследуются в монографии в рамках теории речевых актов.

Проблема речевых актов в своей основе является проблемой межличностного общения. В вопросах исследования речевых актов важную роль играет обращение, которое относится к одной из разновидностей речевых актов. Поэтому мы остановили свой выбор именно на тех формулах речевого этикета, которые употребляются в функции обращения в семейном дискурсе исследуемого языка.

Формулы речевого этикета, функционирующие в бытовом дискурсе аварского языка, собраны автором монографии во время экспедиций методом элицитации, а также извлечены из Национального корпуса аварского языка, расположенного на сайте <http://baltoslav.eu/avar/index.php?mova=en>.

В монографии для исследования привлекаются также формулы речевого этикета, представленные в трудах дагестановедов по данной теме. Для анализа собранного по теме исследования материала применялись следующие методы: описательный метод (для системно-структурного описания различных видов обращений); функциональный метод (для коммуникативно-семантического анализа формул речевого этикета); метод компонентного анализа (для анализа семанти-

ческой структуры вокативов). Востребованным в работе оказался также коммуникативно–прагматический подход (для системно–комплексного учета и всестороннего анализа факторов, тем или иным образом влияющих на употребление этикетной лексики в бытовом дискурсе).

При анализе собранного нами фактологического материала мы опирались на фундаментальные труды в области следующих научных дисциплин: теории речевых актов (Дж. Остин, Дж. Серль, Г.Г. Почепцов), прагмалингвистики (Дж. Остин, Дж. Серль, А. Вежбицкая, С.М. Эрвин–Трипп, Н.И. Формановская, Ю.С. Степанов, Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик, Дж. Лич) и семантики (Б.А. Серебренников, Л.П. Рыжова, В.Е. Гольдин и др.).

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЙНО–ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Определение термина и понятия «дискурс» вызывает значительные сложности по той причине, что данное понятие оказалось востребованным в пределах целого ряда научных дисциплин, таких, как лингвистика, антропология, литературоведение, этнография, социология, социолингвистика, философия, психолингвистика, когнитивная психология и некоторые другие. И вполне естественно, что многозначность термина «дискурс» и его использование в различных областях гуманитарного знания порождают разные подходы к трактовке значения и сущности данного понятия. Тем не менее, можно говорить о том, что благодаря усилиям ученых различных областей теория дискурса оформляется в настоящее время как самостоятельная междисциплинарная область, отражающая общую тенденцию к интеграции в развитии современной науки.

Примечательно, что задолго до появления современной теории дискурса, которая начала складываться в самостоятельную область науки лишь в середине 60–х годов XX века, существовали попытки дать определение этому термину. Так в французской лингвистической традиции значением слово *discours* обладал значением «диалогическая речь». Еще в XIX веке термин «дискурс» обладал целым рядом значений. В известном словаре немецкого языка братьев Якоба и Вильгельма Гримм «*Das Deutsche Wörterbuch*» 1860 года указаны следующие значения термина «дискурс»: 1) диалог, беседа; 2) речь, лекция.

Такой подход был характерен в период становления теории дискурса в рамках многочисленных исследований, получивших название лингвистики текста. Уже в тот период лингвистика вышла за рамки исследования изолированного высказывания (предложения) и перешла к анализу синтагматической цепи высказываний, образующих текст. Конституирующими свойствами текста являются завершенность, целостность, связность и др. Интерес к изучению

текста был обусловлен стремлением рассмотреть язык как цельное средство коммуникации, глубже изучить связи языка с различными сторонами человеческой деятельности, реализуемыми через текст.

Интенсивное развитие лингвистики текста как науки о сущности, предпосылках и условиях человеческой коммуникации наметило поворот от лингвистики языка к лингвистике речи, вызвало усиление внимания к акту коммуникации. Возникнув в рамках лингвистики текста, теория дискурса никогда не утрачивала связи с ней, но последовательно шла к дифференциации предмета своего исследования, к разграничению понятий «текст» и «дискурс».

Понятия «текст» как языковой материал и «дискурс» как связная речь, не могут быть синонимами. Текст носит характер более общего понятия, чем дискурс. Дискурс – это всегда текст. Не всякий текст является дискурсом.

1.1. Дискурс–анализ – новая парадигма исследования языка

Выход лингвистики за пределы собственного предмета исследования и тесное взаимодействие с такими гуманитарными науками как антропология, социология, семиотика, когнитивная психология и др. включил в ее предмет новую составляющую – дискурс. Статья американского лингвиста Зелига Харриса «Анализ дискурса» [1952] положила начало появлению в лингвистике новой научной дисциплины, новой парадигмы изучения языка под названием ‘дискурсивный анализ’. В данной статье З. Харрис изложил своё понимание фразы, квалифицируя её как простое высказывание, а дискурс – как сложное высказывание, состоящее из нескольких фраз. Термин ‘дискурсивный анализ’ З. Харрис применил для квалификации высказывания, сверхфразовой единицы в контексте других единиц и связанной с ними социокультурной ситуации.

Однако следует отметить, что традиция этнолингвистических исследований устных текстов разных языков существовала задолго до этого. Например, основатель школы американской этнолингвистики, этнолог и лингвист Франц Боас, исследовал языки коренного населения Америки с точки зрения человека в языке, с опорой на данные не только лингвистики, но и археологии, биологии и других отраслей науки. Большой вклад в исследование коммуникативной организации текста внесла также чешская лингвистическая школа, основанная В. Матезиусом.

Лингвистика рассматривает язык как систему, имеющую определенную структуру, что подразумевает наличие некоторых составляющих эту структуру единиц и правил их функционирования. Этот подход прекрасно действует на любом уровне вплоть до предложения, однако попытки однозначно представить, что происходит с языком, когда он «становится» речью, и определить правила функционирования языковых единиц в потоке речи пока еще не увенчались успехом.

Одну из таких попыток представляет собой дискурс–анализ. Категория дискурс, одна из основных в коммуникативной лингвистике и современных социальных науках, как и всякое широко употребляющееся понятие, допускает не только варианты произношения (с ударением на первом или втором слоге), но и множество научных интерпретаций, и поэтому требует уточнений, особенно в отношении к смежным терминам текст, речь и диалог.

Термин дискурс (фр. Discours, англ. Discourse, нем. Diskurs) начал широко употребляться с 1970–х гг. прошлого века. В настоящее время дискурс выступает как многозначное понятие, используемое в лингвистических, литературно–теоретических, а также в философских исследованиях для описания разных феноменов.

Согласно англоамериканской лингвистической традиции, под дискурсом понимается связная речь (connected speech), при этом дискурс отождествляется с диалогом. Дискурсивный анализ (discourse analysys) направлен, прежде всего, на устную

коммуникацию, на интерактивное взаимодействие говорящего и слушающего.

Известный французский философ и культуролог Мишель Фуко рассматривает дискурс как часть «дискурсивной практики» – совокупного множества разнообразных сфер человеческого познания. Это – совокупность анонимных, исторических, детерминированных всегда временем и пространством правил, которые в данной эпохе и для данного социального, экономического, географического или языкового окружения определили условия воздействия высказывания. Настаивая на исторической обусловленности дискурса, М. Фуко хочет подчеркнуть, что дискурс не только совокупность знаков, используемых для обозначения предметов, явлений. Это – нечто большее, что подлежит собственно дискурсивному анализу – социально – историческая информация, фон, соотносящий события с дискурсом, или «мир дискурса». Поэтому в отличие от классической герменевтической традиции дискурсивный анализ, по Фуко, ищет ответ не столько на вопрос «Что было действительно сказано в том, что сказано?», сколько: «Почему имеет место данное высказывание, и никакое другое на его месте?» [Фуко 1996].

Поскольку понятие и термин ‘дискурс’ используется в целом ряде научных дисциплин, таких как: лингвистика, литературоведение, антропология, этнография, социология, социолингвистика, философия, психолингвистика, когнитивная психология и др., возникли значительные сложности в определении данного термина. Возможно поэтому для термина ‘дискурс’ имеется множество дефиниций. Разные подходы к определению сущности понятия ‘дискурс’ обусловлены также его востребованностью в различных областях гуманитарного знания.

Соотношение понятий дискурс, текст и речь дискутируется давно и с неизменным интересом. Иногда их разграничивают по оппозиции письменный текст vs. устный дискурс, что неоправданно сужает объем данных терминов, сводя их к двум формам языковой действительности — использующей и не использующей письмо.

Такой подход весьма характерен для ряда формальных подходов к исследованию языка и речи.

На основании этой дихотомии некоторые исследователи склонны разграничивать дискурс–анализ (объектом которого, по их мнению, должна быть лишь устная речь) и лингвистику (письменного) текста. Такой подход просто не срабатывает в целом ряде случаев, например, доклад можно рассматривать одновременно и как письменный текст, и как публичное выступление, т. е. коммуникативное событие, хотя и монологическое (в традиционных терминах) по своей форме, но, тем не менее, отражающее всю специфику языкового общения в данном типе деятельности.

В начале 70–х годов была предпринята попытка дифференцировать понятия текст и дискурс, бывшие до этого в европейской лингвистике почти взаимозаменяемыми, с помощью включения в данную пару категории ситуация. Так, дискурс предлагалось трактовать как «текст плюс ситуация», в то время как текст, соответственно, определялся как «дискурс минус ситуация». В этом нашла выражение общая тенденция к пониманию дискурс–анализа как широкого подхода к изучению языковой коммуникации, для которого характерны, с одной стороны, повышенный интерес к более продолжительным, чем предложение, отрезкам речи, с другой стороны, чувствительность к контексту социальной ситуации.

Термин дискурс, понимаемый как речь, «погруженная в жизнь», в отличие от текста, обычно не относится к древним текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно [ЛЭС 1990, с. 137], хотя в последнее время наметилась тенденция к применению методологии дискурс–анализа и самого термина дискурс к языковому материалу разной культурно–исторической отнесенности, например, Библейским текстам и апокалиптической литературе, а также произведениям литературы, текстам массовой культуры, психоанализу.

В лингвистике дискурс конституируется как особая форма существования языка, которая репрезентирует ментальность конкретного этноса, «как совокупность знаний в той или иной

области общечеловеческой культуры, фиксируемую знаковыми системами» [Горохова 2014, с. 94].

На сегодняшний день существует множество классификаций дискурса. В зависимости от сферы применения В.И. Карасик выделяет два основных типа дискурса: персональный (лично–ориентированный) и институциональный [Карасик 2000, с. 5]. Институциональный дискурс включает в себя следующие виды дискурсов: административный, деловой, политический, религиозный, педагогический, медицинский, юридический, военный, мистический, рекламный, спортивный, научный, масс–медийный и др. Персональный дискурс В.И. Карасик [2002, с. 208] делит на две диаметрально противоположные разновидности – бытийный и бытовой (обиходный) дискурс. Объединяет их то, что они одинаково опираются на активное осмысление адресатом содержания речи. Бытийный дискурс представлен, как правило, произведениями художественной литературы. В бытийном дискурсе используются все формы речи на базе литературного языка, позволяющие раскрыть внутренний мир коммуникантов. «Бытийное общение носит преимущественно монологический характер и представлено произведениями художественной литературы и философскими и психологическими интроспективными текстами» [Карасик 2002, с. 240].

Бытовой дискурс, в отличие от бытийного – это, как правило, диалог между близкими или хорошо знакомыми и без проблем понимающими друг друга людьми. В бытовом дискурсе вербальное общение служит дополнением к невербальному, поскольку основная информация передается мимикой жестикуляцией и т.д. [Горелов 1997, с. 4].

Если бытийный дискурс представлен художественными произведениями, то бытовой дискурс представлен разговорной речью. В качестве важнейшей характеристики единиц разговорной речи В.И. Карасик выделяет их конкретную денотативную направленность. Слова, обслуживающие бытовой дискурс,

указательны по своему назначению (именно потому они и легко заменяются невербальными знаками), кроме того, в узком кругу хорошо знакомых людей реализуется лимитивная (ограничивающая, парольная) функция общения, коммуниканты используют те знаки, которые подчеркивают их принадлежность к соответствующему коллективу (семейные, групповые слова) и непонятны посторонним. Бытовой дискурс отличается тем, что адресат должен понимать говорящего с полуслова [Карасик 2000, с. 7].

Размежевание двух типов дискурса (персонального и институционального) в определенной степени облегчает их исследование. Но даже при таком делении, все ещё остаются некоторые нерешенные или спорные моменты. Спорным является, в частности, вопрос о том, к какому типу дискурса следует отнести общение в стихийно возникшем обществе людей, например, пациентов в очереди в поликлиниках (особенно детских), ожидающих приёма врачей или митингующих граждан в толпе. Поскольку дискурсы такого типа нельзя однозначно относить ни к персональному, ни к институциональному общению.

Во второй половине XX века интерес лингвистов сместился с изучения структурной организации языка на изучение его функциональных особенностей в рамках дискурс-анализа, как новой парадигмы исследования языка. В результате переноса акцентов и смены интересов в науке о языке возникли новые отрасли лингвистики, такие междисциплинарные направления, как прагмалингвистика, когнитивная лингвистика, социолингвистика и психолингвистика, которые применяли новые методы исследования в области языкознания.

К концу XX века традиционный формально-структурный подход в исследовании языка уступил место функционально-коммуникативному подходу. Сместился также и акцент с изучения языка человека на изучение человека в языке или человеческого фактора в языке. Смена интересов и перенос акцента в исследовании языка вовсе не означает, что новая парадигма исследования языка полностью отрекается от структурного метода исследования

устройства языка. Напротив, дискурс–анализ, применяя функционально–коммуникативный подход, создал условия для исследования и структуры, и функции языка с целью выявления соответствий между ними. Новые методы исследования позволили выявить взаимосвязи между формой и функцией, выявить влияние функциональных особенностей языка на его структурную организацию.

Было бы несправедливым утверждать, что дискурс–анализ признаёт исключительно функционально–коммуникативный подход и игнорирует достижения формально–структурной лингвистики. Следует признать, что именно структурная лингвистика подготовила платформу, на которой появился дискурс–анализ, как продукт функционализма, исследующий коммуникативные особенности языка. Дискурс–анализ, как новая парадигма исследования языка, как самостоятельное научное направление в области языкознания, возникла не на отрицании, а на интеграции достижений и данных предшествовавшей структурной лингвистики.

Еще Вильгельм фон Гумбольдт, Фердинанд де Соссюр, Эмиль Бенвенист и Леон Витгенштейн в своих исследованиях обращали внимание на различие статики и динамики в языковых процессах, на необходимость исследования речи, диалога и текста.

М.М. Бахтин, исследуя проблему речевых жанров, писал: «Организуемый центр всякого высказывания, всякого выражения – не внутри, а вовне: в социальной среде, окружающей особь» [Бахтин 1986, с.102].

Во второй половине XX–го и в начале XXI–го века определение понятия дискурса становится одной из центральных проблем в языкознании.

В науке о языке существуют следующие подходы к трактовке содержания понятия «дискурс»:

1. Формальный подход, который предлагает иерархию единиц дискурса, типов отношений между ними и правил их конфигурации.

2. Функциональный или коммуникативный подход, который определяют дискурс как «употребления языка» в широком смысле

или изучение функций языка в широком социокультурном контексте. Данный подход рассматривает дискурс как вербальное общение (речь, употребление, функционирование языка), либо как диалог, либо как беседа, то есть тип диалогического высказывания, либо как речь с позиции говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такой позиции.

3. Семантический подход, который рассматривает дискурс не как примитивный набор изолированных единиц языковой структуры «больше предложения», а единую совокупность функционально организованных, семантически наполненных единиц употребления языка.

4. Структурно–синтаксический подход, который рассматривает дискурс как фрагмент текста, то есть образование выше уровня предложения (сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое, абзац). Под дискурсом понимаются два или несколько предложений, но не любых, а только тех, которые находятся в смысловой связи друг с другом, при этом связность рассматривается как один из основных признаков дискурса.

5. Структурно–стилистический подход, который рассматривает дискурс как нетекстовую организацию разговорной речи, с нечётким делением на части, господством ассоциативных связей, спонтанностью, ситуативностью, высокой контекстностью, стилистической спецификой.

6. Социально–прагматический подход, который рассматривает дискурс как текст, погружённый в ситуацию общения, в жизнь, либо как социальный или идеологически ограниченный тип высказываний, либо как «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности, имеющей свои тексты.

Обобщая вышеизложенное можно утверждать, что данный термин, как он понимается в современной лингвистике, близок по смыслу к понятию «текст», однако подчеркивает динамический, разворачивающийся во времени характер языкового общения; в противоположность этому, текст мыслится преимущественно как статический объект, результат языковой деятельности.

В статье «Модус, жанры и другие параметры классификации дискурсов» [2009, с. 3–21] А.А. Кибрик предложил собственную точку зрения на дискурс, как на новый объект исследования современной лингвистики. В данной статье А.А. Кибрик отстаивает точку зрения, что люди разговаривают между собой не предложениями и тем более, не морфемами или фонемами, а дискурсами. Этот факт отличает дискурс от остальных языковых единиц, которые представляют собой научные конструкты, плоды того или иного анализа, а раз так, то и трудно достичь согласия относительно их состава и природы. Поэтому А.А. Кибрик считает целесообразным начинать естественное построение лингвистики как науки с исследования дискурса, и лишь с учетом этого уровня исследовать более мелкие единицы, полученные в результате аналитических процедур [Кибрик 2009, с. 3].

Отечественная лингвистика внесла свой весомый вклад в становление дискурс-анализа как научного направления. В середине XX-го века в трудах советских учёных зародилось такое направление, как грамматика (лингвистика) текста. Возникнув в рамках лингвистики текста, теория дискурса никогда не утрачивала своей изначальной связи с ней, но последовательно шла к дифференциации предмета своего исследования, к разграничению понятий «текст» и «дискурс». Не всякий текст является дискурсом, но дискурс всегда является текстом, и обратное утверждение неверно. Таким образом, текст есть более общее понятие, чем дискурс; дискурс же, в свою очередь, есть частный случай текста. Поскольку всякий дискурс есть текст, постольку теория дискурса разделила с лингвистикой текста все вопросы, касающиеся сущностных свойств текста как языковой единицы высшего порядка (текст и дискурс характеризуются общими свойствами завершенности, цельности, связности и др.), а также вопросы, связанные с единицами дискурса, его структурой и способами сегментации. Стремясь дифференцировать понятие «дискурс» и понятие «текст», теория дискурса всегда подчеркивала деятельностный, динамический аспект языка: понятие «дискурс» отличается от текста тем, что оно представляет язык как процесс, учитывающий воздейст-

вие экстралингвистических факторов в акте коммуникации, и как результат, представленный в виде фиксированного текста.

В Америке аналогичными проблемами – анализом дискурса, разработкой метода дистрибутивного анализа и трансформационного метода занимались Зелиг Харрис и другие лингвисты [Сусов 2007, с. 168]. Анализ дискурса в начальных его вариантах был исследованием текстов с позиций структурализма, трансформационной грамматики, теории речевых актов, формальной логики, т. е. анализ дискурса совпадал по существу со структуралистски ориентированными грамматикой текста, лингвистикой текста, семантикой дискурса в первоначальном европейском понимании [Там же, с. 168].

Основное различие между дискурсом и текстом заключается в том, что дискурс представляет собой динамическое явление (совокупность речемыслительных действий коммуникантов в процессе), а текст представляет собой статическое явление. И.Р. Гальперин рассматривает текст как статическое явление: «Текст – произведение речетворческого процесса, обладающее завершённостью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединённых разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющей определённую целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 1981, с. 18].

С 70–х гг. анализ дискурса становится междисциплинарной областью исследований, использующей достижения антропологии, этнографии речи, социолингвистики, психолингвистики, когнитивной науки, искусственного интеллекта, лингвистической философии (теории речевых актов), социологии языка и конверсационного анализа, риторики и стилистики, лингвистики текста [Сусов 2007, с. 290].

Термин дискурс произошел от французского слова *discours*, которое, в свою очередь, восходит к латинской лексеме *discursus*, что означает «рассуждение, довод». Дискурс – одно из сложных и трудно поддающихся определению понятий современной лингвистики,

семиотики и философии, получившее широкое распространение в англо– и особенно франкоязычных культурах. Значение слова дискурс в этих культурах определяется как речь, выступление, рассуждение. В русском языке, как и во многих других европейских, этому слову нет эквивалента. Оно переводится как дискурс, речь, слово, текст, рассуждение.

Предметом теоретического изучения дискурс стал относительно недавно. Некоторые исследователи в области современной лингвистики отмечают, что термин «дискурс» близок по смыслу к понятию «текст», но в отличие от текста характеризуется как динамическое, разворачивающееся во времени коммуникативное явление; текст определяется преимущественно как статический объект, результат языковой деятельности. Существует мнение, что дискурс может включать одновременно два компонента, а именно динамический процесс языковой деятельности, вписанный в социальный контекст, и результат такой языковой деятельности. В отечественной лингвистике получило распространение определение понятия «дискурс», предложенное В.Г. Борботько, который определил дискурс как «текст связной речи»: «Текстом можно считать последовательность единиц любого порядка. Дискурс – тоже текст, но такой, который состоит из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной внутренней смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование» и далее «текст – более общее понятие, чем дискурс. Дискурс всегда является текстом, но обратное утверждение не верно. Не всякий текст является дискурсом» [Борботько 1981, с. 8–9].

Созданные в лингвистике междисциплинарные направления для изучения дискурса стали неотъемлемой частью нового раздела в языкознании – дискурсивный анализ (*discourse analysis*), который также известен как исследование дискурса (*discourse studies*).

Сам термин ‘дискурс’ впервые был использован в 1952 году Зеллигом Харрисом. Формирование дискурсивного анализа как особого направления в лингвистике состоялось в 1970–х годах

прошлого века, благодаря исследованиям Т.А. ван Дейка, В. Дресслера, Я. Петефи и других представителей европейской школы лингвистики текста и, благодаря известным трудам американских лингвистов У. Лабова, Дж. Граймса, Р. Лонгейкра, Т. Гивона, У. Чейфа, которые сочетали дискурсивные исследования с традиционной лингвистической тематикой. В конце XX-го века были опубликованы основополагающие труды по теории дискурса: «Дискурсивный анализ» [Браун; Юл 1983]; «Справочник по дискурсивному анализу» в четырёх томах под редакцией Т.А. ван Дейка [1985]; известная монография Деборы Шиффрин «Подходы к дискурсу» [1994]; замечательный труд Уоллеса Чейфа «Дискурс, сознание и время» [1994]; обобщающий труд в двух томах под редакцией Т.А. ван Дейка «Дискурсивные исследования: Междисциплинарное введение» [1997].

В отечественной лингвистике также нет единой точки зрения на содержание термина 'дискурс'. Волгоградская школа опирается на определение дискурса, данное Н.Д. Арутюновой: дискурс – это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей, в механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [Арутюнова 1990, с. 136–137]. Волгоградские ученые описывают дискурс, совмещая социолингвистические позиции анализа с лингвистикой текста.

Другая, принятая в отечественной лингвистике, формулировка рассматривает дискурс как «движение информационного потока между участниками коммуникации» [Степанов 1995, с. 37–38]. Различные трактовки термина 'дискурс', представленные в отечественной лингвистике не противоречат друг другу, а взаимно дополняют друг друга, раскрывая сущность дискурса наиболее рельефно, освещая разные грани с точки зрения разных смежных наук.

Е.С. Кубрякова полагает, что «под дискурсом следует иметь в виду именно когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму» [Кубрякова 1990, с. 164].

В определении А.А. Кибрика «понятие «дискурс» понимается как единство двух сущностей – процесса языковой коммуникации и получающегося в ее результате объекта, т.е. текста. Благодаря такому двуединству, дискурс можно изучать и как разворачивающийся во времени процесс, и как структурный объект. «Дискурс» – это максимально широкий термин, включающий все формы использования языка» [Кибрик 2009, с. 3]. По этой причине дискурс следует рассматривать с различных позиций: лингвистики, социолингвистики, прагмалингвистики, лингвофилософии.

С позиций лингвофилософии дискурс – это конкретизация речи в различных модусах человеческого существования, поэтому необходимо выделение делового и игрового регистров дискурса; назначение первого – ориентировать человека в реальном мире, назначение второго – освобождение человека от детерминизма природы и себе подобных (в таком понимании игровой дискурс – это пространство творческого порождения и восприятия художественных произведений).

С позиции социолингвистики дискурс – это общение людей, рассматриваемое с позиции их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации. С позиции социолингвистики выделяются два основных типа дискурса: персональный и институциональный. В основу такой типологии положено противопоставление личноно–ориентированного и статусно–ориентированного дискурса.

По мнению В.И. Карасика «... с позиций прагмалингвистики дискурс представляет собой интерактивную деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и

информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения, определение коммуникативных ходов в единстве их эксплицитного и имплицитного содержания...» [Карасик 2004, с. 5].

С позиции прагмалингвистики на первый план в изучении дискурса выдвигаются признаки способа и канала общения. По способу общения противопоставляются информативный и фасцинативный, содержательный и фатический, несерьезный и серьезный, ритуальный и обыденный, протоколируемый и непротоколируемый типы дискурса; по каналу общения – устный и письменный, контактный и дистантный, виртуальный и реальный типы дискурса.

Являясь отражением социокультурных знаний и социальных практик языковой личности, дискурс устанавливает своего рода рамки как для возможных личностных, индивидуальных «построений», так и для возможных «построений» определенной социальной и профессиональной группы. Исследование строения дискурса социально–профессионального типа языковой личности выделяет экстралингвистическую сущность дискурса и выявляет его своеобразие в области лексики, синтаксиса, стилистики.

Дискурс, понимаемый как текст, погруженный в ситуацию общения, допускает множество измерений. С позиций прагмалингвистики дискурс представляет собой интерактивную деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения, определение коммуникативных ходов в единстве их эксплицитного и имплицитного содержания.

С позиций психолингвистики дискурс интересен как развертывание переключений от внутреннего кода к внешней вербализации в процессах порождения речи и ее интерпретации с учетом социально–психологических типов языковых личностей,

ролевых установок и предписаний. Психолингвистов интересуют также типы речевых ошибок и нарушений коммуникативной компетенции.

Лингвостилистический анализ дискурса сориентирован на выделение регистров общения, разграничение устной и письменной речи в их жанровых разновидностях, определение функциональных параметров общения на основе его единиц (характеристика функциональных стилей).

Структурно–лингвистическое описание дискурса предполагает его сегментацию и направлено на освещение собственно текстовых особенностей общения – содержательная и формальная связность дискурса, способы переключения темы, модальные ограничители, большие и малые текстовые блоки, дискурсивная полифония как общение одновременно на нескольких уровнях глубины текста.

Лингвокультурное изучение дискурса имеет целью установить специфику общения в рамках определенного этноса, определить формульные модели этикета и речевого поведения в целом, охарактеризовать культурные доминанты соответствующего сообщества в виде концептов как единиц ментальной сферы, выявить способы обращения к прецедентным текстам для данной лингвокультуры.

На выбор термина дискурс в качестве центрального понятия, определяющего специфику парадигмы, влияют также метанаучные традиции: дискурс–анализ воспринимается как «открытая» теория и практика в отличие от европейской школы лингвистики текста, занимающейся практически только письменными текстами, и американского разговорного анализа, интересующегося изучением лишь повседневной речи.

Термином «дискурс–анализ» современная лингвистика обязана известному американскому ученому–лингвисту Зеллигу Харрису, который таким образом назвал «метод анализа связанной речи», предназначенный «для расширения дескриптивной лингвистики за пределы одного предложения в данный момент времени и для соотнесения культуры и языка» [Harris 1963, с. 1–2].

Характерной особенностью дискурс анализа является эмпиричность, т.е. исследователь должен всецело опираться на имеющийся материал, а не подгонять этот материал под априорные схемы. От материала к обобщению – индуктивный характер анализа дискурса. При этом огромную роль играет контекст. Одинаково следует учитывать как внутренний контекст – окружающий текст, так и внешний – конкретную ситуацию.

Приоритет отдается качественным методам анализа материала, которые должны превалировать над количественными методами. При дискурс анализе важно учитывать контекст, в котором употребляются те или иные слова, а не их частотность, хотя частотность тоже следует принять во внимание.

Для зарубежной лингвистики 80–х годов характерен перенос центра внимания с формально–синтаксического и генеративно–семантического аспектов на прагматический аспект высказывания и дискурса. Теория речевых актов в ее классическом варианте, как теория с крайней прагматической направленностью, довольно безразлична к внутренней организации дискурса.

Наука о языке располагает на сегодняшний день большим количеством работ, исследующих те или иные аспекты формул речевого этикета, используемых в функции обращения, в рамках теории речевых актов. Большая часть из них базируется на материале индоевропейских языков. Прежде всего, это труды основоположника теории речевых актов знаменитого английского лингвиста и философа Джона Остина и его ученика профессора философии Калифорнийского университета Джона Роджерса Сёрля. Дж. Р. Сёрль переработал классификацию речевых актов Дж. Остина, основанную на их иллокутивных силах. Впоследствии классификация Дж. Сёрля, основанная на учете трех основных признаков иллокутивных актов: а) иллокутивной цели, б) направления иллокутивной силы и в) выраженного психологического состояния адресанта, получила наибольшее распространение.

Автором понятий и терминов иллокутивный акт, локутивная сила, иллокутивная сила, иллокутивная цель перлокутивный эффект,

связанных с локуцией является Дж. Остин. Классификацию речевых актов по их иллокутивным силам Дж. Остина, переработал Дж. Сёрль, который считал необходимым различать классификации перформативных глаголов и иллокутивных актов. Дж. Р. Сёрль предложил свою классификацию иллокутивных сил, не зависящую от какого-либо конкретного языка, которая получила наибольшее распространение [Searle 1986, с. 170 – 194].

Дж. Сёрль рассматривает термины «речевой акт» и «иллокутивный акт» в качестве синонимов. В статье «Что такое речевой акт?» он пишет: «Я не пытаюсь дать определение термина “иллокутивный акт”, но, если мне удастся дать правильный анализ отдельного иллокутивного акта, этот анализ может лечь в основу такого определения» [1986 б, с. 151]. Тем не менее, далее Дж. Сёрль предлагает собственное определение термина «речевой акт (лингвистический акт, иллокутивный акт)», характеризуя его как минимальную единицу языкового общения. При этом он исходит из того, что «существенной чертой любого вида языкового общения является то, что оно включает в себя языковой акт. Вопреки распространенному мнению основной единицей языкового общения является не символ, не слово, не предложение и даже не конкретный экземпляр символа, слова или предложения, а производство этого конкретного экземпляра в ходе совершения речевого акта. Точнее говоря, производство конкретного предложения в определенных условиях есть иллокутивный акт, а иллокутивный акт есть минимальная единица языкового общения» [Сёрль 1986 б, с. 151].

Классификации речевых актов Дж. Остина и Дж. Сёрля считаются в лингвистике общепринятыми. В дальнейшем в исследованиях их последователей и критиков они лишь расширялись и дополнялись отдельными типами речевых актов. Так, одна из известных классификаций, предложенная А. Вежбицкой содержит восемь типов иллокутивов, это: 1) сообщения, 2) просьбы / приказы, 3) вопросы / запреты / позволения, 4) требования / возражения, 5) предостережения / угрозы, 6) советы / наставления, 7) действия, обозначаемые глаголами этикетного поведения, 8) экспозитивы [Вежбицкая 1985, с. 251–273].

Центральным компонентом речевого акта является предложение. Г.Г. Почепцов считает целесообразным разграничивать предложение как единицу системы языка и предложение как компонент (хотя центральный, но лишь компонент) акта речевого общения и рассматривать их под разными терминами. Предложение как единицу системы языка сохранить под этим же названием 'предложение', а предложение как компонент речевого акта назвать 'высказывание'. В таком случае предложение «может быть адекватно описано без выхода за пределы системы языка, высказывание же – лишь с учётом связей и отношений, существующих между ним и другими компонентами акта общения, прежде всего адресантом и адресатом. Поскольку, однако, основу высказывания при таком его понимании составляет все то же предложение, при этом не только как физическая реальность, но и в содержательном и во многом в функциональном аспекте, термин «предложение» сохраним и далее, памятуя о новом ракурсе, в котором предложение рассматривается в прагматическом синтаксисе» [Почепцов 1981, с. 268].

Почепцов Г.Г. подчеркивает соотносительность предложения, как средства реализации разных речевых актов, с определённой коммуникативной интенцией говорящего. Одно и то же предложение, произнесенное с разной целью, располагает различной иллокутивной силой. Например, предложение «Я скоро приду» в зависимости от того, с какой целью говорящий его произносит, может быть просто констатацией планируемого к выполнению в будущем действия, обещанием, угрозой или предупреждением. «Принято говорить в этой связи, что подобные разные реализации отличаются друг от друга иллокутивной силой. Локутивная сила предложения заключается в его когнитивном содержании. Примерами реализации лишь локутивной силы может быть произнесение предложения ребенком ради самого произнесения, оперирование предложением учащимися в учебных целях, например, при работе над произношением. В реальном же общении реализация предложения неразрывно связана с придачей ему иллокутивной силы. Уместно, правильно, с соблюдением необходимых условий реализованное предложение

достигает цели в виде перлокутивного эффекта высказывания» [Почепцов 1981, с. 271].

В русле теории речевых актов и прагматики, в качестве служебной единицы текста, как категорию речевого контакта, рассматривает В.Е. Гольдин обращение, акцентируя особое внимание на этикетной функции обращения [Гольдин 1977; 1982; 1987]. Несмотря на наличие большого количества научной литературы, посвященной исследованию различных аспектов обращения как лингвистической единицы, имеется ещё целый ряд вопросов о лингвистической природе обращения, не имеющих однозначного решения. Наличие целого ряда дискуссионных вопросов о лингвистической природе обращений, о различных типах функций обращения и их зависимости от типа текста и особенностей жанра, о семантической структуре и синтаксических средствах, реализующих ту или иную функцию обращения, свидетельствует о том, что этот вопрос далеко не исчерпан и тема не теряет своей актуальности. Актуальность исследований в данном русле обусловлена также возросшим в последнее время в современной лингвистике интересом к антропоцентрическому подходу исследования языка. В рамках данного подхода обращению уделяется особое внимание.

Обращение рассматривается как речевой акт также в диссертации Л.П. Рыжовой «Обращение как компонент коммуникативного акта» [1982]. В зависимости от семантической функции обращения в речи, Л.П. Рыжова выделяет пять иллокутивных актов обращения: номинативный, вокативный, социально–регулятивный или этикетный, оценочно–характеризующий и дейктический. В номинативном акте реализуется интенция говорящего назвать адресата речи; в вокативном – интенция привлечь внимание адресата, интенция – отразить статусно–ролевое соотношение коммуникантов реализуется в социально-регулятивном или этикетном иллокутивном акте, интенция – охарактеризовать адресата и выразить отношение к нему говорящего реализуется в оценочно–характеризующем речевом акте, и, наконец, в дейктическом акте реализуется интенция – указать на

адресата. Любой иллокутивный акт преследует цель – получить тот или иной перлокутивный эффект. Все перечисленные выше иллокутивные акты обращения рассчитаны на получение определенного перлокутивного эффекта: вокативный ориентирован на внимание адресата, дейктический – на указание адресату речи, что он является получателем сообщения и т.д.

В адресации Л.П. Рыжова выделяет три последовательных акта: локутивный (произнесение обращения), иллокутивный (намерение говорящего установить контакт, охарактеризовать адресата и т.д.) и перлокутивный акты (воздействие на адресата) [Рыжова 1982, с. 9].

В диссертации Л.П. Рыжовой отмечается, что накопленный в этой сфере фактологический материал позволяет перейти к его систематизации и структурированию и приступить к исследованию механизмов придающих речевому акту обращения прагматического значения. Для этой цели автор диссертации предлагает объединить два направления исследования: 1) анализ компонентов речевого акта (в частности обращения) в их взаимодействии и 2) подход к речевому акту как к полевой структуре. Полевой метод, по мнению Рыжовой Л.П. является наиболее подходящим принципом исследования такой сложной динамической структуры, как речевой акт.

В дагестановедении одним из первых формулы речевого этикета исследовал А.Г. Гюльмагомедов в статье «Дагестанские формулы этикета» [1988, с. 69–71]. В статье А.Г. Гюльмагомедова анализируются некоторые формулы речевого этикета как литературных дагестанских языков (даргинского, лакского и лезгинского), так и бесписьменных андийских языков (аваро–андо–цезская группа), (чамалинского, каратинского, багвалинского, тиндинского). Привлекается также материал кумыкского языка (тюркская языковая семья), достаточно тесно контактирующего с дагестанскими языками (лезгинским и даргинским).

Приветствия, обслуживающие речевой этикет в разных коммуникативных культурах, исследуются в статье Н.Э. Гаджихмедова, Т.М. Мусаевой и Д.С. Самедова [2012]. Авторы данной статьи рассматривают средства речевого этикета как

«микрофрагменты языковой картины мира», исследование которых «имеет не только собственно лингвистическое значение, но и лингвокультурологическое и этнокультурное», поскольку в «устойчивых формулах (стереотипах) общения отложились богатый народный опыт, неповторимость обычаев, образа жизни, условий быта каждого народа» [Гаджихамедов, Мусаева, Самедов 2012, с. 66].

В статье Д.С. Самедова, Т.В. Гамалей и Т.М. Мусаевой [2002, с. 62–68] исследуются коммуникативные единицы (различные формулы обращений, извинений, поздравлений, приветствий, прощаний и др.), используемые для установления речевого контакта с адресатом, для поддержания и размыкания контакта. В статье представлен не только практический анализ материала, но и теоретический анализ точек зрения известных лингвистов по вопросу о понятии и термине «речевой этикет». Представлена также характеристика речевого этикета в широком и узком понимании этого термина. Д.С. Самедов и соавторы данной статьи отмечают чрезвычайную яркость национальной специфики речевого этикета дагестанцев и показывают, как иногда самым неожиданным образом проявляются национально–культурные особенности речевого поведения говорящих [2002, с. 66].

В квалификационной работе М.И. Хабибовой «Русский речевой этикет в условиях полиэтнического региона» [2000] представлен добротный анализ этикетного речевого общения дагестанцев–билингвов на русском языке. Речевой этикет дагестанцев–билингвов исследуется с точки зрения отражения в нем русско–европейских и традиционно горских этикетных стереотипов. Это первое монографическое исследование речевого этикета в дагестанском языкознании. В диссертации М.И. Хабибовой исследуется система этикетных средств коммуникации, функционирующая в условиях национально–русского двуязычия. В данной работе представлен лингвистический анализ обращения, лексических средств выражения приветствия, поздравления, благопожелания в русской речи дагестанцев–билингвов и представлена их социологическая и

психологическая трактовка. В работе исследуется также интерферирующее влияние традиционной горской этикетной системы на русскоязычное этикетное общение.

Системно–комплексный анализ динамики речевого этикета межнационального общения дагестанцев, представленный в данной диссертационной работе, приводит автора исследования к закономерному выводу, что «вектор эволюции речевого этикета дагестанцев определяется таким фактором глобального характера, как интернационализирующее влияние русско–европейских духовно–нравственных ценностей через русский язык» [Хабибова 2000, с. 16].

Этнографический аспект речевого этикета дагестанских народов нашел отражение в монографии С.А. Лугуева «Традиционные нормы культуры поведения и этикет народов Дагестана, XIX – начало XX вв.» [2006]. С.А. Лугуев рассматривает этикет и культуру поведения народов Дагестана, описывает традиции и обычаи дагестанских этносов в XIX – начале XX вв.

Можно сказать, что заметный вклад в исследование средств выражения речевого этикета одного из дагестанских языков – лезгинского – внесла М.К. Халимбекова. В кандидатской диссертации М.К. Халимбековой «Этикетная лексика в языках различных культур: лезгинском и английском» [2012] и в одноименной монографии [2012а] выявлена, описана и систематизирована этикетная лексика лезгинского языка; выявлены особенности дагестанского менталитета на фоне сопоставления с менталитетом носителей английского языка; представлен контрастивно–сопоставительный анализ употребления этикетных речевых стандартов в лезгинском и английском языках. Применение комплексной методики позволяют Халимбековой М.К. исследовать формулы речевого этикета лезгинского и английского языков в лингвистическом, лингвокультурологическом и этнолингвистическом аспектах.

В монографии М.К. Халимбековой обращение рассматривается как самый яркий, самый употребительный этикетный знак, потому что мы, называем человека – либо по его социальной роли, либо по

его личностным (индивидуальным) признакам, либо по своему собственному отношению к нему. В работах Халимбековой М.К. анализируются не только формулы обращения, но и пословицы, поговорки, благопожелания и проклятья, которые образуют особую семантико–стилистическую систему речевого этикета, и в которых наиболее ярко отражается национально–культурная специфика общения. М.К. Халимбекова демонстрирует на материале лезгинского языка, что общие вокативы подвержены изменениям, зависимы от конкретных исторических реалий и не являются раз и навсегда данными единицами языка. Тот факт, что общие вокативы не являются раз и навсегда данными единицами языка, и то, что они подвержены изменениям и зависимы от конкретных исторических реалий автор доказывает на примере функционирования вокатива *ханум* «госпожа». Вежливое обращение предполагало раньше обязательное употребление слова *ханум* «госпожа» после личного имени женщины, к которой обращались.

М.К. Халимбекова выявляет также некоторые обращения, которые полностью исчезли из лезгинского языка. Так, например, до революции в лезгинском языке было распространено обращение *жанаб* «господин», «почтенный», например: *жанаб* *дохтур* «господин доктор», *жанаб* *мугьманар* «почтенные гости» и т.д. На современном этапе развития лезгинского языка данное обращение не применяется.

Как ключевое понятие речевого этикета М.К. Халимбекова рассматривает вежливость. Этикетные средства, по мнению М.К. Халимбековой, имеют свой грамматический строй, и они стоят в определенных отношениях к другим словам предложения.

Этнографический аспект и фольклорный аспект благопожеланий и проклятий аварцев исследуется в монографии и серии статей Х.Г. Магомедсалихова [2007; 2007а; 2008; 2015]. Монография Х.Г. Магомедсалихова «МагIарулазул гьара–рахьиял ва хьамиял. Благопожелания и проклятия аварцев» [2007] посвящена оригинальному жанру устного народного творчества аварцев – благопожеланиям и проклятиям. Весь собранный фольклорный

материал автор делит на 12 тематических групп, связанных с различными жизненными ситуациями. Хотя автор сам признается, что «Классифицировать благопожелания по строго определенной схеме на практике затруднительно по той причине, что многие из них с одинаковым звучанием употребительны в разных жизненных ситуациях» [Магомедсалихов 2007, с. 13]. В статьях Х.Г. Магомедсалихова [2007а; 2008; 2015] исследуется связь формирования этого жанра устного народного творчества с социокультурными условиями жизни носителей аварского языка, отмечается лаконичность и естественный позитивный заряд благопожеланий. Особое внимание автор статей обращает на мотивацию благопожеланий и проклятий психоэмоциональными особенностями носителей аварского языка, сопряженными с частыми конфликтами. Лингвистический и лингво–культурологический аспект благопожеланий и проклятий аварцев не нашел освещения ни в монографии, ни в статьях.

В статье З.М. Маллаевой «Некоторые речевые особенности ритуала приветствия в дагестанских языках» [2012] исследуются некоторые вербальные формы проявления вежливости в Дагестане, которые составляют основу горского этикета. Автор статьи отмечает, что, несмотря на большое влияние Востока и восточной культуры на дагестанские народы, дагестанская культура не переняла восточное многословие (сладкоречие). Исключение составляет Южный Дагестан – традиционное восточное сладкоречие получило распространение в языках лезгинской группы [Маллаева 2012, с. 200]. З.М. Маллаева акцентирует в данной статье внимание также на невербальных средствах, которые зачастую снижают гармонизирующий эффект речи и даже могут изменить значение вербальных этикетных средств на противоположное. Жесты, позы и мимика, составляющие паралингвистический уровень общения, в разных речевых культурах могут не совпадать. Национальная специфика речевого этикета, проявляется не только в словесных (вербальных) формах, но и в жестах, позах, мимике [Маллаева 2012, с. 201].

Предметом другой статьи «Гендерно маркированные вокативы в дагестанских языках» является система обращений, основанная на гендерных отношениях. Семантическая мотивированность выбора обращений к мужчинам и женщинам З.М. Маллаевой и З.М. Рамазановой трактуется как типологически релевантный признак дагестанских языков [2018, с. 366]. Авторы статьи отмечают наличие во всех дагестанских языках формул речевого этикета, которые носят четко регламентированный гендерный характер. В качестве наиболее распространенного гендерного маркера в дагестанских языках выделяются вокативные междометия в функции обращения, которые могут относиться к лексическому арсеналу исключительно мужчин или исключительно женщин. В статье утверждается также, что: «Гендерно обусловленное употребление междометий характерно, видимо, для кавказских языков в целом – если не всех, то большинства из них» [Маллаева, Рамазанова 2018, с. 368].

Гендерные различия в речевом этикете нахско–дагестанских языков исследуются также в статье М.Я. Хачукаевой [2018]. Анализируя формулы речевого этикета с точки зрения его национально–культурного своеобразия Хачукаева М.Я. приходит к выводу, что в формулах речевого этикета наиболее ярко проявляется национально–культурная семантика языка и речевой этикет является источником и носителем различного рода страноведческой информации. Поэтому «изучение речевого этикета расширяет знания о культуре, истории, обычаях и традициях народов–носителей языков» [Хачукаева 2018, с. 382].

Исследуя обращения, используемые супругами для общения между собой в нахско–дагестанских языках, авторы приходят к выводу, что «уменьшительно–ласкательные вокативы в общении супругов не получили особого распространения в исследуемых языках, они допустимы только при общении супругов без свидетелей. В этом проявляется общая для всех носителей нахско–дагестанских языков идиоэтническая особенность – скупость в проявлении чувств». В качестве самого распространенного обращения жены к мужу в нахско–дагестанских языках авторы статьи выделяют

междометие (часто) и личное имя (реже) [Халидова, Хачукаева 2018, с. 91]. В другой статье этих же авторов исследуются термины приобретенного родства (свойства) в семейном дискурсе нахско–дагестанских языков [Халидова, Хачукаева 2018a]. В статье отмечается отсутствие в кавказоведении работ, исследующих прагматический и семантический аспекты обращений, функционирующих в рамках семейного дискурса, и рост интереса лингвистов в последнее время к исследованию разговорной речи в рамках прагмалингвистического подхода.

Наряду со специфическими особенностями, присущими семейному дискурсу каждого отдельного языка, авторы статьи выявляют и общее, характерное для носителей всех нахско–дагестанских языков – это уважительное отношение к старшим членам семьи, что является кавказской культурно–этнической доминантой.

1.2. Обращение как отдельный коммуникативный тип высказывания

В последнее время наблюдается заметный рост интереса лингвистов, особенно лингвокультурологов к вопросам функционирования языковых единиц в различных коммуникативных актах. Обращение, как отдельный коммуникативный тип высказывания, исследуется впервые в монографии известного немецкого лингвиста профессора Берлинского университета, первого председателя Немецкого общества лингвистики Дитера Вундерлиха «Studien zur Sprechakttheorie» [1976], в которой он, используя классификации Дж. Остина и Дж. Сёрля создает собственную классификацию иллокутивных типов из восьми составляющих: 1) Direktiv «директив»; 2) Kommissiv «комиссив»; 3) Erotetisch «эротетический» тип; 4) Repräsentativ «репрезентатив»; 5) Satisfaktiv «сатисфактив»; 6) Retraktiv «ретрактив»; 7) Deklaration «декларатив»; 8) Vokativ «вокатив». Д. Вундерлих даёт формализованное синтаксико–

семантическое описание каждого типа, а также характеристику их поведения в дискурсе.

Первый (директивный) тип составляют побуждения, просьбы, приказы, распоряжения, указания, инструкции, нормативные акты и т.д. Второй тип (комиссив) составляют угрозы, обещания, объявления и т.д. Третий (эротетический) тип составляют высказывания с вопросительными словами и частицей *ob* «ли». В четвертый (репрезентативный) тип входят сообщения, описания, констатации, объяснения, заверения, отчеты, заявления и т.д. Пятый тип (сатисфактив) включает извинения, благодарности, ответы, обоснования, оправдания и т.д. Шестой тип (ретрактив) включает в себя уточнение о сделанном ранее утверждении, заявления о невозможности выполнить данное ранее обещание и т.д. Седьмой (декларативный) тип включает в себя названия, назначения, приговоры, установление повестки дня, открытие и т.д. И наконец, восьмой (вокативный) тип составляют обращения, вызовы, оклики, призывы.

Как видим, Д. Вундерлих рассматривает обращение (*Vokativ*) в одном ряду с директивом, комиссивом, декларативом и др. и считает их первичными речевыми актами, которые управляют вниманием коммуникантов [Wunderlich 1976, с. 77].

Представляет интерес и классификация речевых актов Дж. Н. Лича, которая построена на риторических принципах Кооперации, Вежливости, Иронии (принципы межличностной риторики) и Процессуальности, Ясности, Экономии и Экспрессивности (принципы текстуальной риторики).

Иллокутивные функции речевых актов классифицируются с ориентацией на Принцип Вежливости. Предлагается выделить четыре их типа, исходя из того, какую социальную роль они играют в установлении и поддержании вежливых отношений.

(1) **Конкурирующий** (иллокутивная цель конкурирует с социальной целью): распоряжение, просьба, приказ, мольба.

(2) **Компанейский** (иллокутивная цель совпадает с социальной целью): предложение / предложение, приглашение, приветствие, выражение благодарности, поздравление.

(3) **Коллаборативный** (направленный на сотрудничество (иллокутивная цель безразлична по отношению к социальной цели): утверждение, отчёт, объявление, инструктаж.

(4) **Конфликтный** (иллокутивная цель конфликтует с социальной целью): угроза, обвинение, проклятие, выговор.

Классификация речеактовых глаголов, разработанная Дж. Личем представляет интерес для проблемы таксономии речевых актов.

Дж. Лич исходит из трихотомии речевых актов: локуция – иллокуция – перлокуция (согласно Дж. Остину) и на примере глагольных лексем выявляет различия между иллокутивным и перлокутивным актами, акцентируя особое внимание на иллокутивных предикатах.

Обращение по всем своим параметрам соответствует определению речевого акта, данному в Лингвистическом энциклопедическом словаре, как целенаправленного речевого действия, совершаемого в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе [ЛЭС 1990, с. 412].

Каждый речевой акт – это сложное образование, состоящее из триединых одномоментных фаз, совмещающее в себе локуцию, иллокуцию и перлокуцию. Локуция – это говорение (локутивный акт – акт говорения) по грамматическим правилам языка. Иллокуция – это говорение + действие (иллокутивный акт – локутивный акт + действие) выражает коммуникативную цель (прагматический аспект высказывания). Перлокуция – оказание воздействия на говорящего (перлокутивный акт – акт, оказывающий воздействие на собеседника) на его мысли, чувства или действия; реакция на произнесенное высказывание.

Межличностная коммуникация не ограничивается просто передачей и восприятием слов. Посредством целой системы сопутствующей

щих вербальному общению знаков мы передаем собеседнику большее количество информации. Для корректного их декодирования вкупе с речью адресанта, требуется обладать рядом коммуникативных навыков.

Термин «прагматика» восходит к греческому слову «действие» и имеет в науке о языке два значения. В первом значении прагматика – это лингвистическая дисциплина, изучающая функции языковых знаков в речевой коммуникации; во втором значении прагматика – это измерение формирования речевых высказываний, определяемое функциональными особенностями коммуникантов в речевом акте, например, коммуникативными интенциями говорящего и характером речевых средств, которые он использует, а также самой ситуацией общения [Сёрль 1986, с. 151–169].

Термин «прагматика» приобретает в быту дополнительные положительные коннотации, т.к. усилия, направленные на достижение определенного результата в той или иной сфере деятельности обычно называют прагматическими. Теоретическую основу прагматики составляет теория речевых актов, основоположниками которой считаются Дж. Сёрль и Дж. Остин [ЛЭС, с. 412]. Для прагматики важны внеязыковые (экстралингвистические) условия произнесения того или иного высказывания. Одно и то же высказывание может иметь совершенно разный смысл в зависимости от контекста. Тексты не имеют смысла, если не принимать во внимание кто, когда и при каких обстоятельствах их генерирует.

Одним из направлений прагматики является прагмалингвистика или лингвистическая прагматика, которая трактуется как лингвистический раздел прагматики или как прагматический аспект языкознания [Сусов 1983, с. 4]. Прагмалингвистика – это молодая область знаний на стыке лингвистики, психологии и философии.

Прагмалингвистика (или лингвистическая прагматика) это сфера лингвистических исследований, изучающая отношение между языковыми единицами и условиями их употребления в определённом ком-

муникативно–прагматическом пространстве [Сусов 2007, с. 269]. Также прагмалингвистика определяется как наука, которая занимается выбором наиболее оптимальных из имеющихся в языке средств для наиболее успешного воздействия на слушающего или читающего, для эффективного достижения намеченной цели в конкретных обстоятельствах речевого общения [Степанов 1981, с. 325–326].

В зависимости от иллокутивной силы в лингвистике различаются несколько типов речевых актов, так, например, акад. Г.Г. Почепцов выделяет следующие типы речевых актов: 1) констатив – утверждение; 2) промисив – обещание; 3) менасив – угроза; 4) перформатив – констатация и совершение действия одновременно; 5) директив – прямое побуждение адресата к действию; 6) квеситив – вопрос. Кроме того, Г.Г. Почепцов указывает на существование фатических (или по другой терминологии – мета–коммуникативных) речевых актов, реализующих контактоустанавливающую функцию языка [1986, с. 10–16].

Дж. Сёрль классифицирует речевые акты, исходя из следующих параметров: 1) цель речевого акта, 2) направленность акта (утверждения, например, направлены от слов к миру, а обещания и требования – от мира к словам); 3) выраженное психологическое состояние говорящего; 4) сила стремления к достижению цели; 5) различия в статусе говорящего и слушающего; 6) выражение интересов говорящего и адресата; 7) отношение к речевому контексту; 8) различия в пропозициональном содержании, определяемые различиями речевых задач; 9) различие между актами, имеющими только речевую реализацию, и актами, которые могут быть осуществлены как вербально, так и невербально; 10) различие между речевыми актами, успешность которых не зависит от социальных институтов; 11) различие между речевыми актами, в которых иллокутивный глагол функционирует как перформатив, и актами, в которых он не принадлежит к категории перформативов; 12) стиль осуществления речевого акта (например, заявление или признание) [Сёрль 1986, с. 170].

На основе данных параметров Дж. Сёрль выделяет следующие речевые акты: 1) репрезентативы – речевые акты, описывающие определенное положение дел; исполняя их, говорящий возлагает на себя ответственность за истинность сообщения. Тип коммуникативной ситуации репрезентативов, или ассертивов – констатация, прогноз; подтипами данного речевого акта являются сообщения, утверждения, описания, констатации; 2) директивы – речевые акты, используемые говорящим для побуждения слушающего к совершению некоторого действия; сюда относятся такие подтипы, как распоряжения, приказы, требования, просьбы, мольбы, приглашения, советы, рекомендации, инструкции–вопросы; 3) комиссивы – речевые акты, возлагающие на говорящего обязательство совершить некоторый поступок; подтипами данного речевого акта являются обещания, клятвы, заверения; предостережения, угрозы, предложения; 4) экспрессивы – речевые акты, передающие психологическое состояние говорящего: извинения, благодарность, соболезнования, упреки, удивление, возмущение; 5) декларативы – речевые акты, успешность которых гарантирует их истинность: объявления, акты, названия, приговоры, назначения на должность.

Языковые единицы, употребленные в качестве обращения, выполняют ряд коммуникативных функций: называют адресата речи, привлекают его внимание, характеризуют, выражают отношение говорящего. Основной функцией обращения, по мнению большинства исследователей, является обозначение адресата речи: номинативная функция (называние адресата речи по имени собственному или другому закрепленному за ним признаку). Остальные функции: 2) социально–регулятивная и этикетная (индикация социальных и межличностных отношений коммуникантов и этикетное оформление речи); 3) вокативная (привлечение внимания адресата и установление контакта с ним); 4) оценочно–характеризующая (выражение отношения говорящего к адресату), как бы накладывающаяся на эту основную функцию.

Человек как субъект речевой деятельности занимает центральное место в прагматических исследованиях. В процессе речевого общения адресант выступает как личность, выявляющая одну или несколько своих социальных функций в зависимости от конкретных условий протекания общения. Адресат также выступает в процессе коммуникации в одной из своих социальных функций. Поэтому высказывание следует понимать и анализировать с учетом этих специализированных параметров, а для успешного осуществления речевого общения важно, чтобы параметры отправителя сообщения и его получателя были согласованы [Арутюнова 1981, с. 357–358].

В рамках прагматического аспекта коммуникации изучаются также механизмы воздействия вербальной формы на поведение человека. Такое воздействие может осуществляться как в плане физическом, так и интеллектуальном [Колшанский 1984, с. 145–146].

Прагматика исследует знаки в их отношении к тем, кто этими знаками оперирует, а язык является знаковой системой. Следовательно, можно утверждать, что прагмалингвистика занимается исследованием языковых знаков в их отношении к тем, кто эти знаки создает, получает и интерпретирует [Матвеева 1998, с. 11].

В рамках прагмалингвистики исследуются вопросы, связанные с адресантом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации и ситуацией общения. То есть, в прагмалингвистике вопросы функционирования языка уступают место вопросам зависимости функционирования языковых единиц от тех, кто пользуется языком [Степанов 1990, с. 441]. Ключевыми понятиями в прагмалингвистике являются дискурс и текст.

Несмотря на то, что обращение представляет собой одну из наиболее употребительных языковых единиц, по настоящее время среди лингвистов нет единства мнения по вопросу о том, что входит в состав понятия «обращение». Нет единого мнения среди исследователей речевых актов и по вопросу о синтаксическом статусе обращения. Часть исследователей классифицируют обращение в

качестве члена предложения, другая часть – в качестве самостоятельной синтаксической единицы.

Среди зарубежных исследователей утвердилось мнение, что обращение является самостоятельной языковой единицей, которая обладает синтаксической независимостью и не выявляет грамматических связей с другими членами предложения. Обращение может функционировать как самостоятельно, вне предложения, так и в составе предложения. Если обращение входит в состав предложения, то оно не вступает в грамматические связи с его членами, а устанавливают с ними лишь логические, смысловые отношения.

Различные языковые единицы в функции обращения выполняют ещё различные дополнительные функции. Обычно обращение выполняет в речи две основные функции: аппелятивную и экспрессивную. Аппелятивная функция используется в качестве призыва, а экспрессивная – в качестве оценки или характеристики, очень часто эти две функции взаимосвязаны.

Некоторые исследователи [Бондарко 1976; Щур 1976 и др.] используют для исследования обращения полевой подход, исходя из того факта, что система обращения представляет собой не однородную структуру, а объединение разнородных языковых единиц (морфологических, синтаксических, деривационных, лексических), исходя из их функциональной общности, а именно: адресации сообщения. Полевая структура, как известно, состоит из ядра, приядерной зоны и периферии. Ядро функционально–семантической категории обращения составляют официальные формы вокативов, а периферию образуют неформальные обращения.

Речевой акт обращение состоит из следующих компонентов: иллокутивная сила, перлокутивный эффект, пресуппозиция адресанта и адресата. Различается также речевой акт обращения с имплицатурой и без имплицатуры. В последнем случае иллокутивная сила обращения зависит от её семантической функции в речи. В зависимости от

функции обращения принято различать следующие иллокутивные акты обращения:

- а) номинативный (функция – назвать адресата речи);
- б) вокативный (функция – привлечь внимание адресата);
- в) этикетный (функция – социально–регулятивная: обозначить статусно–ролевое соотношение коммуникантов и вежливо оформить речь);
- г) оценочно–характеризующий (функция – охарактеризовать адресата речи и выразить отношение к нему адресанта);
- д) дейктический (функция – указать на адресата речи);
- е) эмотивный (функция – выразить эмоции по отношению к адресату).

Каждый из этих иллокутивных актов ориентирован на соответствующий перлокутивный эффект.

Обращение выполняет также идентифицирующую функцию, которая не выделяется в качестве самостоятельного иллокутивного акта, поскольку является инвариантной для всех обращений.

Коммуникативный контекст, который включает место, время, статусы, роли и взаимоотношения коммуникантов, тему диалога, играет большую роль в интерпретации обращения. Исследовать обращение вне контекста невозможно. Именно контекст позволяет правильно оценить иллокутивную силу и просчитать перлокутивный эффект обращения. Контекст, согласно Н.Н. Амосовой, это фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения этой единицы [Амосова 1968]. Именно контекст позволяет отграничить обращение от схожих с ним речевых актов.

В результате исследования перлокутивного эффекта, оказываемого апеллятивом на реципиента, В.В. Звягинцева приходит к выводу о значимости роли обращения в дискурсе и называет обращение оператором дискурса [Звягинцева В.В. Обращение как оператор семейного дискурса Электронный ресурс. Режим доступа: <https://docplayer.ru/64606934-Obrashchenie-kak-operator-semeynogo-diskursa-v-v-zvyaginceva-assistent-kaf-inostrannyh-yazykov.html>].

ГЛАВА 2. ВОКАТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ

Основная цель вокативных речевых актов (вокативов) – это привлечение внимания адресата. К вокативам относятся оклики, обращения и призывы. Вокативы занимают особое положение в классификации речевых актов Д. Вундерлиха [Wunderlich 1976]. Цель вокативов состоит в требовании от адресата внимания и в поддержании контакта. Вокативы могут служить распределению коммуникативных ролей и занимают в этих случаях различные позиции в бытовом дискурсе. Каналом репрезентации бытового дискурса, как правило, является устная речь, гораздо реже – письменная. Способ реализации бытового дискурса – это диалог (чаще всего) или полилог (реже).

Коммуникативная цель вокативов варьируется в зависимости от ситуации, в которой происходит процесс общения (побуждение, убеждение, объяснение и т.д.). Тема бытового дискурса – это, чаще всего, тема семьи и семейных взаимоотношений.

2.1. Речевые ситуации, ориентированные на детей

(речевой акт ‘взрослый – ребенок’)

Для коммуникативного акта категории ‘взрослый – ребенок’ наиболее характерным является употребление деминутивов. Деминутивы в коммуникативном акте ‘взрослый – ребенок’ обозначают не только уменьшительность и не столько уменьшительность, сколько эмотивность. Использование уменьшительных имён в эмотивном значении вполне вписывается в прагматическую установку высказывания и маркирует речевые ситуации ‘взрослый – ребенок’.

2.1.1. Деминутивы в функции обращений к детям

Категория деминутивности принадлежит к числу сложных, активно дискутируемых и недостаточно изученных вопросов языкознания. В лингвистических трудах исследуются лишь отдельные аспекты категории деминутивности. Как правило, в качестве деминутивов рассматривают имена существительные суффиксального образования, выражающие малый размер. Прагматические позиции категории деминутивности остались вне поля зрения большинства исследователей. Можно сказать, что в науке о языке пока еще не определен ни формальный, но функциональный статус категории деминутивности, не определен также прагматический потенциал категории деминутивности.

Категория деминутивности (уменьшительности) в аварском языке не может рассматриваться в качестве одной из семантических доминант, как, например, в русском языке, в котором представлен широкий набор специализированных уменьшительных суффиксов. В аварском языке, как, впрочем, и во всех остальных языках, дело обстоит иначе, здесь деминутивность носит более ограниченный характер, но, тем не менее, без неё нельзя обойтись в определенных коммуникативных сферах. Например, в бытовом дискурсе аварского языка представлены прагматические ситуации, когда деминутивы достаточно востребованы и свободно используются. Это речь взрослых, обращенная к детям. Эмоциональная реакция коммуникантов репрезентирует момент перехода от семантического аспекта к прагматическому.

Среди носителей аварского языка употребление уменьшительной лексики характерно, как правило, для женщин. Не только потому, что они больше заняты домашними делами, уходом за детьми и их воспитанием, но и в силу сложившихся традиций, в силу этнического менталитета. Согласно неписаным законам горского этикета поведение мужчин в любой ситуации не допускает проявления чрезмерных эмоций. Мужчине подобает быть

сдержанным, в том числе и на проявление чувств к собственным детям, особенно в публичном общении.

Обращения в коммуникативном акте ‘взрослый – ребенок’ выполняют функции прагматических операторов и в то же время располагают эмоционально-оценочным содержанием, указывающим на отношение адресанта (родителей) к адресату (детям). Деминутивная лексика обладает двумя типами значений.

Первый, исходный тип – это уменьшительность (малость), второй, производный тип, – это эмоциональная близость. Оба значения выражены в деминутивах одновременно, но в зависимости от типа речевого акта и от иллокутивной цели обращения превалирует то или иное значение. Семантико–прагматическая сущность деминутивов заключается в одновременном обозначении малости и эмоционального отношения к объекту речи.

В каждой семье имеется определенный набор обращений, различной семантической оценки, принятый в данной семье, в данном этническом сообществе, в данном регионе. В зависимости от иллокутивной цели речевого акта адресант использует из набора этих обращений тот или иной вариант, содержащий в себе оценочный показатель.

Семантическая оценочность обращений проявляется в трех разновидностях оценки: мелиоративной, пейоративной и нейтральной. В.В. Звягинцева на основе семантической и прагматической дифференциации обращений выделяет «следующие оттенки оценочности: *оттенок фамильярности*, выражающий положительную эмоциональную составляющую обращения, подчеркивающий приятельские отношения коммуникантов; *оттенок одобрения*, отражающий положительную реакцию на адресата, его поведение, внешние данные и т.д.; *гипокористический оттенок*, выражающий эмоциональную реакцию со стороны адресанта, связанную с интимно–любовными чувствами, испытываемыми к собеседнику; *оттенок неодобрения*, передающий пренебрежительное отношение к слушающему; *оттенок иронии*, передающий шутливо–пейоративное отношение к адресату; *оттенок презрения*,

выражающий сугубо отрицательное отношение к коммуниканту» [Звягинцева 2011, с. 14].

Обращения, не содержащие в себе какой–либо ярко выраженной семантической оценки, В.В. Звягинцева относит к группе нейтральных обращений.

Нейтральные обращения к детям

К нейтральным с точки зрения семантического и прагматического наполнения обращениям (из категории деминутивов) в диалектах и говорах аварского языка относятся: *гьитIич*, *гьитIикI*, *тIунач*, *тIухIнач* (диал.) «малыш», «малышок», *гьитIунав* «маленький», «малыш», *гьитIунай* «маленькая», «малышка», *тIунав* (диал.) «маленький», «малыш», *тIунай* (диал.) «маленькая», «малышка», например:

Гюде, гюде, дир месед
Гланаби багIарлъизе,
Гюде, гюде, гьитIунай,
Бералги чалухлъизе,
КватIичIого хасел ун,
Хадуб цIерги биъина.
«Плачь, плачь, мое золотце,
Чтобы щёки покраснели.
Плачь, плачь, малышка,
Чтобы глаза кокетничали.
Скоро зима пройдет,
Потом и лед растает».

Наиболее распространенное обращение из уменьшительной лексики нейтральной оценки в диалектах и говорах северного наречия аварского языка – это слово *гьитIич* «малыш», «малышок». Слово производное, образовано от общей именной основы *гьитIи–*, репрезентирующей семантику малости + деривационный суффикс *–ч*.

В говорах и диалектах южного наречия аварского языка употребляются варианты: *тІунач*, *тІухІнач* «малыш», «малышок».

Довольно употребительны в говорах и диалектах южного наречия также гендерно–маркированные варианты *тІунав* «маленький», «малыш» и *тІунай* «маленькая», «малышка», *кикав* «маленький», «малыш» и *кикай* «маленькая», «малышка» в чохском говоре андалальского диалекта. Ауслautные звуки в этих лексемах –*в* и –*й* являются переменными классно–числовыми репрезентантами –*в* – для первого (мужского) грамматического класса единственного числа и –*й* – для второго (женского) грамматического класса единственного числа. Данные обращения являются также наиболее нейтральными из группы деминутивов.

К нейтральным деминутивам можно отнести и широко распространенное в аварском бытовом дискурсе обращение *ясикІо* «кукла», которое гармонично сочетает в себе семантику малости и эмоционального отношения к ребенку. Данный вокатив характеризуется в аварском языке двумя особенностями:

1) употребляется только в сочетании с притяжательными местоимениями, именами в форме генитива, преимущественно от слова баба «мама»;

2) гендерно маркированный вокатив, употребляется только по отношению к девочкам.

Например: *бабал ясикІо* «мамина кукла», *дир ясикІо* «моя кукла», *дир чинидул ясикІо* «моя фарфоровая кукла» и т.д.

В некоторых контекстах обращение *бабал ясикІо* «мамина кукла» может быть употреблено и по отношению к мальчику. Такое обращение к мальчику или юноше воспринимается как нарушение нормы и приобретает прагматическое значение оскорбления, издёвки или злой шутки.

К нейтральным обращениям можно отнести также вокативные формы от терминов *вас* «сын» и *йас* «дочь» – соответственно: *вас–ав* и *йас–ай*.

К нейтральным с точки зрения семантического и прагматического наполнения обращениям кратинского языка относятся: *ашикІо* (кукла), *илой ашикІо* «мамина кукла», *дий ашикІо* «моя кукла», *дий чинил ашикІо* «моя фарфоровая кукла», *див ашикІо* (к сыну – моя кукла), *илйов* «мамин сын» и *илйой* «мамина дочь»

Мелиоративные обращения к детям

Национальная специфика репрезентации семантики и прагматики деминутивности в бытовом дискурсе аварского языка обнаруживается в том, что при наличии ограниченного набора деминутивных средств деминутивность является функционально развитой категорией. К типичным сферам реализации прагматики категории деминутивности относятся детская речь или речь взрослых, обращенная к детям или к близким родственникам, вызывающим эмоциональное трепетное к ним отношение.

2.1.2. Зооморфизмы в функции обращений к детям

Эмоциональную реакцию со стороны родителей, связанную с нежными чувствами передают обращения с гипокористическим оттенком оценочности. В качестве таких обращений в аварском языке часто используются названия детёнышей животных или птиц, например: *къегІер* «ягненок», *бурутІ* «козленок», *хІинчІ* «птенчик», *хух* «ягнёнок (годовалый)», *хохоч* «ягненок» (Шамильский р-н, с. Телетль), *бехуу* «ягненок» (андалальский диалект).

В такой же функции может быть использовано обращение *тІинчІ* «детеныш», «дитя», но только не в самостоятельном употреблении, а в форме словосочетания, например: *бабал хІеренаб тІинчІ* «мамино нежное дитя», *бабал берцинаб тІинчІ* «мамино красивое дитя», *бабал махІ берцинаб тІинчІ* «мамино ароматное дитя», *бабал цІар берцинаб тІинчІ* «мамино дитя с красивым именем», *къвекІаб цІудул тІинчІ* «храбрец», «молодец», букв. «птенец орла с пестрым опереньем» и т.д.

Названия детёнышей животных или птиц (*кьеглер* «ягненок», *бурутI* «козленок», *хIинчI* «птенчик» и др.) также чаще употребляются в словосочетаниях:

а) двусложных – *бабал кьеглер* «мамин ягненок», *бабал бурутI* «мамин козлёнок», *бабал хIинчI* «мамин птенчик», *дадал бурутI* «папин козлёнок», *дадал милъиришо* «папина ласточка», *дир тIанчIал* «мои цыплятки», *дир лачен* «мой сокол», *дир мокъокъ* «моя куропатка!»);

б) трёхсложных – *бабал тамахаб кьеглер* «мамин мягкий ягненок», *бабал хирияб бурутI* «мамин дорогой козлёнок», *бабал меседил хIинчI* «мамин золотой птенчик», *бабал хIеренаб бурутI* «мамин нежный козлёночек», *бабал самаияб хIинчI* «мамина небесная птичка», *дадал тIавус хIинчI* «папина птица павлин» и т.д.;

в) в четырёхсложных – *бабал берал берцинаб тIинчI* «мамино дитя с красивыми глазами», *бабал цIар берцинаб хIинчI* «мамин птенчик с красивым именем», *бабал берцинаб ихдалил хIинчI* «мамина вешняя птичка», *дадал гIундул къокъаб бацI* «папин карноухий волк», букв. «волк с короткими ушами» и т.д.

Все эти обращения носят ласкательный характер, выражают эмоции и основную роль в них играет интонация. Привлекает внимание наличие в структуре сложных обращений, вокативов с показателями принадлежности, типа: *бабал, дадал, дир*.

Наличие в кумыкском языке, как и в других тюркских языках, вокативов с показателями принадлежности, типа: *анам* «моя мама», *суйгеним* «моя любимая», *уланым* «мой сын» Н.Э. Гаджихмедов объясняет тем, что «в менталитете тюркского человека изначально заложено стремление подчеркнуть принадлежность предмета определенному лицу. Без конкретизации такой принадлежности предметы как бы не существуют. Для тюркского менталитета все вокруг должно кому–то принадлежать. Отношения обладателя и обладаемого всегда были принципиально важными в социально–экономической жизни тюрков [Гаджихмедов 2012, с. 60].

Необходимым условием употребления «детских деминутивов» является речевая ситуация, где центральной фигурой является ребенок. В подобной речевой ситуации ребенок выступает в роли слушающего или адресата.

Обращение, как одна из наиболее употребительных единиц аварского бытового дискурса, может быть представлено как особый речевой акт (в случае, если оно употребляется в речи изолированно) или как составляющая речевого акта, выполняющая основные и дополнительные функции в прямой зависимости от соотношения между иллокутивной силой обращения и интенциональностью высказывания. В аварской лингвокультуре представлено большое количество таких номинативных единиц, которые, в силу своей образности, свободно функционируют в речи в качестве обращений. В семейном дискурсе, особенно при обращении к детям, вокативную функцию часто выполняют зоо– и фитоморфизмы, переносящие на человека признак, присущий тому или иному животному или растению.

Зооморфизмы, используемые в функции обращений в бытовом дискурсе аварского языка основаны на стереотипах национальной культуры аварцев. Обращения–зооморфизмы, применяемые по отношению к детям, представлены преимущественно названиями детенышей животных и птиц, например:

авар.: *хохоч* «ягненок», *къеглер* «ягненок», *бурутI* «козленок», *хIинчI* «птенчик», *тIинчI* «детеныш», *бацIил тIинчI* «волчонок», *алжанальлълул хIинчI* «райская птица», *ихдалил хIинчI* «весенняя птичка», *мокъокъ* «куропатка», *милъиришо* «ласточка», *гIанса* «тетерев», *тIавус* «павлин» и т.д.

Зооморфизм *хIинчI* «птенчик» как одиночно, так и с характеризующими определениями (*алжанальлълул хIинчI* «райская птица», *ихдалил хIинчI* «весенняя птичка») и названия конкретных птиц (*мокъокъ* «куропатка», *милъиришо* «ласточка», *гIанса* «тетерев», «горная индейка») употребляются по отношению к девочкам, например:

Бабал ихдалил хIинчI!

«Мамина вешняя птичка!».

Цо гурони гьечей, дадал милъиршо.

«Единственная моя, папина ласточка».

Бакъалъахъ гочунеб мокъокъ,

Хьонда рештунеб гланса.

«Куропатка, уходящая по солнечной тропе,

Тетерев, пребывающий на теневой стороне».

Зооморфизмы *бацлил тлунчI* «волчонок», *цидул тлунчI* «медвежонок», *гланкIил тлунчI* «зайчонок» имеют исключительно гендерное употребление, допустимы только по отношению к мальчикам. Данные обращения употребляется также преимущественно лицами мужского пола (отцом, дедушкой, дядей, старшим братом). Исключение составляют колыбельные песни для мальчиков, например:

Берал берцин – цидул тлунчI,

«Медвежонок с красивыми глазами»,

Цаби глусин – гланкIил тлунчI,

«С мелкими зубками зайчонок»,

Гундул къокъаб бацлил тлунчI,

«Волчонок с маленькими (букв. «уши короткие») ушками»,

Хехлъи гьабун кIудав гIа!

«Поскорее вырастай!».

Наряду со словосочетанием *гланкIил тлунчI* «зайчонок» употребляется и сложное слово, полученное сочетанием этих же компонентов – *гланкIитлунчI* «зайчонок».

В даргинском языке есть такое гендерно маркированное стилистически окрашенное (поэтич.) обращение, которое подчёркивает красоту девушки: *мукукури мургъила жайран* букв. «олень с золотыми рогами».

В аварском языке есть такое же обращение, подчёркивающее красоту девушки *мукъур сурмияб микки* «голубь с коричневым зобом»; *мукъурберцин* «с красивым зобом (о сизом голубе)».

Гендерно маркированными в аварском языке являются также обращения–зооморфизмы: *гъалбацI* «лев», *гIундул къокъаб бацI* «карноухий волк», употребляемые исключительно для обращения к мальчикам.

При негативной оценке адресата речи, для выражения неодобрения поведения или поступка (ребёнка), употребляются экспрессивные зоосемантические метафоры, например: *хIама* «осёл», *хIайван* «скотина», *хIелеко* «петух», *чахъу* «баран», *цIуле* «козел», *оц* «бык», *гIорцIен* «мул» и др. Такие зооморфные метафоры, употребляемые в вокативной функции, можно отнести к инвективной лексике. Подобные обращения к детям актуальны, когда осуждаются такие качества, как заносчивость (*хIелеко* «петух»), упрямство (*хIама* «осёл», *гIорцIен* «мул», *оц* «бык»), трусость (*цIуле* «козел»), глупость (*хIайван* «скотина», *чахъу* «баран»).

Все приведенные зооморфные метафоры составляют микрофрагменты аварской языковой картины мира и выражают национально–культурные коннотации, возникшие в результате этно–специфического образно–эмоционального осмысления места человека в окружающем его реальном мире.

Большинство фразеологизмов, функционирующих в качестве вокативов, выражают своё значение не в нейтрально–логической, а в эмотивно–оценочной, экспрессивной форме. Зооморфные метафоры репрезентируют не только положительное, но и отрицательное отношение адресанта к адресату, например: *сихIираб цер* «плутишка», букв. «хитрый лис», *чIегIераб борохъ* «предатель», «змея подколотная», букв. «чёрная змея» *багIараб гIака* «никудышник», букв. «красная корова», *бакъараб кето* «жадюга», букв. «голодная кошка», *рагъул бацI* «драчун», букв. «враждующий волк», *ццидал хIелеко* «злюка», букв. «злой петух», *къватIул бахIри* «гуляка, бездельник» (много времени проводящий вне дома), букв. «уличный пёс», *барахцараб кето* «спупердяй» (букв. «жадная кошка») и т.д.

Речевые акты, выражающие удивление, благодарность, восхищение или упреки, передающие психологическое состояние человека, Дж. Сёрль относит к экспрессивам. Дж. Сёрль, как

известно, выделял пять типов речевых актов: директивы, репрезентативы, декларативы, комиссивы и экспрессивы [Сёрль, электр. ресурс].

Названия животных в данной функции являются носителями определенных символов (глупости, упрямства, трусости и т.д.). Как заметила Н.Д.Арутюнова: «Почти в каждом слове можно обнаружить следы человека. Язык насквозь антропоцентричен. Присутствие человека дает о себе знать во всем пространстве языка, но более всего оно сказывается в лексике и синтаксисе – семантике слов, структуре предложения и организации дискурса» [Арутюнова 1999, с. 3].

Эмоциональность адресанта накладывает отпечаток на оформление и сообщение мысли говорящим, на восприятие его адресатом. Важным средством выражения эмоций являются фразеологические единицы вторичной номинации – «выражение различного рода оценок и отношения говорящего к высказываемому» [Апресян 1986, с. 167].

Зоонимы являются своеобразными носителями и зеркалом этнической культуры. Применяя зоонимы в обращениях, адресант даёт положительную или отрицательную характеристику адресату. Уподобление человека животному преследует цель выделить его положительные или отрицательные качества. Таким образом, можно отметить, что вокативы, содержащие зооморфные метафоры, выполняют не только фатическую функцию, но и характеризующую.

2.1.3. Фитоморфизмы в функции обращений к детям

Обращения – фитоморфизмы, применяемые по отношению к детям, носят самый разнообразный характер и представлены следующими единицами:

авар.: *цӀцӀубил* «виноград», *цӀцӀолбол горо* «виноградинка», *чӀегӀер цӀцӀубил* «чёрный виноград», *найцӀцӀубил* «изюм без косточек, кишмиш» (букв. «пчелиный виноград»), *чамасдак* «финик», *ракъа гьечӀеб чамасдак* «финик без косточки», *хайдакъальул гӀеч* «хайдакское яблоко», *хлавагӀеч* «айва», букв. «яблоко Евы (Хавы)»,

багІли «черешня», *багІараб багІли* «красная черешня», *хъахІаб багІли* «белая черешня» и т.д.

В вокативной функции может употребляться название любого фитонима, если оно использовано в сочетании с притяжательным местоимением *дир* «мой, моя, моё», и характеризующим фитоним прилагательным или причастием в функции определения, например: *дир гъуинаб гени* «моя сладкая груша», *дир багІараб гІеч* «моё красное яблочко», *дир чІегІер(аб) цІибил* «моя чёрная виноградинка» и т.д. Такие вокативы употребляются, как правило, при обращении к самым маленьким детям, часто в колыбельных песнях для девочек. Они также характерны для женской речи, для матери, бабушки, возможно и для речи старшей сестры, например:

МахІ гъуинаб дир гени,
КІаркъен багІараб дир гІеч,
Тиндадерил рольалъул,
Бищун босараб дир мугъ.
«Груша моя ароматная,
Яблоко мое краснощекое,
Из тиндинской пшеницы,
Отобранное (отборное) зёрнышко моё».
Дир махІ гъуинаб хІавагІеч.
«Моя ароматная айва».

Встречаются также необычные вокативы, типа: *чакаралъул кило* «килограмм сахара», например:

Биараб гІарцул тІурай,
ПартІун рольул гъаюрай,
Меседкунал гІомо гъай,
ГІарцулкунал чалу гъай,
Чакаралъул кило гъай,
Кавказалъул бурутІ гъай.
«Литая из расплавленного серебра,
Мгновенно изготовленная из муки
Из просеянной муки сделанная
Клубок золотых ниток ты,

Серебряных ниток тесьма ты,
Килограмм сахара ты
Ягненок Кавказа ты».

Здесь указательное местоимение *гъай* «эта», употреблено в функции личного местоимения *мун* «ты».

Мун «ты» употребляется при личном обращении, *гъай* «эта» – когда кому–то характеризуюешь, описываешь человека, т.е. может быть адресовано непосредственно.

*Эбелалъе йокъулей,
Ракъа гъечІеб чамасдак.*

«Мамой любимая,
Финик без косточки».

ГъоцІо цІибилалъул цІункІун гъаюрай,

Цибил чакаралъул чурун гъаюрай,

ХъахІаб гІарацалъул йиун гъаюрай,

Гъание, гъание бабал меседу,

«Созданная из медового винограда,

Созданная из сахарного винограда,

Созданная из расплавленного белого золота,

Сюда, ко мне, мамино золотце».

2.1.4. Соматический код культуры в функции обращения к детям

Значительное количество деминутивов характерны для типов высказываний, в которых не ребенок является объектом речи, а те или иные части его тела (*мугъ* «спина», *кІал* «рот», *кверал* «руки», *хІатІал* «ноги», *бер(ал)* «глаз(а)», *беркІал*, *куц* «лицо», *къенсер* «бровь», *цаби* «зубы», *гІундул* «уши», *гІанаби* «щёки», *кІаркъаби* «щёки» и т.д.) являются референтом высказывания, например:

а) объект речи – девочка:

*Мугъ берцинай, кочІохъан,
«Певица с красивой спиной»,*

Тох берцинай кьурдухъан,
«Плясунья с красивой головой (букв. с крышей)»,
РитӀи берцинал кверал,
«Руки с красивым взмахом»,
Рахъи берцинал хӀатӀал.
«Ноги с красивой походкой».

***

Елъулаго кӀал берцин,
«Смеясь рот красив»,
КӀальалаго бер берцин,
«Разговаривая глаза красивы»
ЧуричӀого беркӀал хъахӀ.
«Не умывшись лицо бело»,
ХъвачӀого кьенсер чӀегӀер,
«Не накрасив, брови черны».

Женская красота в языковой картине мира аварцев (как и всех дагестанцев) актуализируется через белое лицо, чёрные брови, чёрные глаза, чёрные волосы, красные щёки и т.д.

БагӀар нагӀлил гӀанаби,
ГӀакдал нахул кӀаркъаби.
«Румяные щёки из красного драгоценного камня.
Щеки из коровьего масла»

б) объект речи – мальчик:

Берал берцин – цидул тӀинчӀ,
«Медвежонок с красивыми глазами»,
Цаби гӀисин – гӀанкӀил тӀинчӀ.
«С мелкими зубками зайчонок».

***

АхӀизе цӀар берцинав,
«Со звучным именем»,
Бихъизе куц беричав,
«С красивым лицом».

Обращения к детям, в которых части его тела являются референтом высказывания, например: *гьоуццлокIал* «медовый ротик», *кIал берцин* «с красивым ртом», букв. «рот красивый», *берал берцин* «с красивыми глазами», букв. «глаза красивые», *гIанаби багIар* «румяные щёчки», *цаби гIисин* «мелкозубый», *цаби берцин* «с красивыми зубами», *гьумер берцин* «с красивым лицом», *бахьинаб гьумер* «белое (белоснежное) лицо», *гургинаб гьумер* «круглолицый» и т.д.

В речевом поведении коммуникантов, в устойчивых формулах обращения, как и во всём языке «отложились богатый народный опыт, неповторимость обычаев, образа жизни, условий быта каждого народа. Приветствия в разных коммуникативных культурах представляют собой микрофрагменты языковой картины мира, поэтому их исследование имеет не только собственно лингвистическое значение, но и лингвокультурологическое и этнокультурное» [Гаджихмедов, Мусаева, Самедов 2012, с. 66].

2.1.5. Атрефакты в функции обращений к детям

Каждый язык национально специфичен, и это также отражается на обращениях. Национально–культурное своеобразие дагестанских народов, в том числе и аварского народа, заключается также и в том, что в вокативах семейного дискурса, применяемых по отношению к детям, часто встречаются названия драгоценных металлов. Например, такие обращения, как: *месед* «золото», *меседил горо* «золотая горошина», *бабал меседил гьуни* «мамина золотая гора», *бабал гургинаб гьуруцц* «мамина круглая монета», *меседил кIичI* «золотая пуговица (петля, крючок)», *гIарцул кIуни* «серебряная шкатулка», *меседкунал гIомо* «золотых ниток клубок», *гIарцулкунал чалу* «серебряных ниток тесьма» и т.д.

Биараб гIарцул тIурай,

Меседкунал гIомо гьай,

ГIарцулкунал чалу гьай.

«Литая из расплавленного серебра,

Клубок золотых ниток она,
Серебряных ниток тесьма она».

Национально–культурное своеобразие аварского языка, заключается и в том, что в вокативах семейного дискурса, применяемых по отношению к детям, используются названия любимых продуктов питания или приготовленных из них национальных блюд, например:

*ПатИмат, тIатIул хинкI,
ТIатIи буссун ханил хинкI,
Хоно чIехьон пурица,
Эбелалгьул ПатИмат.*

«Патимат, хинкал из курдюка,
Яичный хинкал с кусками курдюка,
Чуду с яйцами,
Мамина Патимат».

Обращения, основанные на сравнениях с продуктами питания, также являются отражением национально–культурного своеобразия носителей аварского языка. Так нежность, мягкость, покладистость сравнивается со сливочным маслом: *щарил нах гIан хIеренай* «нежная как сливочное масло».

*Вай берцинай, берцинай,
Берциналгъа хъамурай.
ХъахIалгъаги йищарай,
Щарил нах гIан хIеренай.*

«Ой, красавица, красавица
Украденная из красивых,
Выбранная из беленьких,
Нежная как сливочное масло».

*МахI гьуинаб дир гени,
КIаркъен багIараб дир гIеч,
ТIиндадерил рольалгьул,
Бищун босараб дир мугь.
БагIар меседил хIуби,*

*Гьоло маргъалул гъуни,
Лага гургинай бика,
Габур халатай Баху,
Гьаракъ берцинаб гагу,
Рисси сурмияб микки,
ХIатIал багIараб мокъокъ.*

«Груша моя пахучая,
Яблоко мое краснощекое,
Из тиндинской пшеницы,
Отборное Отобранное семя моё
Ствол красно–золотой,
Кучка жемчужных бобов.
Красавица круглотелая,
Баху длинношеяя.
Кукушка с красивым голосом,
Голубка с коричневым опереньем,
Куропатка красноногая».

Иллокутивная функция таких обращений состоит в демонстрации нежных чувств к ребенку. Важную роль в интерпретации вокативов играет коммуникативный контекст. Не представляется возможным исследовать обращение, выявить его функциональные особенности, оценить иллокутивную силу и просчитать перлокутивный эффект в отрыве от контекста или конситуации.

Также существуют обращения к детям, негативного характера, основанные на суеверии, что с помощью ласковых обращений родители могут сглазить свое дитя, поэтому иногда называют свое чадо *сурукъ* «некрасивенький», *куц квеш* «страшненький», *глантуч* «глупенький» и т.д. Функциональная двойственность, как видим, приводит к сочетанию идентифицирующих номинаций с номинациями субъектно–оценочного типа.

2.1.6. Инвективы в функции обращений к детям

Общение представляет собой сложный и многогранный процесс взаимодействия и взаимовлияния людей друг на друга. Оно может рассматриваться не только как акт осознанного, рационально оформленного речевого обмена информацией, но и в качестве непосредственного эмоционального контакта между индивидами. Последнее чаще всего имеет место в семейном дискурсе. Такой контакт варьирует от духовного взаимопроникновения и взаимопонимания партнеров до самых грубых фрагментарных контактов, которые приобретают инвективный характер.

Общение с детьми – это всегда эмоциональный контакт, но не всегда положительный, особенно с детьми старшего возраста. В некоторых речевых ситуациях при наличии определенного конфликта этот контакт может носить грубый, инвективный характер. Как правило, это имеет место в ситуации, когда родители недовольны в целом поведением или конкретным поступком детей. В таких случаях используются вербальные средства, известные в лингвистике как ‘инвективы’ или иначе – грубая лексика, а сам акт общения квалифицируется как ‘инвективный речевой акт’. Перлокутивным эффектом инвективного речевого акта является снижение индивидуального статуса адресата и нанесение ему морального ущерба. Инвективная лексика в речевом акте «родители ~ дети» чаще используется адресантом (родителем) не с намерением оскорбительного воздействия на адресата (ребёнка), а скорее преследует цель – дать отрицательную оценку того или иного поступка ребёнка с целью предотвратить в дальнейшем такие поступки или такое поведение.

Для выражения негативного отношения к самому адресату, а не к конкретному поступку адресата, используется отрицательная эмоционально–оценочная лексика, располагающая большим инвективным потенциалом, например: *axIмакъ* «придурок», *бахьикъос* «проходимец», *xIарамзада* «мерзавец», «проходимец», *xIалихъат* «негодяй», «проходимец», *kIухIал* «бездельник», «лентяй»,

«ленивец», *таращ* «щенок», *гЛорцлен* «упрямец», букв. «мул», *гЛантаб чахъу* «придурак», *чорок* «грязнуля», *хъурумсахъ* «подлец», «негодяй», *сихIур* «хитрец», *гъештIерухъан* «пустомеля», букв. «свистун»; *пударухъан* «болтун», «обманщик»; *угъраш* «негодяй», *нажжас* «негодяй», «погань», *яриман* «подлец», *рахъухъириц* «недоросль», *лъавукъ* «тупица», *гъерсихъан* «обманщик», *убачIаб гIвари* (андал. диал.) «недотёпа», *гъорол чу* «болтун», «пустомеля», букв. «ветряная лошадь», *кIалбазар* «пустомеля» и др.

Инвективный речевой акт можно рассматривать как одну из форм конфликтного взаимодействия. Н.Д. Арутюнова характеризует инвективный речевой акт как «агрессивный дискурс», понимая под этим «гневную связную речь, произнесенную целенаправленно в адрес обидчика» [Арутюнова 1981, с. 359–361]. В инвективном речевом акте чаще всего используются слова, в лексическом значении которых содержится негативная оценка занятий или поведения адресата – *хIарамзада* «мерзавец», «проходимец», *хIалихъат* «негодяй», «проходимец», *кIухIал* «бездельник», «лентяй», «ленивец», *сихIур* «хитрец», *гъерсихъан* «обманщик», «враль» «врун», *пударухъан* «болтун», «обманщик». Н.А. Трофимова предлагает разграничить инвективный речевой акт от брани «как акта спонтанного выражения отрицательных эмоций, когда говорящий пытается снять испытываемый им стресс употреблением непристойных слов, достигая эмоционального катарсиса, или от ругани (ругательного порицания) – выражения своего негодования или недовольства, всегда направленного на определенный объект. Инвектива реализует намерение говорящего эмоционально дискредитировать адресата, именно намеренность речевого действия оскорбления отличает инвективу от всех других агрессивных речевых актов» [Трофимова 2008, с. 215–216].

Метафорический перенос лежит также в основе инвективного употребления зоонимов. Оскорбление наносится, в том числе и негативными коннотативными компонентами семантики инвектив. Такие коннотации присутствуют в зоонимах: *маймалак* «обезьяна», *болъон* «свинья», *хIама* «осёл», *бахIри* «собака», «пёс», *хIелеко*

«петух», *борохь* «змея» и т.д. Такие инвективы представляют собой зоосемантические метафоры. Зоонимы, употребляемые в качестве оскорблений, являются по сути эллиптированными сравнениями, поскольку они используются для подчёркивания оцениваемой адресантом негативной черты характера адресата, подобной зоониму–инвективе. Например: зооним–инвектива *хЛама* «осёл» репрезентирует такие качества, как упрямство и глупость, свойственные как ослу, так и адресату. Зооним–инвектива *хМелеко* «петух» репрезентирует заносчивость, *больон* «свинья» – нечистоплотность (в том числе и в переносном смысле), *борохь* «змея» – низость и подлость и т.д.

Реже при образовании инвективы имеет место метонимический перенос – это, когда инвектива называет часть тела, для характеристики (негативной) человека в целом, например: *гьодораб бетлер* «пустая (букв. полая) голова», *гантаб бетлер* «дурная голова», *ракI члеглер* «чёрное сердце», «тёмная душа» и т.д. Как видим, инвективная лексика отражает национально–культурные особенности народа–носителя языка и является лингвокультурным материалом, имеющим огромное значение не только для носителя языка и для тех, кто изучает язык. Данная лексика является частью фоновых знаний, необходимых для того, чтобы полноценно общаться, осуществить межкультурное взаимодействие.

Иногда метонимические зоонимы–инвективы имплицитно в своем семантическом содержании сравнение объекта с соответствующим животным.

В инвективной лексике, применяемой в качестве средств адресации в бытовом дискурсе, находит отражение национальная самобытность того или иного этноса – носителя языка. Поэтому анализ инвективного общения в аварском семейном дискурсе будет содействовать раскрытию этно–культурного своеобразия речевых стратегий носителей аварского языка.

Инвектива как категория прагматики может быть представлена отдельным словом (1), сочетанием слов (2) или целым предложением (3), например:

(1): *xIalixъat* «негодяй», *xIарамзада* «мерзавец», *вархIа* «наглец», *угъраш* «негодяй», *кIалбазар* «пустомеля»;

(2): *гIантаб чахъу* «придурок», букв. «дурной баран», *нич гъечI* «наглец», «бестыжий», *намус гъечI* «наглец», «бессовестный», *гъалагаб барти* «буйный», «несдержанный», букв. «буйный жеребец», *царал рачIчI* «хитрец», «хитрюга», «коварный», букв. «лисы хвост», *чорокаб гъой* «плохой, недостойный человек», букв. «грязная собака», *багIараб гIака* «никчёмный, слабохарактерный человек», букв. «красная корова», *рагъул бацI* «драчун», букв. «враждующий волк», *къватIул бахIри* «человек, много времени проводящий вне дома», букв. «уличный пёс», *убачIаб гIвари* (андал. диал.) «недотёпа»;

(3): *бельэ тIураб тIутI* (андал. диал.) «развалюха» букв. «муха с оторванной головой».

В некоторых случаях нейтральная в семантическом отношении лексика может применяться в качестве средств адресации в инвективном речевом акте. Обращение адресанта к указанной стратегии может снизить конфликтное напряжение в инвективном речевом акте и избежать коммуникативную неудачу. Например, применение обращения *гIакълудал бетIер* «умник» (букв. «ума голова») вместо инвективной лексемы *гIабдал* «дурак» или, *бахIарчи* «молодец», нейтральное *xIинкъуч* «трус» вместо агрессивно-оскорбительного *цIукIа* «трус» и т.д.

Инвективная речевая стратегия, как и любая другая, реализуется посредством коммуникативной тактики, которая состоит из таких компонентов, как: ход или темп речи и репликовый шаг. Инвективный дискурс характеризуется стремлением адресанта в состоянии гнева выразить своё эмоциональное состояние, оказывая давление на адресата и вынуждая его поступить так, как этого хочет адресант. По этой причине исследователи речевых актов относят инвективу к экспрессивным речевым актам. «Для реализации иллокутивной цели инвективного речевого акта – оскорбления адресата – говорящий должен задеть его чувство собственного достоинства, найти его слабое место и именно его сделать мишенью оскорбления..... Универсальные инвективы нацелены на личность

адресата в целом, они представляют собой общую отрицательную характеристику адресата» [Трофимова 2008, с. 218].

По мнению Т.А. Золотаренко, инвектива как речевой акт состоит из плана выражения и плана содержания. План выражения состоит из разнообразных маркеров отрицательной эмотивности. К ним относятся грамматические, структурные и синтаксические критерии, которые составляют «агрессивный дискурс» и используются для унижения собеседника. Содержательный план инвективы – это коммуникативная интенция (намерение) говорящего обличить слушающего в чем–либо [Золотаренко 2013, с. 142–145].

Инвективу можно отнести и к комиссивным речевым актам, в случаях, если она содержит угрозу, поскольку предполагает её исполнение.

Вербальная коммуникация в зависимости от выбранной адресантом стратегии может быть успешной или неуспешной. Вербальная коммуникация может считаться успешной, если достигается взаимопонимание между коммуникантами. Неуспешной считается коммуникация, приводящая к коммуникативному сбою или к коммуникативному провалу. Если при коммуникативном сбое возможно хотя бы минимальное взаимопонимание между участниками речевого акта, то при коммуникативном провале результатом речевого акта является полное непонимание между коммуникантами. Таким образом, можно выделить особую роль лексики, применяемой в качестве средств адресации, в речевой ситуации, ориентированной на детей, чтобы родители могли избежать коммуникативного провала.

2.1.7. Гипокористические формы личных имен в функции обращений к детям

Личные имена (антропонимы, имена собственные) располагают большим вокативным потенциалом, поскольку они используются в самых разнообразных вокативных ситуациях и в самых разных дискурсах, не только в бытовом или семейном дискурсе. Личные

имена выполняют две основные функции в речевом акте. Первая функция – это фатическая функция, коммуникативное предназначение которой – привлечение внимания, установление контакта. В фатической функции имя собственное употребляется в начале пропозиции, например: *Марьям, мун кие гьедин гледегIарай?* «Марьям, ты куда так торопишься?». *ГIали, цин кверал чуре, дир вас, цинги вачIа кваназе.* «Али, вначале помой руки, сыночек, затем иди кушать».

Вторая функция – это функция поддержания контакта, в данной функции антропонимы занимают последнее место в пропозиции, например:

Мун кие гьедин гледегIарай, Марьям? «Ты куда так торопишься, Марьям?». *Цин кверал чуре, цинги вачIа кваназе ГIали* «Сперва помой руки, затем иди кушать, Али». Соотношение лексической семантики и прагматической функции накладывает определенные ограничения на местоположение личных имен в роли обращений.

Использование антропонима–вокатива в препозиции предложения наряду с фатической функцией выполняет также дополнительную функцию идентификации адресата в коммуникативном пространстве. Использование антропонима–вокатива в постпозиции предложения наряду с функцией поддержания контакта выполняет также дополнительную функцию выражения положительного, негативного, тёплого, нежного, трепетного и т.д. отношения адресанта к адресату. Для реализации сопутствующей функции используется ряд дополнительных средств:

а) сочетания личных имен с притяжательными местоимениями:

Мун кие гьедин гледегIарай, дир яс Марьям? «Ты куда так торопишься, моя доченька, Марьям?». *Цин кверал чуре, цинги вачIа кваназе, дир вас ГIали.* «Вначале помой руки, затем иди кушать, мой сыночек Али».

б) сочетания личных имен с политесными словами:

Мун кие гьедин гледегIарай, дир месед, Марьям? «Ты куда так торопишься, моё золотце, Марьям?». *Цин кверал чуре, цинги вачIа*

кваназе, дир дарман, Гали. «Вначале помой руки, затем иди кушать, мой дорогой (букв. «лекарство») Али».

Для увеличения иллокутивной силы личных имён и придания им дополнительного вокативного веса соответствующего конкретному обращению к ним присоединяют диминутивные суффиксы. Так и имени собственному *Марьям*, также как и к имени *Гали* прибавляется деминутивный суффикс, заимствованный из русского языка *-(ш)ка*: *Марьямка*, *Галишка*. От имени *Марьям* возможен также вариант – *Марьям-у-шка*. Диминутивный суффикс *-ка* присоединяется как к женским, так и к мужским личным именам, при этом происходит наращение *-ш*, если личное имя имеет гласный ауслаут, например:

муж.: *Муса-ш-ка* от имени *Муса*, *Къади-ш-ка* от *Къади*, *Гали-ш-ка* от *Гали*,

жен. : *Ханза – Ханза-ш-ка*, *Зугъра – Зугъра-ш-ка*,

Возможно также усечение конечного гласного, например: *Мадина – Мадин-ка*, *Амина – Амин-ка*, *Фатима – Фатим-ка*, *Хатима – Хатим-ка*, *Хазина – Хазин-ка*, *Алжана – Алжан-ка*, *Гашура – Гашур-ка*,

Если имя собственное имеет согласный ауслаут, тогда присоединяется суффикс *-ка*, например:

муж.: *Шарип – Шарип-ка*, *Гарип – Гарип-ка*, *Рустам – Рустам-ка*, *Ризван – Ризван-ка*, *Закир – Закир-ка*,

жен.: *Пирдаус – Пирдаус-ка*, *ХъистАман – ХъистАман-ка*, *Сидрат – Сидрат-ка*, *Гайшат – Гайшат-ка*, *Зумруд – Зумруд-ка*, *Савдат – Савдат-ка*, *Муъминат – Муъминат-ка*, *Чакар – Чакар-ка* и т.д.

Уменьшительность или диминутивность в аварском языке не является семантической доминантой, как, например, в русском языке. Аварский язык (как и другие дагестанские языки), как известно, характеризуется крайне ограниченным набором уменьшительных форм имён собственных. Так от женского имени *Хадижат* образуются такие уменьшительные варианты, как: *Ходо*, *Хади*, *ХодокI* (Гуниб), *ХадикI* (Ругуджа), *Хадиит* (андал. диал.). Есть еще

варианты, относительно недавнего происхождения, возникшие под влиянием русского языка: *Хадя, Хадшика, Хадшиа*.

Но в разговорной речи, в целях создания определённого перлокутивного эффекта, в определенных прагматических ситуациях допускается свободное и разнообразное употребление почти всех русских уменьшительно-ласкательных суффиксов почти со всеми дагестанскими личными именами. При этом диминутивные суффиксы репрезентируют не столько уменьшительность, сколько маркируют особые речевые ситуации, выражая в зависимости от интенций адресанта различную степень эмоциональности.

Уменьшительно-ласкательный суффикс русского языка *-ик*, также активно используется в аварском семейном дискурсе. Данный суффикс присоединяется, как правило, к мужским личным именам, оканчивающимся на согласный звук, например: *Рашид – Рашид-ик, Саид – Саид-ик, Загьид – Загьид-ик, ХАмид – ХАмид-ик, ГАбид – ГАбид-ик* и т.д.

В некоторых случаях этот же суффикс присоединяется и к женским именам, например: *СалихАт – СалихАт-ик, ХАйбат – ХАйбат-ик, Майсарат – Майсарат-ик, Сидрат – Сидрат-ик* и т.д.

Только к мужским личным именам, оканчивающимся на согласный звук присоединяется диминутивный суффикс русского языка *-чик*, например: *ГУмар – ГУмар-чик, Ибрагьим – Ибрагьим-чик, ГАбдул – ГАбдул-чик, Мухтар – Мухтар-чик* и т.д.

Личные имена, образованные посредством диминутивных суффиксов, которые, как правило, применяются в семейном дискурсе, А.В. Суперанская называет 'гипокористиками' [Суперанская 1969, с. 128–129]. Термин «гипокористическое имя» восходит к греческому языку и означает буквально «говорю ласково».

От гипокористического имени достаточно редко можно образовать уменьшительные имена, диминутивы *Мага – Магуля, Магашка, Патя – Патюля, Патюха, Зюма – Зюмчик, Зюмашка* и т.д.

Гипокористические имена собственные употребляются для создания комфортных условий коммуникации, для выражения

эмоциональных интенций адресанта и поддержания позитивного контакта.

Антропонимы, образованные посредством диминутивных суффиксов, наряду с основной фатической функцией реализуют также оценочно–характеризующую функцию. Они репрезентируют достаточно высокую степень эмоциональной близости и душевной привязанности участников коммуникативного акта.

Значительное место среди контактоустанавливающих вербальных средств В.И. Супрун отводит антропонимам, отмечая, что «их функционирование в разных языках определяется интралингвистическими закономерностями и экстралингвистическими факторами». «Функционирование антропонимов в ономастическом поле любого языка» В.И. Супрун определяет как языковую универсалию, а «способность антропонимов образовывать от полного имени гипокористическую форму, которая используется преимущественно в коммуникативных целях» – как фреквенталию [Супрун 2008, с. 61].

Личное имя (антропоним) М.К. Халимбекова характеризует как «один из главных идентификаторов индивидуума в социуме. Важность исследования антропонимов в коммуникации объясняется тем обстоятельством, что личностные параметры человека наиболее ярко реализуются в различных сферах общения. Универсальность личных имен (собственных) объясняется их бытованием во всех сферах человеческой жизни и деятельности» [Халимбекова 2010, с. 73].

В формулах речевого этикета, обсуживающих семейный дискурс, в качестве средств обращения употребляются различные части речи: имена существительные, прилагательные (полные и краткие), причастия, междометия и др.

Например, краткие прилагательные часто встречаются в формулах речевого этикета, функционирующих в качестве колыбельных песен:

Елъулаго кІал берцин,
«Смеясь рот красив»,

КІалъалаго бер берцин,
«Разговаривая глаза красивые»
ЧуричІого берКІалхъахІ,
«Не умывшись лицо бело»,

ХъвачІого кьенсер чІегІер,
«Не накрасив, брови черны»,
Ясалазда берцинйихъ,
«Девушкам нравящаяся»,
Берцинай дир Меседо.
«Моя красавица Меседо».
(записано в с. Арани Хунзахского р-на).

Прилагательные в полной форме также востребованы в формулах речевого этикета:

Мугъ берцинай, кочІохъан,
ТІох берцинай кьурдохъан,
РитІи берцинал кверал,
Рахъи берцинал хІатІал.

«Спина красивая, певица,
Крыша (голова) красивая, плясунья,
Взмах красивые руки,
Походка красивые ноги».

Причастия в формулах речевого этикета функционирующих в качестве колыбельных песен представлены также достаточно широко, например:

Берциналъа хъамурай,
ХъахІалалъа йищарай,
Йищун къватІий йосарай,
КъватІаздаго нур барай.
«Украденная из красивых,
Выбранная среди беленьких,
Выбрав, выведенная на улицу.

Освещающая улицы».

*Биараб гIарцул тIурай,
ПартIун рольул гьаюрай,
«Литая из расплавленного серебра,
Мгновенно сделанная из муки».*

Встречается и негативной характеристики формулы речевого этикета

*Букъулаго чилай хварай,
Чурулаго квас хварай,
Макъил сванхи гурони,
Мергил дваргъи бахъинчIей.
«Вышивая шёлк испортившая,
Стирая шерсть испортившая,
Кроме храпа во сне,
Стук веретена не издавшая».*

Характерны сочетания имени существительного в форме номинатива + краткое прилагательное: *беркIал хъахI* «белолицая», букв. «лицо бело», *къенсер чIегIер* «чернобровая», букв. «бровь черна», *багIар гIеч* «красно(е) яблочко», *чIегIер цIцIибил* «чёрная виноградина», *кIал берцин* «с красивым ртом», букв. «рот красив», *берал берцин* «с красивыми глазами», букв. «глаза красивы», *гьумер берцин* «с красивым лицом», букв. «лицо красиво», *цаби гIусин* «с мелкими зубами», букв. «зубы мелки(е)» и т.д.

2.2. Речевые ситуации, ориентированные на родителей

Для коммуникативного акта категории ‘ребёнок – взрослый’ наиболее характерным является употребление в качестве вокативов терминов родства. Термины родства востребованы не только в частности, в семейном дискурсе, но и, в целом, в бытовом дискурсе. Но наибольшее употребление они получают в семейном дискурсе, в

речевом акте, в котором коммуникантами являются дети (адресанты) и родители (адресаты). Чаще всего в аварском семейном дискурсе употребляются вокативы *баба* «мама» и *дада* «папа» и их диалектные варианты.

Прежде всего, следует провести разграничение между референтивным термином *эбел* «мать» и вокативным термином *баба* «мама». Референтивный термин *эбел* «мать» неизменно представлен по всем диалектам и говорам аварского языка. А вокативные термины со значением «мама» различаются по многочисленным говорам и диалектам аварского языка, например: *баба*, *буба* (анцухский и закатальский диал.), *ада* (Чиркей), *эбел* (андал. диал.), *бабу* (андал. диал.: чох, согратль, бухты, шитлиб), *эбе* (кахиб, келеб). В некоторых говорах андалальского диалекта в качестве вокатива употребляется референтивный термин *эбел* и его сокращенный вариант *эбе*. В статье «Терминология родства и свойства в аваро–андийских языках» П.А. Саидова отмечает, что термин «*эбел*» представлен в аварском литературном языке и некоторых его диалектах, например, в карахском (н.–карах. гов., в.–карах.гов., тлесс.гов.) его вариант *ибел* (мурк. и рисс. гов.) – в гидском, батлукском и андалальском диалектах, а также в кахибском и келебском смешанных говорах южного наречия. Спорадически *эбел* встречается в отдельных говорах закатальского диалекта (мац. подговор), употребляется преимущественно в детской речи. Термин *эбел* употребляется параллельно с *буба* || *бабу* в отдельных говорах анцухского диалекта (кутл. подгов. анц. гов. и тлеб. подгов. бухн. гов.). ...

Термин *буба* || *баба* «мать» представлен в закатальском и анцухском диалектах. Параллельное употребление вариантов *бабу* || *буба* зафиксировано в закатальском диалекте, а также в кутлабском подговоре анцросунхадинского говора анцухского диалекта. Самостоятельно форма *бабу* встречается в томуринском говоре, а *баба* в ташском говоре анцухского диалекта. Обращает на себя внимание распространение варианта *бабу* в андалальском диалекте исключительно как формы обращения к матери (чох., согр. и др. гов.)» [Саидова 1985, с. 8].

Термин *бабу* в некоторых говорах андалальского диалекта употребляется также и как обращение к бабушке.

Референтивный термин *эмен* «отец» имеет в диалектах и говорах аварского языка следующие вокативные формы: *дада*, *имин*, *инссо* (карах.), *энссо* (анц.), *дади*, *атта* (андал.), *деде* (закат.; чад.) «папа». В закательском диалекте аварского языка термин *эмен* обозначает «отчим» [Саидова 1985, с. 7]. В ташском говоре анцухского диалекта для обращения к отцу употребляется лексема *дада*, в чадокодобском говоре – лексема *деде* «папа». Эти же лексемы функционируют в качестве вокативов и в закательском диалекте аварского языка см.: [Саидова 1985, с. 7]. Только в одном подговоре андалальского диалекта в речи жителей селения Шангода Гунибского района употребляется вокатив *атта* «папа», не характерный для всего аварского языка. Примечательно, что термин *атта* применяется также для обращения к внуку, в случаях, когда внук носит имя деда.

Вокатив *атта* «папа» довольно распространен по диалектам и говорам даргинского языка: в бутринском, в мугинском, гулатинском, хайдакском и кубачинском [см.: Гасанова 1985, с. 72]. Примечательно, что в мегебском диалекте даргинского языка (сёла Мегеб и Шангода расположены недалеко друг от друга) употребляется вокатив *адай* «папа».

Тенденцию к употреблению в лезгинском языке заимствованного из русского языка деминутивного суффикса *-ка* в сочетании со словом «отец» для придания обращению мелиоративного оттенка отмечает М.К. Халимбекова: «Восполняя отсутствие в языке словообразовательных средств, придающих коннотативную окраску стандартным обращениям к родителям, в речи молодого поколения в последние годы к словам *дах* «отец» и *бах* «мама» присоединяется заимствованный из русского языка суффикс *-ка*, образуя лексемы *дахка* «папочка» и *бахка* «мамочка» [Халимбекова 2012, с. 65–66].

В аварском языке к вокативам, обозначающим «папа» данный суффикс не присоединяется. Язык использует другие ресурсы для

придания обращению *дада* «папа» мелиоративного оттенка. Такие как: употребление вокатива *дада* «папа» в сочетании с притяжательным местоимением *дир* «мой», с различными определениями, придающими стандартным обращениям к родителям положительную коннотацию, например: *дир дада* «папочка», букв. «мой папа»; *дир хирияв дада* «мой дорогой папа», *дир дахIалав дада* «мой любимый папа» и т.д. Безусловно, данные вокативы следует сопровождать соответствующими невербальными средствами, для придания обращению мелиоративного оттенка, такими как: мимика, интонация, жесты, поза.

Заимствованный из русского языка уменьшительно-ласкательный суффикс *-ка* тоже встречается в аварском языке в сочетании с вокативом *эбел* «мама», но только в отдельных южных говорах аварского языка: *эбел-ка* «мамочка», «мамулик», «мамуля». Такие редкие случаи обращения характерны для речи самых маленьких членов семьи. Для коммуникации взрослых детей уменьшительно-ласкательные обращения, в целом, не характерны. Дети старшего возраста употребляют, как правило, нейтральные по оценочно-характеризующим показателям вокативы *баба* «мама» и *дада* «папа», а иллокутивная сила конкретного коммуникативного акта определяется контекстом. Диапазон их иллокутивной силы широк: от нейтрального до гипокористического, от просьбы до мольбы.

Для коммуникативного акта категории «ребенок – родитель» в аварском семейном дискурсе при обращении детей к родителям нехарактерны и в принципе, недопустимы, негативно-ироничные обращения типа рус. *папаша, мамаша*. Речевые акты, содержащие любой оттенок фамильярности, нехарактерны для коммуникации детей и родителей.

2.2. Речевые ситуации, ориентированные на близких людей

В литературном аварском языке имеется несколько референтивных терминов родства, обозначающих сестру отца или матери: *ада*, *ункъачу*, *ункъгIал*. В аварско–русском словаре М.–С. Д. Саидова даётся два варианта последнего термина *ункъгIал* и *ункъал* «тётя, сестра матери или отца» [Саидов 1967, с. 501]. Эти же термины функционируют и в большинстве диалектов и говоров северного наречия аварского языка, в том числе и в вокативной функции. В качестве обращения чаще употребляется вокатив *ада* «тётя».

Термины родства, употребленные в функции обращения, могут занимать в структуре предложения любую позицию: препозицию, интерпозицию и постпозицию. Например:

а) препозиция:

Ада, дуца щибин абилеб ? «Тётя, ты что скажешь?».

Ада! Ци гъабуге. «Тётя! Не начинай снова».

б) интерпозиция:

Дида щибго бичIулареб киниги йиго ада мун. «Ты, тётя, ведёшь себя так, как будто я ничего не понимаю», букв. «Мне как будто ничего не понятно, есть тётя, ты».

Гъебги дун чIвазегIаги гурищ, ункъгIал, борчун букIараб? «А это (кинжал) меня убить что ли, тётя, надела?».

в) постпозиция:

Дуца бицунеб хабар щиб, ада! «Ты о чём говоришь, тётя!».

Дуца гъабураб щиб, дир хирияй ада? «Что же ты сделала, моя дорогая тётя?».

Обращение в аварском языке может быть квалифицировано как синтаксически самостоятельная единица, обладающая интонационной законченностью и самостоятельной коммуникативной целью. Термины родства, употребленные в функции обращения, могут входить в состав предложения, например:

Ада, мунги рокьиги ккун гурейищ ХIажие ун йикIарай? «Тётя, ты ведь тоже по любви выходила замуж за Гаджи?».

Ада, дир паспорт кибниги батулѣб гъечІо, дуда лъаларищ гъѣб бугѣб бакІ? «Тѣтя, я не могу нигде найти свой паспорт, ты не знаешь, где он находится?».

Мун кие гІедегІарай, ункъгІал? «Ты куда торопишься, тѣтя».

При этом обращение отделяется от остальной части предложения запятой.

В зависимости от коммуникативной цели, обращения могут употребляться и автономно. При этом обращение отделяется от предложения восклицательным знаком, например: *Ада! Дуца гъабураб щиб? Гъанже ракъ бихъун жаний тІагІинго лъикІ дие.* «Тѣтя! Что ты сделала? Теперь, мне лучше провалиться сквозь землю». При автономном употреблении вокатива появляется дополнительная импликатура – повышенный эмоциональный фон, который подтверждается также соответствующей интонацией.

По мнению О.Г. Мининой, именно «наличие у обращения самостоятельной коммуникативной цели – адресовать сообщение, назвав адресата или указав на него, привлечь его внимание, охарактеризовать, этикетно оформить речь, позволяют рассматривать обращение с точки зрения прагматики и теории речевых актов» [Минина <https://cyberleninka.ru> с. 24–25].

Термины родства в вокативной функции могут также употребляться в сочетании с притяжательными местоимениями, например:

Ворѣха, дир ункъгІал, дуде бугоха гъанже дир хъул. «Смотри, моя тѣтя, теперь я надеюсь только на тебя». Наличие притяжательного местоимения придаёт вокативу *ункъгІал* «тѣтя» в дополнение фатической (установление контакта) еще дополнительную коммуникативную функцию выражения отношения адресанта к адресату.

В диалектах и говорах южного наречия наблюдается значительное разнообразие терминов, обозначающих сестру матери или отца. В батлукском диалекте представлен референтивный термин – *ункъал* «тѣтя» и вокативные термины *аба* «тѣтя» (для обращения к взрослой, старой женщине) и *ада* «тѣтя» (для обращения к молодой

женщине). В бацадинском смешанном говоре представлен вокатив *мами* «тётя», как для обращения к сестре отца, так и для обращения к сестре матери. В гидском диалекте представлены описательные образования: *эбелалъльул ясс* «матери сестра» и *энссол ясс* «отца сестра». В кахибском смешанном говоре – *эбелалъльул ясс* «матери сестра» и *дадил ясс* «отца сестра»; в келебском смешанном говоре – *эбелалъльул яци* «матери сестра» и *энсул яци* «отца сестра», также вокатив *ати* «тётя»; в шуланинском смешанном говоре – *эбелалъльул яци* «матери сестра», *эмсул яци* «отца сестра» и вокатив *аджи* «тётя».

В диалектах и говорах южного наречия для обозначения сестры отца или матери употребляются описательные термины, означающие буквально «матери сестра» и «отца сестра» например, в андалальском диалекте в большинстве говоров (хоточибском, ругуджинском, согратлинском, бацадинском): *эбелалъльул яци* «матери сестра», *энсул яци* «отца сестра». Эти же термины функционируют и в качестве вокативов, возможна также редуцированная форма – *эбельльул яци*. В чохском говоре употребляется редуцированный вариант – *эбельльул яци* «матери сестра», *энсул яци* «отца сестра».

В салтинском говоре как в референтивной, так и в вокативной функции употребляются термины *эбелалъльул яци*, *эбельльул яци* (редуцированный вариант) «матери сестра», *энссол яци* «отца сестра»; в хвартикунибском подговоре в вокативной функции употребляется термин *ада* «тётя». В кюадинском говоре кроме *эбелалъльол яци* «матери сестра», *эмссол яци* «отца сестра», существует также общий термин – *ункъгIалэбел* «тётя», в вокативной функции чаще употребляется термин – *ункъач* «тётя». В бухтинском говоре – *эбельльул яци* «матери сестра», *дадил яци* «отца сестра», в шангодинском подговоре различаются референтивные термины – *эбелалъльул яци*, «матери сестра», *энсул яци* «отца сестра» и вокативные – *эбельльул яци* «матери сестра», *ацици–эбел* «сестра–мама», *аттал яци* «папина сестра». В кудалинском говоре андалальского диалекта и в шуланинском смешанном говоре как в референтивной, так и в вокативной функции употребляются термины

эбелалъльол яцц «матери сестра» и *энссол яц* «отца сестра». Как видим, в андалальском диалекте данные термины в целом совпадают, различия, в основном, носят фонетический характер.

Иначе обстоит дело в анцухском и карахском диалектах, здесь наблюдается большее разнообразие. В тлянадинском и анцросунхадинском говорах анцухского диалекта функционируют термины *бубаяцци* «матери сестра» и *дадаяцци* «отца сестра», в анцросунхадинском говоре имеется ещё вокатив *нана* «тётя»; описательные образования представлены в бухнадинском говоре – *бубал яцц* «матери сестра» и *эмсул яцц* «отца сестра»; в ташском – *бубал яцц* «матери сестра» и *дидел яцц* «отца сестра»; в чадоколюбском – *бабал яцц* «матери сестра» и *дедел яцц* «отца сестра». В томуринском говоре функционирует вокатив *абай* «тётя». В бухнадинском говоре анцухского диалекта вокатив *ункъу* используется для обращения к тёте по бабушке и дедушке.

В верхнекарахском говоре карахского диалекта распространён вокатив – *баи* «тётя», в нижнекарахском – *ма`ма* и *маама*, применяемые для обращения как к сестре матери, так и к сестре отца. В тлессерухском говоре представлены референтивные термины – *ункъалай* и *ункъилэбел* «тётя» и вокативные термины, соответственно – *ункъи* и *биди*; в мукратльском говоре – *ункъачо*, в риссибском – *ункъи* в значении «тётя».

В закатальском диалекте и в референтивном и в вокативном значении употребляется термин *абай* «тётя» как для обращения к сестре матери, так и для обращения к сестре отца. Большая часть выше приведённых терминов представлена в диалектологическом словаре аварского языка [Саидова 2008, с. 41; 339].

В целом, по говорам и диалектам аварского языка можно выделить следующие термины для дефиниции «тётя»: *ада, аба, абай, адай, аджи, ати, баи, мами, ма`ма, мамма, нана, ункъачу, ункъГал, ункъал, ункъа, ункъу, ункъи, ункъГал–эбел, ункъалай, ункъилэбел* «тётя», которые также употребляются в семейном дискурсе в вокативной функции.

И следующие описательные термины: *эбелалълъул яци*, *эбелълъул яци*, *эбелалълъол яци*, *эбелалълъул ясс*, *эбелалълъул ясс*, *ацци–эбел*, *бубаяцци*, *бубал яци*, *бабал яци* «матери сестра»; *энссол ясс*, *дадил ясс*, *энсул яци*, *эмсул яци*, *эмссол яци*, *энссол яци*, *дадил яци*, *аттал яци*, *дедел яци*, *дадаяцци*, *дидел яци* «отца сестра», которые также располагают как референтивным, так и вокативным значением.

Применение описательных терминов в функции обращения допустимо только по отношению к родным тётям (сёстрам отца и матери). А термины *ада*, *аба*, *абай*, *адай*, *аджи*, *ати*, *баи*, *мами*, *ма`ма*, *мамма*, *нана*, *ункъачу*, *ункъгIал*, *ункъал*, *ункъа*, *ункъу*, *ункъи*, *ункъалай* употребляются в функции вокатива как при обращении к родной тётё, так и при обращении к посторонней женщине.

Личное имя всегда стоит в препозиции к термину родства, например *Хатимат–ада* «тётя Хатимат», *ХIалимат–адай* «тётя Халимат», *Меседо–ункъачо* «тётя Меседо», *ПатIимат–ункъи* «тётя Патимат» и т.д.

В лезгинском языке, как известно, имеется два разных вокатива, обозначающих «тётя», для обращения к сестре отца и матери. Это *эме* «тетя со стороны отца» или «сестра отца» и *хала* «тетя стороны матери» или «сестра матери». Представляет интерес функционирование этих вокативов за пределами семьи. Как отмечает М.К. Халимбекова в лезгинском языке допустимо «употребление вокатива *хала* «тетя стороны матери (сестра матери)» в качестве обращения к любой взрослой женщине. В то же время применение вокатива *эме* «тетя со стороны отца (сестра отца)» в данной функции исключается. В вокативной функции *эме* «тетя» употребляется только при обращении непосредственно к сестре отца» [Халимбекова 2012, с. 70]. Такое же положение имеет место и в близкородственном табасаранском языке. Здесь функционируют два референтивных термина для дефиниции «тётя»: *эм* «сестра отца» и *хала* «сестра матери». Термин *эм* «сестра отца» в табасаранском языке репрезентирует исключительно родственные отношения, в вокативной функции *эм* «тетя» употребляется только при обращении

непосредственно к сестре отца, обслуживает только семейный дискурс. Вокатив *хала* «тётя», «сестра матери» употребляется как обращение как к родной тётке, так и к любой взрослой женщине. Вокатив *хала* «тётя», «сестра матери» обслуживает не только семейный дискурс, но и бытовой.

Данный факт подтверждает высокий аксиологический статус сестры отца в системе семейных ценностей лезгинского и табасаранского народов. Примечательно, что в остальных языках лезгинской группы языков один и тот же термин передает значение «сестра отца» и «сестра матери».

В аварском литературном языке существует два термина для дефиниции «дядя»: *даци* и *имгIал* «брат матери» и «брат отца», которые имеют как референтивное, так и вокативное применение. Например:

а) в вокативной функции:

Гьесда чIун бугеб кьо бихьарав ИсхIакъица абула: «ГIадада гIодуге, имгIал». «Исхак, увидев его состояние, говорит: «Не плачь, зря, дядя».

Сулейман–даци школалде вачIани, лъимал жалго тIел–тIел гьабун, гьесде тIаде рортулаан; «Сулейман–даци! Сулейман–даци, дунги ваче, дунги ваче!» – ян ахIдолаан. «Если дядя Сулейман приходил в школу, дети стаей набрасывались на него и кричали: **дядя Сулейман, дядя Сулейман, и меня забери, и меня забери!**».

б) в референтивной функции:

Фазул эбелалъухъан имгIал ХIайдарбегил Мансурги вукIана машгъурав ва гьунартIокIав учитель, гIалимчи. «**Дядя Фазу** по линии матери Гайдарбеков Мансур был известный и талантливый учитель, учёный».

Гьеб кьоаяль Сулейман–дацица бицана нижее «Чол рекIарав» кьуруялълул хIакъальлъл кьиссаги. (Фазу Алиева) «В этот день **дядя Сулейман** рассказал нам повесть о горе «Всадник».

Баба, хехлги гьабе, АсхIаб–дацил рукъ бухIулеб буго! – ян ахIун буго васас гьеки–гьунциалда. (Фазу Алиева) «Быстрее, мама, горит дом **дяди Асхаба!** – закричал мальчик впопыхах».

«Хвана *Гусман–дацил* гъаб кьо гIадада, вачIунго вукIинчIеванищан ккун батила досда ракIалде!» – ян пикру гъабуна дица. (Фазу Алиева) «Пропал зря этот день у дяди **Османа**, наверное, он подумал, лучше бы я не приходил» – решил я.

Гьединаб цIар лъун букIана ниже'р росда цебе бугеб мегIералъул ахада тIибитIун араб майданалда, щайгурелъул ихдал тIоцебесеб на къватIубе бахъарабго, колхозалъул найихъан Сулейман–даци тIолабго найил къалалги росун, гьениве гочунелъул. (Фазу Алиева) «Так называли площадь под горой, расположенной перед нашим селом, потому что, как только появлялась первая весенняя пчела, колхозный пчеловод дядя *Сулейман* кочевал туда вместе со всеми ульями».

В диалектах и говорах южного наречия наблюдается разнообразие также терминов, обозначающих брата матери или отца. В батлукском диалекте представлены такие же референтивные и вокативные термины, как и в аварском литературном языке – *даци* и *имгIал* «дядя» как для обращения к брату матери, так и для обращения к брату отца.

В келебском смешанном говоре в разных сёлах встречаются разные варианты данного термина: в селении Сомода – термин *махIа*, а в селениях Хьонох и Мусрух – термин *гIама*.

В андалальском диалекте бытующее в литературном языке слово *даци* «дядя» употребляется только в кюядинском говоре. В большинстве говоров андалальского диалекта (хоточибском, ругуджинском, сугратлинском, чохском, кудалинском) для обращения к брату отца или матери употребляется вокатив *аци*, в хиндахском – *гIама*, такой же, как и в некоторых сёлах (Хьонох и Мусрух) келебского смешанного говора.

В томуринском говоре анцухского диалекта используется вокативы *ъемъал* и *бете*, в бухнадинском говоре – *гIегIе*. В мукратлинском говоре карахского диалекта функционирует вокатив *магIа*, в риссибском говоре – *ваци*, в тлессерухском – *вуци* и *ъимъал*. Кроме этих терминов, существует ещё различного рода описательные термины.

В большинстве говоров андалальского диалекта функционируют описательные термины, обозначающие брата матери, в салтинском – *эбелалъльул вацц* «дядя, мамин брат»; в хиндахском, ругуджинском, согратлинском, чохском, бацадинском, бухтинском говорах – *эбельльул вацц* «дядя, мамин брат».

В анцухском диалекте употребляются термины: *бобовоцци* (бухнадинский говор), *бубал вацц* (ташский, чадоколобский и анцросунхадинский говоры).

В карахском диалекте в нижнекарахском говоре – *багIадади*, в верхнекарахском – *ибельльул вацц* «дядя, мамин брат».

В гидском диалекте – *эбелалъльул васс* «дядя, мамин брат»; в шуланинском смешанном говоре – *эбелалъльул ваццI*; в куллабском смешанном говоре – *эбелалъльол вацц*; в бацадинском – *эбельльул вацц* «дядя, мамин брат».

Дядя по отцу в хиндахском, ругуджинском, согратлинском, чохском и бацадинском говорах андалальского диалекта обозначается термином *энсул вацц*; в кудалинском – *энсол вацц*; в бухтинском – *дадил вацц*, *эмсул вацц*; в шангодинском подговоре – *аттал вацц* «дядя, отца брат».

В анцухском диалекте дядя по отцу будет *дидел вацц* (ташский и чадоколобский диалекты), *дадал вацц* (бухнадинский говор), *дидавацц* (анцросунхадинский говор). Большая часть анализируемых терминов представлены в диалектическом словаре аварского языка [Саидова 2008, с. 157; 170]. Эти же термины выполняют и вокативные функции, но в отличие от непроизводных терминов с той же семантикой, они обслуживают только семейный дискурс, т.е. употребляются исключительно для обращения к родным братьям матери или отца.

В целом, по говорам и диалектам аварского языка можно выделить следующие термины для дефиниции «дядя»: *даци*, *имгIал*, *махIа* (с. Сомода), *гIама* (с. Хьонох и Мусрух), *ацци*, (анлал. диал.), *ъемъал*, *бете* (анцухский диал.), *гIегIе* (анц. диал. бухнад. гов.), *магIа* (карах. диал. мукратл. гов.), *вацци* (карах. диал. рессиб. гов.), *вуцци*, *ъимъал* (карах. диал. тлессер. гов.) «брат матери» и «брат отца».

И описательные термины: *эбелалълъул вацц*, *эбелълъул вацц*, *ибелълъул вацц* (карах. диал. н–к.гов.), *багIадади* (карах. диал. в–к.гов.), *эбелалълъул васс* (гидский диал.), *эбелалълъол вацц* (бацад. гов.), *бобовоцци* (бухн. гов.), *бубал вацц* (ташск., чадоколоб. и анцросунхадинд. гов.) «дядя, мамин брат»; *энссул вацц*, *инссул вацц*, *эмссул вацц*, *энссол вацц* (кудалинский гов.), *дадил вацц*, *эмссул вацц* (бухт.гов.), *аттал вацц* (шангодинский подгов.), *дидел вацц* (анц. диал. ташский и чадоколобский диалекты), *дадал вацц* (анц. диал. бухнадинский говор), *дидавацц* (анц. диал. анцросунхадинский говор). «дядя, отца брат».

Как видим, во всех говорах и диалектах аварского языка, как и в самом литературном языке для обращения и к брату отца и к брату матери применяется один и тот же термин. Исключение составляют только описательные термины структуры «отца брат» и «матери брат». Среди всех дагестанских языков только в двух языках лезгинской группы (в самом лезгинском и в табасаранском) функционируют различные термины для обращения к брату матери и к брату отца. И в лезгинском и в табасаранском языках вокатив *халу* применяется для обращения к дяде со стороны матери (брату матери). Этот термин употребляется в функции вокатива как при обращении к родному дяде (со стороны матери), так и при обращении к любому постороннему мужчине. При обращении к дяде со стороны матери в лезгинском языке применяется также вокатив *дайи* «дядя». [Халимбекова 2012, с. 70] .

Для обращения к дяде со стороны отца (брату отца) в лезгинском языке применяется термин *ими* «дядя, брат отца», в ахтынском диалекте лезгинского языка – термины *амле* и *даш*, В табасаранском языке – термин *ими* «дядя, брат отца». Вокативы *ими*, *амле*, *даш*, *им* обслуживают только семейный дискурс, они применяются только по отношению к родному дяде.

О дифференцированном употреблении в табасаранском языке терминов, обозначающих родственников со стороны матери и отца пишет К.Т. Шалбузов: «в табасаранском языке термины «дядя», «тётя» имеют различные формы в зависимости от того, с чьей

стороны – матери или отца – приходится родство. Дядя по матери называется *халу*, а тётя по материнской линии – *хала*. Дядя по отцовской линии называется *эм*, а тётя – *эме*. Термины эти заимствованы из азербайджанского (или через азербайджанский) языка. Они могут использоваться и при вежливом обращении младшего к старшему, присоединяясь к имени собственному. Как правило, если старший происходит родом из селения матери, то употребляется термин *халу* (к мужчине) и *хала* (к женщине). Если же старший по возрасту ближе к отцу, к имени собственному добавляются слова *даха*, *даши*, *эм* (к мужчине), при обращении к старшей женщине присоединяются термины *бажи*, *хала*» [Шалбузов 1985, с. 193].

На основании анализа особенностей функционирования вокативов, применяемых для обращения к брату и сестре родителей в лезгинском и табасаранском языках можно сделать вывод о высоком аксиологическом статусе родственников со стороны отца в системе семейных ценностей этих народов. Что же касается системы ценностей ребёнка, то здесь аксиологический статус матери несравненно выше статуса отца. Этот факт нашел довольно репрезентативное отражение в пословицах и поговорках всех дагестанских языков. Анализ аксиологического статуса родителей показывает, что для носителей всех дагестанских языков ключевой фигурой в семье для детей является мать. Наиболее наглядно это особое отношение к матери репрезентируется в пословице, в том или ином варианте, представленной во всех дагестанских языках:

в аварском: *Эмен гьечIесдаса эбел гьечIев цIикIкIун бесдалавила*. «Тот, у кого нет матери, больше сирота, чем тот, у кого нет отца».

в каратинском: *Имя гьачIов – рекъе^нс илъят^{ов}, иля гьачIов – гIурмияда*. «У кого нет отца – наполовину сирота, у кого нет матери – на всю жизнь сирота».

в лакском: *Пну акъама – ачIи ятин, нину дакъама – щала ятин*. «У кого нет отца – наполовину сирота, у кого нет матери – круглый сирота».

в табасаранском: *Адаш хътрур – сар йитим, дада хътрур – ургур йитим.* «У кого нет отца – один раз сирота, у кого матери – семь раз сирота».

в лезгинском: *Буба авачирда садра етим я, диде авачирди кьведра.* «У кого нет отца – один раз сирота, а у кого нет матери – дважды (сирота)».

в агульском: *Дад хъудаваф сагелан етим э, баб хъудаваф еригелан.* «Отца не имеющий – один раз сирота, маму не имеющий – семь раз».

Мать воспринимается как лучший друг ребенка, например:

лак. *Ниттияр тлайласса дус дуллу дуняллийгу акъассар.* «Нет лучшего друга, чем мать».

таб. *Багъри бабтІан артухъ дустъ айиб дар.* «Лучше родной матери друга не бывает».

лак. *Ниттил бивцусса щяпа цІун къабиклайссар.* «От удара матери не бывает больно».

дарг. *Нешла гъими – хІебла дяхІигъуна бирар.* «Злость матери, что весенний снег».

Высокий аксиологический статус матери в системе семейных ценностей дагестанских народов подтверждают также следующие пословицы:

аг. *Баб хъадавашин рагъун нур ширин дава.* «Без матери и солнца свет не сладок». *Бабан некун къимат джиклей дава.* «Материнское молоко не имеет цены».

дарг. *Дай хъатлаб хайнига берцІадлира, нешла чебла ахъес хІейруд.* «Хоть яичницу на ладони изжарь – всё равно будешь в долгу перед матерью».

лак. *Ниттил къадру бакъананачІа агъуллаулу къадру бувагу бакъассар.* «Кто потерял уважение к матери, тот тем более потеряет уважение к роду (тухуму)».

дарг. *ДурхІялис нешла дяхІличибад саби берхІи абулхъуси.* «Для ребенка солнце восходит с лица матери». *Нешла дяхІ – берхІила дяхІ.* «Лицо матери, что лик солнца». *Нешлагъунти дяхІ хІедирар.* «Нет такого лица, как у матери».

Привлечение материала паремиологического фонда языка важно при исследовании любого вопроса, поскольку в пословицах и поговорках каждого народа находит отражение мировоззрение, морально–эстетические установки, мироощущения, образ жизни и этикет народа–носителя языка

На это обращал внимание ещё Вильгельм фон Гумбольдт, утверждая, что изучение языка подчинено «цели познания человеком самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» [Гумбольдт 2000, с. 383]. «Антропологический принцип» В. Гумбольдта приобрел, начиная с конца 90 годов XX века, особую актуальность в сфере наук о языке и человеке: социолингвистики, лингвогносеологии, этнолингвистики и лингвокультурологии. Язык начал изучаться в тесной связи с человеком, его духовно–практической деятельностью. Согласно теории выдающегося немецкого философа XX века М. Хайдеггера, человек выступает как сущее в мире, в своем бытии, связанном с космосом, а поиск истины бытия осуществляется через язык. Мир и человек, считает М. Хайдеггер, образуют единство. А в мире человек выделяется только потому, что его «человеческая сущность заключается в языке» [Хайдеггер 1997, с. 8]. Язык выполняет не только функцию средства общения, но и не менее важную функцию сохранения и передачи этнической культуры народа – носителя языка.

О высоком аксиологическом статусе матери может свидетельствовать и слово, обозначающее «родители». Ни в одном из многочисленных дагестанских языках нет единого слова, со значением «родители». Во всех дагестанских языках это понятие передается описательно, сочетаниями лексем «мать–отец» или «отец–мать». В языках Северного Дагестана (аваро–андо–цезская группа языков) и Центрального Дагестана (лакский и даргинский языки) это словосочетание представлено в последовательности «мать–отец», например, в аварском – *эбел–эмен*, в даргинском – *неш–дудеш*, в лакском – *нину–ппу* «мать–отец». Этот факт, безусловно,

свидетельствует о высоком аксиологическом статусе именно матери (из числа родителей) в системе ценностей ребенка. Что же касается языков Южного Дагестана (лезгинская группа языков), то в самом лезгинском языке данная лексема представлено сочетанием *диде–буба* «родители», букв. «мать–отец». В двух языках лезгинской группы в слове «родители» представлена другая последовательность компонентов. Это табасаранский язык – *аба на баб* «родители», букв. «отец и мать» и агульский язык *дад на баб* «родители», букв. «отец и мать». Кроме другой последовательности в сочетании компонентов в табасаранском и агульском языках слова «отец» и «мать» соединяются посредством союза на «и». Во всех остальных дагестанских языках слово «родители» представлено бессоюзным сочетанием [Абдурахманова 2019, с. 210].

Одним из элементов речевой культуры является речевой этикет. Наиболее точным определением речевого этикета является высказывание Н.И. Формановской: «Под речевым этикетом понимаются регулирующие правила речевого поведения, система национально специфичных стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности» [Формановская 2002, с. 42].

Этикет речевого поведения присущ каждой социальной группе, он служит средством отграничивания от членов других групп. По мнению В.И. Карасика, этикетное поведение, с одной стороны, представляет собой «супериндивидуальную характеристику субъекта», а с другой, демонстрирует «его принадлежность к определенной части общества» [Карасик 1992, с. 83].

Для обращения к старшим членам семьи: бабушке и дедушке в аварском языке применяются следующие термины родства: *дахIадада* «дедушка», букв. «красивый папа», *кIудада* «дедушка», букв. «большой папа»; *дахIабаба* «бабушка», букв. «красивая мама», *кIодо* «бабушка». Данные термины родства в функции обращения могут занимать в структуре предложения любую позицию, например:

а) препозицию:

КӀудада, дуда рагӀаници, телевизоралдасан бицунеб букӀана Америкаялда цо херав чиясе кӀинусго миллион доллар бергъанилан?

«Дедушка, ты слышал, по телевизору передавали, что в Америке один старик выиграл двести миллионов долларов?».

КӀодо, хех нижее квен хӀадур гъабе, щайин абунни нижеда цебе кӀудияб сапар буго!

«Бабушка, быстро приготовь нам еду, потому что нам предстоит дальняя дорога!».

б) интерпозицию:

Жакъа радиоаяль кьолеб букӀана, иткӀудада, Ленинградалдаса цо чӀужуяль...

«Сегодня по радио передавали, дедушка, что одна женщина из Ленинграда...»

Унго–унгоги, кӀодо, шагъаралдаса росолье щезегӀан гьал рухӀарал хъухъанчадалишиха васас рачӀарал?

«Неужели, бабушка, из самого города в село сын привез эти горелые блины?».

Дунги ина, дахӀадада, дуца изну кьунни □.

«Я тоже пойду, дедушка, если ты позволишь».

в) постпозицию:

Кирего инчӀого рокъор руго, дахӀадада.

«Никуда не пошли, дома (сидим), дедушка».

ЧӀужу яче, кӀудада!

«Женись, дедушка!».

По диалектам и говорам аварского языка также наблюдается значительное разнообразие вокативов «бабушка» и «дедушка». П.А. Саидова в диалектологическом словаре аварского языка даёт следующие дефиниции вокатива «бабушка» в андалальском диалекте южного наречия: *хӀерэбел* (кудалинский говор), *дадибаба* «бабушка по отцу», *абаба* «бабушка по матери» (хиндахский говор), *дадаба* «бабушка по отцу», *бабаба* «бабушка по матери» (салтинский говор), *кӀудэбел* (ругуджинский говор), *дахӀабу*, *дадибу* (сугратлинский говор), *хӀебабу*, *хӀерэбел* (чохский говор), *хӀерай* (бухтинский и куяд.

говору). В анцухском диалекте: *xIада*, *xIаба* (анцросух.гов.), *xIеде* (ташский и чадок. гов.), *xIерэбел* (бухнад. гов), *xIербаба* (томуриинский гов.) и т.д. [Саидова 2008, с. 255]. В шангодинском подговоре бухтинского говора андалальского диалекта употребляется вокатив *бабу* «бабушка по отцу и матери». К бабушке по отцу применим также вокатив *аттаэбел* «бабушка», букв. «папа мама».

Для обращения к дедушке в диалектах и говорах аварского языка также имеется целый ряд терминов, в андалальском диалекте: *кIудада*, *дахIадада*, *ацида* (салтинский говор), *кIудэмен* (ругуджинский говор), *xIерав*, *кIудав эмен*, *кIудав дади* (сугратлинский говор) и т.д. [Саидова 2008, с. 157]. В шангодинском подговоре бухтинского говора андалальского диалекта употребляется вокатив *дади* «дедушка по отцу и матери».

Речевой этикет располагает набором единиц, служащих для реализации норм этикетного поведения. Центральное место среди единиц речевого этикета занимают лексические средства, представленные фразеологизированными формулами речевого этикета, обращениями. Периферийную позицию занимают синтаксические и просодические средства.

Каждый этнос наряду с универсальными средствами речевого этикета, представленными в преобладающем большинстве языков мира, типа: 'спасибо', 'здравствуйте', 'будьте здоровы', 'как дела' и т.д., располагает также и этноспецифическими формулами речевого этикета, характерными только для данного этноса, иногда и для данного языкового коллектива. Единицы речевого этикета являются речеобразующим средством, их употребление обусловлено реализацией социальных норм, принятых в данном обществе.

В аварском языке возможно применение частиц для придания коммуникативному акту вежливого, уважительного тона и в такой функции частицы выступают в качестве единиц речевого этикета. Для адекватного употребления частиц в качестве средств речевого этикета предполагается свободное владение языком, т.к. частицы модальные частицы аварского языка располагают многочисленными субъективно–модальными оттенками. Так, например,

многофункциональная и многозначная частица *-ха* употребляется в коммуникативном акте, реализующем просьбу для смягчения просьбы. Большое значение имеет при этом тональность, с которой выражается просьба. В некоторых контекстах частица *-ха* выполняет функцию русского этикетного единицы 'пожалуйста'. В зависимости от тональности форма императива глагола в сочетании с субъективно-модальной частицей *-ха* может выражать различную степень вежливости:

а) нейтральную – *гьабе-ха* «сделай-ка», *хъвайе-ха* «пиши-ка», *босе-ха* «возьми-ка»;

б) среднюю – *гьабе-ха* «сделай-же», *хъвайе-ха* «пиши-же», *босе-ха* «возьми же»;

в) высокую – *гьабе-ха* «сделай, пожалуйста», *хъвайе-ха* «напиши, пожалуйста», *босе-ха* «возьми, пожалуйста».

Такие термины родства, обслуживающие семейный дискурс, как: *эмен* «отец», *эбел* «мать», *даци* «дядя», *ада* «тётя», *вацц* «брат», *йацц* «сестра» употребляются и за пределами семейного дискурса, во вторичном значении для обращения к посторонним (как к знакомым, так и к незнакомым людям).

Применение терминов родства во вторичном значении по отношению к неродственникам оценочно коннотативны и социально окрашены. Они выполняют не только фатическую функцию – установления контакта, но конативную (эмотивную) функцию, сокращая дистанцию между коммуникантами, обеспечивая положительное отношение и коммуникативную удачу.

Для обращения друг к другу в кругу семьи дети, как правило, применяют личные имена. В аварском языке нет специальных обращений к брату или сестре, как, например, в языках Южного Дагестана. «В лезгинских семьях принято обращаться к брату или сестре не по имени, а используя вокативы *стха* «брат» и *вах* «сестра», например:

Я стха, вун мус Московдай хквезва?

«Брат, когда ты приедешь из Москвы?».

Чан стха, заз са пишкеш гъваш ман

«Дорогой брат, привези мне подарок».

Чан вах, цеман заз кье вин сумка.

«Сестра, дай мне на сегодня твою сумку».

За пределами семьи обращения *стха* «брат» и *вах* «сестра» не менее распространены. Это привычные обращения к посторонним людям, репрезентирующие уважительное (почтительное) к ним отношение, особенно к незнакомым людям, например:

Чан вах, вун гьинай я?

«Ты откуда родом, сестра?».

Я стха, вун гьинай, и чкаяр гьинай?

«Ты откуда появился, брат?» [Халимбекова 2012, с. 71–72].

В табасаранском языке Ф.Х. Шаваева и М.Ш. Мустафаева выделяют такие обращения брата или сестры к старшей сестре как апеллатив *бажӀи*, а для обращения сестры к старшему брату *бицӀи адаш* либо *къардаш*, что является свидетельством особого почитания младшими старших членов семьи [Шаваева, Мустафаева 2014, с. 127].

В лезгинском языке для обращения к старшим братьям или сёстрам «используются вокативы *бах* «мать» и *дах* «отец», но вместе с личным именем, например: *Эмина–бах* – «старшая сестра Эмина» (букв. «Эмина – мать»); *Мегьамед–дах* – «старший брат Магомед» (букв. «Магомед – отец») и т.д. Причём разница в возрасте может быть всего в несколько лет. Такое обращение в других дагестанских языках, в том числе в близкородственных языках лезгинской группы нам не удалось обнаружить» [Халимбекова 2012, с. 66].

Самоконтроль, проявляющийся в скупости словесного выражения чувств, в том числе и в применении «сладкоречивых» с точки зрения горцев, – одна из характерных особенностей традиционного горского речевого этикета аварцев. В этой связи уместно, на наш взгляд, указать на точку зрения В.В. Звягинцевой о том, что: «обращение с его функциональными особенностями

заслуживает подробного анализа в русле речеактового подхода. Апеллятив, будучи элементом семейного дискурса, играет важную роль в процессе коммуникации» [Эл. ресурс. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/obraschenie-kak-operator-semeynogo-diskursa>]

2.3. Междометия в функции обращений в бытовом дискурсе

Вокативные междометия часто используются в качестве средств адресации в речевом акте ‘взрослый – ребёнок’. Прагматический потенциал междометий–обращений довольно широк. Вокативные междометия в коммуникативном акте ‘взрослый – ребёнок’ могут репрезентировать нежные (интимно–любовные) чувства адресанта к ребёнку, пренебрежительное, шутливо–пейоративное, негативное отношение к адресату.

Наиболее распространённое вокативное междометие, применяемое вне зависимости от гендерных различий, это междометие, придающее пропозиции положительную семантику – *йа*, например:

Йа, дир йас, гIодое йиччан кIалъай! «Доченька моя, говори спокойно».

Йа, дир йас, дуца гъабураб щиб? «Дочка моя, что же ты наделала?».

Йа, дир вас, кидахха мун цIцIодорлъилев? «Сыночек мой, когда же ты поумнеешь».

Йа, дир вас, гIадада заман инабичIого, дурго дарсал гъаре!

«Сын мой, не трать зря время, делай свои уроки».

Отчасти вокативное междометие *йа!* (однозначный перевод на русский язык вне контекста невозможен) заменяет отсутствие в аварском языке уменьшительно–ласкательных форм от терминов *вас* «сын» и *йас* «дочь».

Эти же фразы можно употребить и без междометия *йа*, однако наличие последней в этих обращениях придаёт им дополнительную интенцию – семантику увещания.

В аварском языке имеется и другое гендерно нейтральное вокативное междометие – *ва!* (можно перевести как «эй», но без этого грубого оттенка, представленного в русском языке) применяется без ограничений для привлечения внимания как при обращении к лицам мужского пола, так и при обращении к лицам женского пола. В коммуникативном акте ‘взрослый – ребёнок’ звательное междометие *ва!* сочетается с именами собственными, например: *ва Рустам!* «эй, Рустам!», *ва МухАмад!* «эй, Магомед!», *ва, Рисалат!* «эй, Рисалат!», *ва, Маликат!* «эй, Маликат!» и т.д.

Для коммуникативного акта категории ‘ребёнок – взрослый’ характерно сочетание звательного междометия *ва!* с терминами родства, например: *ва, дада!* «эй, папа!», *ва, эбел!* «эй, мама!», *ва, дацци!* «эй, дядя!», *ва, ада!* «эй, тётя!», *ва, Кудо!* «эй, бабушка!», *ва, Кудада!* «эй, бабушка!» и т.д. Вокатив *ва!* «эй!» применяется без ограничений также за пределами семейного дискурса при обращении к мужчинам и к женщинам, как знакомым, так и незнакомым.

Для привлечения внимания только мужчин в аварском языке употребляется гендерно маркированный «мужской» вокатив *ле*, например: *ле, вас!* «эй, сын!», «эй, парень!», *ле, Гумар!* «эй, Умар!», *ле, вацц!* «эй, брат», *ле гьудул!* «эй, друг!», *ле, Гакъил!* «эй, умник!» и т.д.

Гендерно маркированный «женский» вокатив *йо* используется исключительно при обращении к лицам женского пола (женщинам, девушкам, девочкам), например: *йо, йас!* «эй, девушка!», *йо, йацц!* «эй, сестра!», *йо, берцинай!* «эй, красавица!», *йо, гьудул!* «эй, подруга!», *йо, ПатИмат!* «эй Патимат» и т. д. В структуре «женского» вокатива *йо* позицию анлаута занимает показатель женского (или второго) грамматического класса *й-*. Вокатив *йо* в отличие от вокатива *ле*, имеет ограниченное употребление, так как применяется исключительно для обращения к женщинам как в

литературном аварском языке, так в диалектах и говорах. Возможно использование вокатива *йо* для обращения к мужчине (мужчинам) в стилистически маркированном тексте, для придания адресату уничижительной семантики.

В гендерном употреблении вокативного междометия *ле!* «эй!» имеется также одно исключение. Когда нужно обратиться группе женщин, девушек, девочек используют обычно вокативное междометие *ле*, например: *ле, руччаби!* «эй, женщины!», *ле, ясал!* «эй, девушки!», *ле, мусудул* «эй, красавицы» и т. д. В случае адресации к группе лиц мужского и женского пола, можно применить только вокативное междометие *ле*, например: *ле, гьудулзаби!* «эй, друзья!», *ле, гIакъылзаби!* «эй, умники!», *ле, росуцоял!* «эй, земляки!», *ле, гIадамал!* «эй, люди!», *ле, гьалбал* «эй, гости», *ле, гIабдалзаби!* «эй, дураки!» и т. д.

Гендерно маркированные междометия являются типологической общностью кавказских языков. В чеченском языке Л.М. Бахаева особую роль в гендерном поведении мужчин и женщин отводит междометиям. В частности, при обращении мужа к жене (оклике) употребляется междометие *йу//хIе*, при обращении женщины к мужчине – *ва* [Бахаева 2009, с. 119]. Примечательно, что в чеченском языке нет чисто «мужских» междометий, употребляемых для обращения исключительно к лицам мужского пола. И в то же время активно используются чисто «женские междометия» [Бахаева 2009, с. 120].

Характерной особенностью структурной организации гендерных междометий кабардино–черкесского языка является наличие в анлауте женских междометий звука *а–* (*а–на гуцэ, а–на мыгъуэ, адыдыд (мыгъуэ/гуцэ), асымыгъуэ, аIей мыгъуэ* и т. д.), а в анлауте мужских междометий звука *I:* *Iагъ, Iагъу, Iэгъ, Iау* [Кабардино–черкесский язык 2006, с. 368; 369]. В диалектах кабардино–черкесского языка имеют место отклонения в применении гендерных междометий. Так, у жителей Малой Кабарды наблюдается употребление в речи женщин междометия *уэлэхьи*, которое в других

диалектах кабардино–черкесского языка является сугубо мужским» [Черкесова, Габуниа 2014, с. 116].

В родственном лакском языке Б.М. Алиева выделяет такие гендерно маркированные эмоциональные междометия, как *гъар* и *яrch*. Эти междометия, в зависимости от ситуации, могут выразить различные эмоции: удивление, возмущение, недовольство, недоброжелательность, могут функционировать и как вокативные междометия при соответствующем контексте. «Женское» междометие *гъар* характерно только для женской речи, но возможно его использование как для обращения к мужчине, так и к женщине. «Мужское» междометие *яrch* характерно только для мужской речи и используется в качестве обращения только к мужчинам [Алиева 2009, с. 13].

Среди всех родственных дагестанских языков в сфере функционирования гендерных междометий даргинский язык занимает особое место, поскольку здесь гендерная дифференциация междометий на «женские» и «мужские» носит наиболее ярко выраженный характер по сравнению с остальными дагестанскими языками. З.Г. Абдуллаев выделяет в даргинском языке гендерно окрашенные эмоциональные междометия *ъи* и *ва*, репрезентирующие семантику удивления или недовольства, или сочетания этих эмоций. Из них междометие *ъи* характерно исключительно для речи мужчин, а междометие *ва* – исключительно для речи женщин: «Например, отец или мать поручает сыну, скажем, сходить куда–то по какому–нибудь делу, но сын выражает недовольство этим и может сказать приблизительно так: *ъи, ну ьита ьукьяс хлейрус* «я не могу туда пойти» (междометие *ъи* не переводимо); дочь бы вместо сына в аналогичной ситуации ответила: *ва, ну ьита рукьяс хлепирус* – значение то же. В подобных предполагаемых ответах мальчика и девочки (мужчины и женщины) *ъи* и *ва* представляют собой соответствующие классные междометия, с помощью которых выражается недовольство» [Абдуллаев 1993, с. 451–452]. Эти междометия содержат в своём составе показатели мужского

грамматического класса *ъ– (ъи)* и женского грамматического класса *в– (ва)*.

К другой группе классно–семантического противопоставления З.Г. Абдуллаев относит звательные междометия *ъей* и *гъуй*, которые выявляют строгую гендерную регламентацию: «Муж, обращаясь к своей жене, по существующей в языке народе традиции, пользуется не собственным её именем, а междометием *ъей (/жав)*»: *ъей, раши гъари ъиша!* «эй, иди сюда!». Жена, обращаясь к мужу, в свою очередь, также называет его не по имени, а пользуется междометием *гъуй (/гъей, жей)*: *гъуй, кайъи гъари беркайчи!* «садись–ка есть!» (междометие не переводимо и не транслитерируемо)» [Абдуллаев 1993, с. 452].

В тюркских языках Дагестана, например, в кумыкском, получили распространение красивые и ласковые имена (для молодых родственников мужа) и почтительные (для старших), которые невестка употребляла при обращении к новым родственникам: «Старшего брата мужа молодая чаще всего называла *джан агъав* «дорогой господин», *паччам* «мой царь», младшего брата мужа – *къардашим* «мой брат», *эрке улан* «гордый парень», *алтун тон* «золотая шуба», *къыз сюер* «любимый девушкой», если он не был женат, старших сестер мужа – *жан бажим* «дорогая сестра», *гюльбажим* «цветущая сестра», младших сестер – *эрке къыз* «гордая девушка», *гиччи къыз* «маленькая девушка», *танажар* «жемчуг» и т.д. [Гаджиева 2005, с. 192]. Н.Э. Гаджихмедов полагает, что наличие в кумыкском языке, как и в других тюркских языках, вокативов с показателями принадлежности, типа: *анам* «моя мама», *суйгеним* «моя любимая», *уланым* «мой сын» можно объяснить тем фактом, что «в менталитете тюркского человека изначально заложено стремление подчеркнуть принадлежность предмета определенному лицу. Без конкретизации такой принадлежности предметы как бы не существуют. Для тюркского менталитета все вокруг должно кому–то принадлежать. Отношения обладателя и обладаемого всегда были принципиально

важными в социально–экономической жизни тюрков [Гаджихмедов 2012, с. 60].

Междометия, хотя они и неоднородны с другими типами слов, все же функционально сближаются с разными частями речи, они образуют разного рода сочетания слов, которые используются в вокативной функции. Именные междометные сочетания представлены следующими структурами:

«межд. + существительное (ген.) + существительное (ном.)»:

вай дадал бурут! «ах ты, папин козлёночек!» (ласковое обращение к ребёнку);

«межд. + местоимение + существительное (ном.)»:

вай дир мокъокъ «о, моя куропатка!» (нежное обращение к женщине);

вай дир тІанчІал! «ах, вы мои цыплятки!» (ласковое обращение к детям);

огъ дир лачен! «о, мой сокол».

Для выражения негативных эмоций:

огъ загъруяб борохъ «ох, змея подколотная» (букв. «ядовитая змея»);

огъ чІегІераб борохъ «ох, чёрная змея»;

вай барахщараб кето «ох, скупердяй», букв. «ох, жадная кошка»;

вай щідал хІелеко «ох, злюка», букв. «злой петух»;

огъ хераб хъаз «ох, старый хрыч», букв. «старый гусь» и т.д.

Глагольные междометные сочетания представлены следующими структурами:

«мест. + существительное (эрг.) + причастие (пов. накл.)»:

огъ мун бацІица кваяв! «ох, да чтоб тебя волк съел!»;

огъ мун гъойца ветІаяв «ох, да чтоб тебя собака разодрала».

Глагольные междометные сочетания выражают проклятья, заклинания. Источник и причину появления таких выражений М.М. Магомедханов видит в конкретно–исторических условиях народа, а их возникновение М.М. Магомедханов связывает с исторической

эпохой, когда люди верили в магическую силу заклинаний [Магомедханов 1972, с. 69].

Речевые формулы, выражающие приветствие, благодарность, прощание и т.д., типа: *йорчIами!* «здравствуй (жен.)!», *ворчIами!* «здравствуй (муж.)!», *рорчIами!* «здравствуй!»», *къо мех лъикI!* «прощайте, всего доброго!», *сордо лъикI!* «спокойной ночи!», *нух битIаги* «счастливого пути», *баркала!* «спасибо!» и т.д. некоторые исследователи также рассматривают как междометия. На наш взгляд, данный вопрос нуждается в дополнительном исследовании, поэтому мы только отмечаем наличие таких речевых формул этики, но воздержимся их частеречной квалификации.

ГЛАВА 3. РЕЧЕВЫЕ АКТЫ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ВЫРАЖЕНИЕ ПОЖЕЛАНИЯ

Все пожелания как добра (благопожелания), так и зла (проклятия) в аварском языке оформлены оптативными предложениями и обслуживают конвенциональные речевые акты, используемые, как правило, в ритуальных целях. Н.А. Трофимова определяет пожелание «как речевой акт, иллокутивная цель которого состоит в реакции говорящего на действие адресата либо на некоторое положение дел, касающееся адресата и требующее реализации пожелания в соответствии с нормами, принятыми в данном обществе. Пожелание выражает чувство благоволения говорящего по отношению к адресату, выражение этого чувства способствует установлению или поддержанию контакта с другими членами данного общества, следовательно, высказывания положительного пожелания предназначены для регуляции межличностных отношений коммуникантов [Трофимова 2008, с. 72].

3.1. Поздравительные речевые акты

Поздравление можно квалифицировать как этикетный перформатив, по той причине, что оно является не только единицей речевого этикета, но и одновременно осуществлением речевого действия. Поздравительные речевые акты обладают рядом коммуникативных интенций. Главной иллокутивной силой поздравлений следует считать стремление адресанта воздействовать на эмоциональную сферу адресата, вызвав у него определенные положительные эмоции.

Перлокутивный эффект поздравлений, как речевых актов, заключается в положительной реакции адресата на поздравление адресанта.

Характерной особенностью поздравлений в аварском языке является то, что они звучат в форме пожеланий. Поздравления

совмещают в себе иллокутивные силы поздравления и пожелания и в этом качестве превратились в повседневные языковые клише.

3.1.1. Пожелания по случаю свадьбы

Наряду с универсальными этикетными формулами межличностного общения, в аварском языке широко функционируют этноокрашенные формулы речи, которые обслуживают значимые события в жизни носителей языка, такие как: свадьба, рождение ребенка, новоселье и др. Этноокрашенные формулы речи подтверждают вариативность правил межличностного общения в коммуникативных культурах представителей разных этносов. К этноокрашенным формулам речи относятся благопожелания, представляющие собой вербальный код свадебного ритуала.

Свадебные песни аварцев, как и остальных дагестанских народов, представляют собой набор благопожеланий. Самое распространенное и наименее этноокрашенное благопожелание по случаю создания новой семьи, это, чтобы рождались мальчики, похожие на отца, и девочки, похожие на мать, например:

*Инсуда рельељарал васал рижаги,
Эбелалда рельељарал ясал рижаги!*

«На отца похожие мальчики пусть рождаются,
На мать похожие девочки пусть рождаются!».

Такие формулы речи представлены во всех дагестанских языках и являются своего рода комплементами жениху и невесте.

Родители жениха и невесты также удостоиваются в аварских свадебных песнях самых добрых пожеланий, например:

*Нижер бахIарасул эмен чIахъаги,
Васасе рукIине кIалгIаби рарав.
Нижер бахIаралъул эбел чIахъаги,
КIалгIаби къачIазе къайи гъабурай!*

«Да здравствует отец нашего жениха,
Построивший дворец для (пребывания) сына.
Да здравствует мать нашей невесты,

Подготовившая приданое, чтобы украсить дворец».

Существуют различные варианты этой песни, в разных населенных пунктах можно встретить те или иные вариации данной темы:

*Нижер бахIаралъул эбел чIахъаги,
МагIарда тIегъ бихъун къайи гъабурай!*

*Нижер бахIарасул эмен чIахъаги,
Къайи жаниб лъезе рукъзал гъарурав.*

«Да здравствует мать нашей невесты,
Подготовившая невесте приданое!

Да здравствует отец жениха нашего,

Построивший дом, куда можно сложить приданое».

Во всех вариантах воспеваются родители молодых (как правило, отец жениха и мать невесты), чья заслуга оценивалась исключительно с материальной точки зрения.

В свадебных песнях аварцев часто используется такой стилистический приём как метонимический перенос. В данном случае использована такая разновидность метонимического переноса, как синекдоха. Синекдоха – это такая фигура речи, которая усиливает выразительность слога и придает ей обобщающий смысл. Специфика синекдохи в том, что она позволяет заменить единственное число множественным или допускает употребление части вместо целого или наоборот. Синекдоха часто используется в фольклорных текстах, в устной речи и т.д. В данном случае лексемы *кIалгIаби* «дворцы» и *рукъзал* «дома» использованы в форме множественного числа, хотя речь идет о единственном числе.

Высокий аксиологический статус сына в системе семейных ценностей аварцев также находит отражение в благопожеланиях аварского языка. Высокий аксиологический статус сына в любой дагестанской семье обусловлен тем, что сын для родителей был символом продолжения рода, гарантом спокойной и обеспеченной старости. Наличие хотя бы одного сына в семье было необходимо, чтобы он мог наследовать состояние отца, продолжить его дело и

свой род, сохранить отчий дом. Поэтому весьма востребованы были такие пожелания:

Вас гьечIого каву хутIугеги,

Яс гьечIого эбел хутIугеги!

«Пусть ворота (дом) не останутся без сына,

Пусть мать не останется без дочки!».

Здесь также использована синекдоха для усиления выразительности слога (употребление части *каву* «ворота» вместо целого *мина / рукъ* «дом»). Вторая часть этого благопожелания позволяет предположить, что рождение дочери не считалось трагедией в аварской семье, более того, она была необходима в семье, чтобы помогала матери вести домашнее хозяйство, ухаживать за братьями и т.д. В аварском фольклоре нет пожеланий типа лезгинского:

Ирид хва хьуй,

Хват хьтин са руш хьуй;

Гьамни хтун тарцяй

Аватна кьий!

«Семь сыновей пусть будет,

И, как слива, дочь пусть будет.

И та пусть (подобно сливе) с дерева упадет и умрет!»,

выраженного в свадебной песне – пожеланию невесте родить много сыновей.

В связи с исследованием использования гендерных различий в проклятиях и пожеланиях в лезгинском языке М.К. Халимбекова приводит другой вариант данного благопожелания. Она отмечает, что в лезгинском языке имеются не только проклятья и пожелания, которые предназначены исключительно для женщин или исключительно для мужчин, но и проклятья и пожелания, которые употребляются только мужчинами или только женщинами. «К последним относятся пожелания, которыми мать или сестра жениха благословляют невесту, например: *Ваз ирид хьвани са гуьрчег руш хьуй!* «Да будешь ты матерью семи сыновей и дочери красавицы!».

Когда в дом входит невеста, мать или сестра жениха приводят маленького мальчика, передают его в руки невесты и поют:

Ваз ирид хъвани са гуьрчег руш хъуй!

Амани тварцяй аватна кый,

Пичинин патаз гзаф гадаяр хъуй,

Рикьинин кьулухъ гзаф куьчеррин къапар,

Ваз жедайбур са гадаяр хъуй,

Буна хразвайди са халичаяр хъуй.

«Пусть будет семь сыновей и одна дочь,

И та пусть упадет с дерева и умрет.

Пусть вокруг очага полно сыновей будет,

А за дверью много обуви.

Будешь рожать только сыновей,

И ткать будешь только ковры» [Халимбекова 2014, с. 101].

Особые слова–пожелания адресуются невесте, поскольку именно от женщины зависит благополучие, мир и согласие в семье. В аварской семье именно жена является хранительницей домашнего очага и тепла. Об этом свидетельствуют многочисленные пословицы аварского языка:

Чужу гьечлеб рукъ – лъим гьечлеб гьобо.

«Дом без женщины, что мельница без воды»;

Росассул къадру–къимат лъльадудассан буклуна.

«Уважение и почет мужа зависит от жены».

Роьол рукъ – буртина, рукъальлъул хлуьби – члужу.

«Летний дом – бурка, опора дома – жена»;

Чоцца гуро бихьинчи гьавулев, яргьиццаги гуро – лъадуцца гьавула.

«Мужчину мужчиной делает не конь, и не оружие, а жена» и т. д.

Приход невесты в дом жениха сопровождался пожеланиями со стороны родственников жениха:

Хабар–кIал дагъай, гIамал берцинай ятаги!

«Пусть (невеста) будет без лишних разговоров и с добрым (букв. красивым) нравом»!

Хабар–кIал дагъай, гIамал недегъай ятаги!

«Пусть невеста будет без лишних разговоров и с нежным характером»!

Квер нахулай ятаги!

«Пусть (невестка) будет умелой (букв. рука масляной)».

ГIамал лъикIай, гъумер битIарай ятаги!

«Пусть (невестка) будет с добрым характером и приятным лицом».

Рагъида бакъ ккурай, рокъоб цIа ккурай ятаги!

«Пусть (невестка) будет на веранде лучиком солнца, а в доме – теплом очага»! Такого типа благопожелания являются одновременно и установкой для невесты, какой она должна быть в доме мужа.

Пожелание счастливого брака, как правило, предполагает пожелание счастливого конца, например:

Ахир рохараб ригъин батаги!

«Пусть итог этого брака будет счастливым.

Ахир рохараб, мадугъаллъи гвангъараб батаги ригъин!

«Пусть брак окажется со счастливым концом и со светлым соседством».

Традиционно желают молодоженам, чтобы в их доме собирались только по радостным поводам, чтобы еду готовили только по желанию, чтобы таким же радостным и скорым был день свадьбы их детей:

Бертадуе гурони чед бежизе хъван батугеги гъаб къавуль!

Бокъун гурони тIутI лъезе хъван батугеги!

«Пусть в этом доме только для свадьбы будут печь хлеб!

Пусть только по желанию преподносят поднос!»;

Рохалие гурони данделъизе хъван батугеги!

«Пусть будет суждено собираться только для радости!».

Гъазул лъималазе бертин гъабулеб къоги жакъа гIадин бихъаги!

«День свадьбы их детей пусть будет суждено увидеть таким же!».

Некоторые благопожелания носят назидательный характер и больше напоминают совет, чем пожелание, например:

*Вакъадабадехун чехь къурай ятаги,
Чиядехун мугъ къурай ятаги!*

«Пусть будет расположена к свекру и свекрови
Пусть не будет расположена к чужим».

Символом невесты (молодой девушки) у представителей аварского этноса служит красная кулопатка.

В свадебных песнях аварцев редко актуализируется красота невесты. Для описания женской красоты часто используются сравнения:

чинари (кавказский платан) для стройной девушки, например:

Лугбалги чергесай,

Черхги берцинай,

Чинари гIадинай

Нижер бахIарай!

«Тело прекрасное,

Стройное, тонкое,

Словно чинара

Наша невеста».

Если даже воспевается физическая красота, то наряду с красотой актуализируются способности к физическому труду, рукоделью и т.д., например:

Гъалал меседилай

Гъуждул гургинай,

РукIкIен–кун меседил

Нижер бахIарай.

«Косы золотые,

Плечи круглые,

Мастер на все руки (букв. «иголка–нитка золотые»)

Наша невеста».

В аварских благопожеланиях по случаю свадьбы или бракосочетания молодым традиционно желают:

– счастливого и крепкого союза:

Къадар рекъарал ратаги!

«Пусть брак будет счастливым!».

букв. «Чтобы судьбы сошлись».

РагIи кьокьаб, кьадар халатаб батаги гьабулеб ригьин!

«Пусть совершающийся брак будет малословным и долговечным».

– крепкого здоровья:

Даруялде черх ккогеги,

Чияр цIобалде рукь ккогеги!

«Пусть ваши тела не будут нуждаться в лекарствах,

А дом не будет нуждаться в людской жалости».

– любви и согласия:

Цо кьандалъоялда херлъизе хъван батаги!

«Пусть суждено состариться на одной подушке!».

Цоцада херлъаги (бахIарал)!

«Чтобы состарились вместе (молодожёны)!».

Цоцада (цоцаль) гIамал рекъарал ратаги!

«Чтобы характерами сошлись!».

Баракат гьечIеб боцIиялдасаги цIунаги,

Гьуинлъи гьеIеб ригьиналдасаги цIунаги!

«Пусть избавит (Всевышний) от добра, в котором нет блага,

И брака без любви и взаимопонимания!».

ГьоцIогIан цоцада гьуинлъаги!

«Пусть жизнь совместная будет слаще меда!».

– благополучия:

ТалихI бугезе иман бугел рижаги лъимал!

«У счастливых родителей пусть рождаются дети с верой!».

Ригьинги лъикIаб сагIаталь гьабулеб батаги!

«Пусть будет добрым час,

В который заключается брак!».

КIудияб дарамалдаса воххаги!

«Чтобы был счастлив (доволен) в браке!».

Свадебные благопожелания передают особенности культуры, традиций и обычаев аварского народа. Тематика свадебных песен аварцев в целом совпадает с тематикой свадебных песен других народов Дагестана, уступает только по богатству тематики и по

красноречию свадебным песням народов южного Дагестана (носителей лезгинских языков, которые находятся под влиянием соседнего азербайджанского языка). В благопожеланиях, также как и в пословицах и поговорках, заключена мудрость народа, которая накапливалась веками, очищаясь от случайной, ненужной шелухи и, сохраняя только самое ценное, самое сокровенное. Как указывает Х.Г. Магомедсалихов, в благопожеланиях и проклятиях «отражаются традиционные и современные представления об общественной и семейной жизни, о деятельности горца. Здесь также в прямой или опосредованной форме нашли отражение многовековые представления горцев о добре и зле, чести и достоинстве, мужестве и храбрости, дружбе и патриотизме, думы о смысле жизни и хлебе насущном» [Магомедсалихов 2007, с. 12].

3.1.2. Пожелания по случаю рождения детей

Для аварцев, как впрочем, и для представителей других этносов, не характерны выражения поздравлений по случаю рождения детей, фразами типа: поздравляю с рождением..., искренне поздравляю с рождением..., от всего сердца поздравляю с рождением... и т.д. Благопожелания заменяют носителям дагестанских языков такие формулы.

Рождение ребенка в аварской (дагестанской) семье – событие исключительной важности, особенно рождение сына. Поэтому существует огромное количество благопожеланий, по случаю рождения сына. Из всех пожеланий в качестве главного можно выделить следующее:

Иман бугев вахъаги!

«Пусть вырастет верующим!».

Вера – это основное качество, формирующее личность, на него наслаиваются и остальные положительные черты характера, как уважительное отношение к окружающим, особенно к старшим:

Адаб бугев вахъаги!

«Пусть вырастет уважительным!».

Эбел–инсул хІурмат цІунарав ватаги!

«Чтобы рос уважительным к родителям!».

Следующее качество, которым должен обладать новорожденный, когда вырастет – это знания. Культ знаний всегда был в Дагестане. В шестидесятых годах девятнадцатого века исследователь дагестанских языков П.К. Услар писал о том, что в Дагестане нет ни одного села без школы при мечети. Едва ли среди мусульманского населения изучение арабского языка так распространено, как в Дагестане. «Если об образовании народном судить по соразмерности числа школ с массой народонаселения, то дагестанские горцы в этом отношении опередили даже многие просвещенные европейские нации» [Услар 1870, с. 315]. Поэтому особое распространение получили пожелания мальчикам:

Гелму бугев гІалимчи вахъаги!

«Чтоб знающим ученым стал!».

Гумро халатав гІалимчи вахъаги!

«Чтоб долгоживущим ученым стал!».

Одно из ценных качеств, которое желали новорожденному – это, чтобы он добился довольства родителей:

Эбел–эмен разияв вахъаги!

«Чтоб родители были (тобой) довольны!».

Инсул нух босарав ватаги!

«Чтобы рос (в жизни) держался пути отца!».

Инсул хІал ккурав ватаги,

ХІамил рачІІ ккурав ватаги!

«Наследником отца чтобы стал,

Трудолюбивым (букв. осла хвост держащим) чтобы вырос!».

Этнический идеал аварцев (сочетание мужества, смелости, отваги, решительности) концентрировано выражен в пожеланиях:

КІаницІун хъала бахъулев, хъамун ясал рачунев вукІаги.

«Да будешь ты завоёвывать крепости и похищать девушек!».

Ярагъ барав, чу рекІарав

Гъав вахъаги!

Чода тIаде гъунар бугев

Гъав вахъаги!

«Чтобы (он) вырос

Вооруженным и на лихом коне!

На коне отважным и искусным

Чтобы (он) вырос!».

Къо хIехъолевлъун лъугъаги!

«Чтобы вырос мужественным и стойким!».

Глолиазда гъоркъов чIел босулев лъугъаги!

«Чтобы стал лидером среди молодёжи!».

В аварской семье рождение мальчика большое и радостное событие, и поэтому если первым ребёнком рождается девочка, то родителям в качестве утешения желают:

Васал хъихъизе гъайюрай йикIаги (йатаги)!

«Чтоб была рождена для воспитания мальчиков!»!

подтекст: «чтоб за ней родились мальчики!».

ТIаде баракат бугел васал гъарегу!

«Следом пусть благодатные сыновья родятся!».

Девочкам также желали, чтобы они выросли уважительными и заслужили довольство родителей, например:

Адаб бугей йахъаги!

«Пусть вырастет уважительной!»

Эбел–эмен разияй яхъаги!

«Чтоб родители были (ею) довольны!».

Эбел–эмен йохарай, къибил–тухум чIухIарай йахъаги!

«Чтоб выросла на радость родителям и на гордость родственникам!».

Эбел–инсуе рохалие гIурай йатаги!

«Чтобы выросла на радость родителям!».

Баракаталъул гохI гIадай, рахIматалъул иц гIадай яхъаги!

«Пусть будет как гора благодати и родник милосердия»

Важным пожеланием для девочки было сразу же при рождении удачный брак, счастье в семейной жизни, поэтому были распространены такие пожелания:

Бер бугесда йихъаги,

РакI лъикIасда ятаги!

«Пусть заметит внимательный,

Пусть найдет тот, у кого доброе сердце».

Бер бугесда йихъаги,

Бахьи(талихI) бугес ячаги!

«Пусть заметит внимательный,

Пусть возьмет (замуж) счастливый».

КIудияб дарамалдаса йохулей ятаги!,

Росасул рокъоб талихI къурай ятаги.

«Да будет радость (тебе) в браке

И счастье в доме мужа!»

Если мальчикам желали стать богатырями, то девочкам желали стать красавицами:

Васал бахIарзал лъугъаги!

«Чтобы сыновья богатырями стали!».

Ясал мусудул лъугъаги!

«Чтобы девочки красавицами стали!».

ТегъгIан берцинай гIаги!

«Пусть вырастет прекрасной как цветок!».

БакъгIан гвангъарай йатаги!

«Пусть будет сияющей словно солнце!».

Мальчикам желали шумной, бурной, полной приключений жизни, чтобы можно было проявить мужество, смекалку ловкость, смелость, умение обращаться с оружием и конём, например:

БахIарчияв вахъаги!

«Чтобы героем стал!».

Цар рагIарав лъугъаги!

«Чтобы прославился (знаменитым стал)!».

Улка чIухIарав багъадур вахъаги!

«Чтобы стал героем, которым гордится страна!».

*Нодо хъахIаб ци чIваяв,
Ца гIебаб хъабан чIваяв,
ХъахIилаб ралъадалда
БагIараб цIа бакаяв!*

«Чтобы (ты) убил медведя белолобого,
Чтоб (ты) кабана саблезубого убил,
Чтобы в синем море
Красный огонь зажѣг!».

Киниялде вахъарав гIадин, чоде вахъунги вихъаги!

«Пусть мы увидим как (ты) оседлаешь коня, как оседлал люльку!».

Девочкам желали обратное, чтобы о них никто ничего не слышал, чтобы они выросли тихо и незаметно, например:

Гъаюрай гIадин гIун йихъаги!

«Чтобы увидели выросшей, так же как и родилась!».

Как правило, родственники желали девочкам, чтобы они выросли трудолюбивыми, мастерицами и т.д., например:

ХIанчи чIир–чIирчIидилалде

Хурие щун йатаги!

«Чтобы в поле успевала

До того, как птички зачирикают!».

Милъиршо гIадай хехай йатаги!

«Чтобы была проворной как ласточка!».

К гендерным особенностям благопожеланий по случаю рождения девочек можно отнести пожелания с меркантильными оттенками, поскольку основное назначение девочек в семье было выполнение сельскохозяйственных работ, домоводство, обслуживание братьев и отца, выгоду от девочек в семье ждали все родственники, как это видно из следующего благопожелания:

ИштIун къагIи рачIаги,

Къибилалъе хъойхъизе,

Къолон чуял рачIаги

ИмгIалзаби рекIине.

Чангъида тIутI бачIаги,

*Тлохде босун кьотIузе,
Тлад лъун хара бачIаги,
Жийго чIухIузе къайзе!*

«Пусть пригонят ягнят со свистом,
Чтобы зарезали для родни,
Пусть пригонят оседланных коней,
Чтобы дяди на них сели,
На санях халву пусть принесут
На крыше чтобы порезать,
Чтобы сверху лежал муар (шелковый платок),
Сама чтобы наряжаться могла!».

Эти и другие подобные пожелания исходят от родственников, соседей, друзей, все они искренны и великодушны, но самые сокровенные желания новорожденным высказывают матери в колыбельных песнях.

Колыбельные песни составляют значительную часть аварской народной лирики. Их число превосходит все другие обрядовые песни. «Идейно–художественное своеобразие, тематическое богатство и широкое распространение этих песен определяется их ролью в семейной и общественной жизни народа.

Для колыбельных песен характерна большая вариантность (до 20 вариантов каждой песни), и это объясняется условиями каждой данной местности. Вариантность вызывалась даже топонимическими особенностями, и в каждом ауле матери, приспособившая для своих нужд песню, сложенную в другом ауле, заменяли имена, заменяли названия местностей, часто встречающиеся в песне» [Хайбуллаев 1973, с. 25].

По своему назначению колыбельные песни делятся на две группы: 1) песни для мальчиков (*Васазе кинидухъ ахIулел кучIдул*); 2) песни для девочек (*Йасазе кинидухъ ахIулел кучIдул*).

О значимости колыбельных песен для аварцев проникновенно сказал народный поэт Дагестана Расул Гамзатов:

*«Есть три заветных песни у людей,
И в них людское горе и веселье,*

*Одна из песен всех других светлей,
Её слагает мать над колыбелью».*

Можно сказать, что в колыбельных песнях ярче всего проявляются материнские чувства к ребёнку, особенно к мальчику, которые обычно приходится скрывать, согласно горскому этикету.

3.1.3. Колыбельные песни для мальчиков

Благопожелания как жанр устного народного творчества имеют многогранные формы выражения. Пожелания добра могут быть выражены в аварском языке как в прозаической форме, так и в стихотворной. Благопожелания, высказанные детям у их колыбели, как правило, имеют стихотворные формы – формы колыбельных песен. В колыбельных песнях для мальчиков главным образом подчеркивалась их желанность, например:

*Гьарун бараб цIадал щоб,
«Роса вымоленного дождя,
ЦIалун щвараб бакъул нур!
Выпрошенный солнечный луч!».*

Безусловно, для любой матери самое красивое имя – это имя её сына и самый красивый на свете ребёнок – это её сын:

*АхIизе цIар берцинав,
Бихьизе куц беричав.
«Со звучным именем,
С красивым лицом».*

Затем в колыбельных песнях подчеркивались физические качества, которыми должен обладать мальчик: смекалка, смелость, мужество, храбрость, например:

*Гьанги белъун, чед бежун,
Мясо сварит, хлеб испечет
Чанавеги унев ав,
И на охоту он пойдет.*

*Чуги бачун, цІал кьабун,
Коня оседлав, плетью ударив
Цјоровеги унев ав.
И в Грузию пойдет он».*

Следует обратить внимание на две характерные особенности грамматического оформления и функционирования глагола–сказуемого в приведенной выше колыбельной песне. Первая особенность заключается в том, что форма причастия *унев* «идуший» употреблена в предикативной функции, в функции, характерной для финитного глагола.

Как указывает З.М. Маллаева, «инфинитные формы глагола выражают действие, зависимое от действия финитной формы глагола, т.е. употребление инфинитной формы в предложении возможно только при наличии финитной формы глагола. Исключение из этого правила составляют причастия» [2007, с. 265]. На эту особенность аварского языка употреблять причастия «во многих тех случаях, где в русском языке глагол должен быть в изъявительном наклонении» – обратил внимание еще П.К. Услар: «Никакой разницы в смысле не будет, сказать ли: *дир вац рокъов вуго* – мой брат дома, или: *дир вац рокъов вугев; вугиш дир вац рокъов* или *вугевиш дир вац рокъов* «дома ли мой брат?» [Услар 1889, с. 149]. Однако последнее утверждение П.К. Услара нуждается в уточнении и разъяснении. На это обратил внимание А.А. Бокарев в своей монографии «Синтаксис аварского языка» [1949]. А.А. Бокарев отметил, что: «причастное сказуемое, в противоположность утверждению П.К. Услара, имеет свой круг значений, отличный от круга значений глагольного сказуемого. Можно заметить варьирование основного оттенка убеждения (или декларативности), но вариации эти связаны, как кажется, не с тем, что сама форма причастного сказуемого многозначна, а только со словарными и контекстовыми условиями употребления формы, накладывающими на основное значение последней свой отпечаток» [Бокарев 1949, с. 72].

На факт употребления в аварском языке причастий в определенных случаях в предикативной функции указывали также и

авторы грамматики аварского языка на грузинском языке А.С.Чикобава и И.И.Церцвадзе [1962, с. 311–312].

Ж. Шарашидзе также отмечает произвольность в употреблении в предикативной функции причастия или финитного глагола в речи анатолийских аварцев [Charachidze 1981, с. 128].

Употребление причастий в предикативной функции, как правило, стилистически обусловлено. Чаще всего, это происходит в тех случаях, когда говорящий хочет придать своему рассказу особую эмоциональную окраску. В стилистически нейтральном тексте, как правило, в качестве сказуемого употребляется финитная форма глагола.

Следует отметить, что употребление причастия в предикативной функции чаще встречается в некоторых архаических диалектах аварского языка (закатальский, кусурский, анцухский), а также в гунзибском языке, что квалифицируется исследователями как зачаточная форма личного спряжения.

Факты и материал аварского языка, во всяком случае, произведения устного народного творчества подтверждают известное в лингвистике мнение, признающее причастие «за весьма древнюю языковую форму, развившуюся, по-видимому, параллельно глагольной, а может быть и даже предшествующую ей» [Мещанинов 1978, с. 286]. Убедительным аргументом в пользу данного мнения служит и то, что причастие является формой сказуемого в пословицах и поговорках аварского языка, например:

Вехь вокъарасе гьойги бокъулеб.

«Кто любит пастуха, любит и собаку» (букв.: «пастух любящему и собака любящая»);

ГдегIараб лъим ральдахъе щолареб.

«Быстро бегущая вода до моря не доходит (букв. не доходящая)».

Меседил кверазул багъа гьечIеб, гьел ричун росизе щоларел.

«Золотые руки не имеют (букв. не имеющие) цены, их невозможно купить».

ВихьичIого чи лъаларев, бекичIого чед лъалареб.

«Человека не узнаешь (не знающий), пока не испытаешь, хлеб не узнаешь (не знающий), пока не сломаешь».

Лъимал гъаричІесда рокъи лъалареб, лъимал хвечІесда рухІел лъалареб. «Кто не родил детей, тот не знает любви, у кого не умерли дети, тот не знает скорби (горя)».

Вторая особенность заключается в том, что в данном благопожелании формы настоящего времени употреблены для обозначения будущего действия. Т.е. имеет место транспозиция временных форм глагола. В нашем случае для характеристики предстоящих действий в значении близкого или неизбежного будущего употреблена форм настоящего времени. «Настоящее время в плане будущего придает речи оттенок неизбежности, неотвратимости данного действия. При этом меняется тональность сообщения, которое становится более динамичным и выразительным», отмечает М.М. Халиков в монографии «Проблемы общей и аварской стилистики» [2018, с. 131].

Транспозиция времен – явление довольно распространенное в аварском языке, особенно в разговорной речи. Это явление имеет место часто в пословицах и поговорках. Как отмечает М.М. Халиков [2018, с. 127]: «из языковых форм, противопоставленных в парадигматическом ряду, они превращаются в соотносительные, взаимозаменяемые, равнозначные средства речевой коммуникации. В плане вариативности речевых форм, близких в коммуникативно–функциональном плане, становится актуальной проблема стилистического выбора, проблема творчески активного отношения к выразительным ресурсам языка». Исследуя стилистику аварского языка М.М. Халиков [2018, с. 131] выделяет еще два случая переносного употребления формы прошедшего законченного времени в функции настоящего общего: 1) В целях усиления эмоционально экспрессивной тональности, вследствие чего «описываемое действие становится почти физически осязаемым в своей реальности:

*ЦохЮ талихI буго хIасратай гьудул,
ГьечIиш чIужугIадан – чIунтана дунял*
«Единственное счастье – нежная подруга,
Нет женщины – опустела земля»
(Р.ХI.)

2) В целях «придания деликатности просьбе или обращению:
Цо суал букIана дудехун данд базе «Хотелось обсудить один вопрос с тобой (вами)» (Обсуждение должно состояться сейчас)».

Часто в аварском языке прошедшее время употребляется в функции выражения семантики будущего времени. «В отдельных случаях форма прошедшего законченного времени может быть применена для характеристики предстоящих действий в значении близкого или неизбежного будущего» [Маллаева 2007, с. 116].
Например:

*КIигоявгун кьацандарав
Кьогоявгун гаргадарав,
Векерун куй босарав,
Керен чIван оц босарав.*
«С двумя подрался,
С двадцатью конфликтовал,
Пробежав, выиграл барана,
Поборовшись, выиграл быка».

*Хариль бугеб аздагьо,
КIихIи кьотIун рехарав
Льабнухида хьала бан,
Тушбабигун вагъарав.*
«В траве спрятавшееся чудовище,
На двое разрубил
На развилке воздвигнув крепость.
С врагами сражался».

В качестве сказуемого в предложениях – благопожеланиях чаще всего употребляется форма оптатива, например:

*Эхеб унеб хехаб гIор,
Ханун чое рекIаги
Чол кьолокь бахъунеб хIур
Гъаваялде батаги.
Харилъе квешаб борохъ
Чол цIалае хъвагIаги.
«Вниз текущая быстрая река,
Быстро на лошадь чтоб сел
Пыль, которая под седлом,
Чтобы ввысь поднялась.
Плохая змея в траве,
Чтобы плёткой для лошади стала».*

*Гулла гIадав лъугъаги,
«Чтобы (ты) стал как пуля»,
Гурга гIадав лъугъаги,
«Чтобы (ты) стал как колобок»,
Базаралъун къали гIадав батаги,
«Чтобы (ты)стал как мерка на рынке»,
Къебедасул квартIа гIадав батаги,
«Чтобы (ты) стал как молоток каменщика»,
Чанахъанасул бер гIадав лъугъаги,
«Чтобы (ты) стал как глаз охотника»,
БетIераб гIаштIи гIадинав батаги!
«Чтобы (ты) стал как главный топор!».*

Оптатив выражает, преимущественно, желание говорящего. Именно этот семантический оттенок и объединяет оптатив с императивом. Поскольку императив в широком смысле также выражает желание говорящего, чтобы было осуществлено то или иное действие, при этом участником осуществления может быть любое из трех лиц. «Однако императив, в отличие от оптатива, является не столько сообщением о желании, сколько попыткой каузировать реализацию желаемой ситуации и имеет референцию лишь к таким ситуациям, осу-

шествление которых подлежит контролю со стороны говорящего» [Добрушина 2001, с. 8–9].

Во многих языках мира оптативная семантика выражается слитно с другими категориями. Кавказские языки и аварский язык, в том числе, относятся к языкам, в которых функционирует специализированный оптатив. Традиционной формой выражения проклятий или благословений, которые широко представлены в аварском языке, является оптатив. Произнося проклятия или благословения говорящий не только выражает свое желание, чтобы то или иное действие осуществилось, но и пытается повлиять на его реализацию.

Как известно, необходимым условием употребления оптативных высказываний «является отсутствие контроля над ситуацией со стороны говорящего.... Недоступность контролю со стороны говорящего, казалось бы, должна, исключать попытку каузировать реализацию ситуации. Парадоксальным образом, в значении речевых актов благословения и проклятия соединяется невозможность контролировать ситуацию с попыткой воздействовать на нее. Произнося такое высказывание, говорящий рассматривает ситуацию как не зависящую от его воли и не возлагает ответственность за ее реализацию ни на кого конкретного. Однако, тем не менее, говорящий считает, что его слова обладают определенной силой. Пожелание, которое выражается оптативом, не пустое «сотрясение воздуха»; за ним стоит вера в то, что сам акт произнесения вслух этого пожелания может повлиять на положение дел» [Добрушина 2001, с. 12–13].

В аварском языке З.М. Маллаева [2002, с. 26–28] выделяет две формы морфологического оптатива. Первая форма оптатива образуется от повелительной формы глагола путем присоединения к ней суффикса *-ги*, например: *лъугьаги*, «да случится», «пусть случится» – от гл. *лъугьине*, «случиться, происходить».

Образование форм оптатива зависит от типа основы и семантики переходности \ непереходности глагола. Глаголы непереходной семантики с основой на согласный образуют форму оптатива путем присоединения суффикса *-ги* непосредственно к форме императива,

например: *хва!* «умри!» – *хва-ги!* «да умрет!», «пусть умрет!» (гл. *хвезе* «умереть»).

Глаголы переходной семантики с основой на согласный меняют формант императива *-e* на формант *-a* перед суффиксом *-ge*, например: *т-е!* «оставь!» – *т-а-ги!* «да оставят!»; *бос-е!* «возьми» – *бос-а-ги* «да возьмет».

Возможны также исключения, когда формант императива остается неизменным, например: *къ-е!* «дай!» – *къе-ги!* «да воздастся!»;

хъв-е! «режь!» – *хъв-е-ги!* «да порежет!».

Замена форманта *-e* формантом *-a* З.М. Маллаева [2002, с. 27] объясняет изменениями, происходящими в семантике самого глагола. Так, З.М. Маллаева пишет, что «при образовании желательного наклонения от переходных глаголов, семантика переходности сходит на нет, поскольку желательное наклонение, как правило, не содержит указаний на объект, на который могло быть направлено действие. Отсюда закономерный переход *-e* → *-a* (т.к. именно суффикс *-a* оформляет императив непереходных глаголов)».

По вопросу о происхождении суффикса оптатива (желательного наклонения) в авароведении нет единого мнения. З.М. Маллаева полагает, что суффикс оптатива *-gi* «обнаруживает материальную общность с многофункциональной союзной «усилительно-выделительной» частицей *-gi*, сочетающейся с различными глагольными и именными формами. Возможно, и суффикс *-gi* и частица *gi* имеют единый источник происхождения, но функционально они, конечно, различаются» [Маллаева 2002, с. 27].

В колыбельных песнях мать желала своему ребёнку, чтобы он поскорее вырос, при этом обращалась к нему, подчеркивая красоту различных частей тела (*берал* «глаза», *цаби* «зубы», *гIундул* «уши» и т.д.) и называла его детёнышем различных зверей, которые вызывают у носителей аварского языка положительные эмоции, например:

Берал берцин – цидул тIинчI,

«Медвежонок с красивыми глазами»,

Цаби гIисин – гIанкIул тIинчI,
«С мелкими зубками зайчонок»,
Гундул кьокъаб бацIул тIинчI,
«Волчонок с маленькими (букв. «уши короткие») ушками»,
Хехлъи гьабун кIудав гIа!
«Поскорее вырастай!».

Иногда в колыбельных песнях подчёркивались негативные качества детей, по всей видимости, это делалось из страха, что его сглазят. Чаще всего актуализировалось такое качество детей, как нежелание мыться, малыша характеризовали как грязнулю, но от этого он не становился менее желанным, например:

БеркIал чуруларев,
Чорокав АхIмад,
Чурун рацIунарел
КъаргIадал кверал,
ЦIадукъаялдаса,
Лъекъа хIинкъулев,
ХIатIалги рукIуна
«НусгIан» хъахIлъун.
«Лицо не моющий
Грязнуля Ахмед,
Даже при мытье не очищающиеся
Руки, покрытые коркой грязи.
Больше чем огня
Воды боится
И ноги его белые
Как сажа!».

Примечательно, что количество колыбельных песен для девочек почти в три раза превосходит количество колыбельных песен для мальчиков [Хайбуллаев 1973, с. 25], хотя в дагестанских семьях неизменно предпочитали сына дочери. Предпочтение сыновьям было оправдано или обусловлено суровыми природно–климатическими условиями жизни в горах, которые подвластны преимущественно мужчинам. Вторым фактором, содействовавшим утверждению культа

мужчины, была потребность в воинах (защитниках) для борьбы с иноземными захватчиками.

Тот факт, что в колыбельных песнях этот культ не проявляется, и даже, напротив, предпочтение отдаётся девочке, можно, наверное, объяснить двумя факторами: 1) колыбельные песни бытуют исключительно в женской среде; 2) сельскохозяйственный уклад жизни горцев большую роль отводил женскому труду, нежели мужскому.

В колыбельных песнях находит непосредственное отражение характер занятий населения.

У аварцев было развито садоводство, в связи с этим и получили распространение такие колыбельные песни:

Инсул хІал ккурав ватаги,

ХІамил рачІчІ ккурав ватаги,

Гъагъица рак баччарав ватаги,

Гижсала ах гъабурав ватаги!

«Чтобы вырос наследником отца,

Мог ходить за ослом (букв. держать хвост осла)

Таскать в корзинах навоз в поле,

Чтоб в корзине навоз таскавшим был

Деревья сажать на голых скалах».

Чтобы на голых скалах сад сделавшим был.

Тема мирного труда занимает основное место в колыбельных песнях для мальчиков.

Инсул къагІада цеве,

Къурдулаго ватаги,

Къолбол васазда цеве,

Векерухъе вачІаги!

«Чтоб перед ягнятами отца

Чтобы танцующим был,

Чтоб к сверстникам подбегал!».

В зависимости от места проживания это может чаще всего – скотоводство, реже – земледельческий труд. Труд чабана находит отражение в колыбельных песнях для мальчиков яркими

привлекательными образами, например, смекалка – умение вырвать ягнёнка из пасти волка. Труд чабана считался одним из престижных, что и породило некоторые поэтические символы, характерные для колыбельных песен для мальчиков. Например, ягнёнок как символ маленького, незащитного мальчика, которого мать мечтает вырастить смелым, сильным и мужественным, умеющим преодолевать любые трудности, отличным всадником, умеющим обращаться с оружием. Оружие и конь были обязательными атрибутами молодого человека:

*КІанцІун чoде вахарав,
ЧІухІун ярагъ борчарав,
Эхебе унеб хехаб гІор,
Жанив кІанцІун бахарав.*

«С разбегу коня оседлавший,
Гордо вооружившийся,
Бурную горную реку
Смело переплывший!».

Здесь также имеет место транспозиция: форма прошедшего времени употреблена для характеристики будущих событий.

*Чабхъада гъунарал гІемер росарав,
Дурго эбелалда чилъун вихъаги,
Чиар эбелалда дурицъун вихъаги!*

«Много подвигов в набеге совершивший
Чтобы мать в тебе мужчину видела.
Чтобы чужая мать видела зятем!».

Лексема *чи* (*чилъун вихъаги*) в данном контексте означает не «человек», как переводится в преобладающем большинстве случаев, а «мужчина».

Для обозначения человека как личности аварский язык употребляет лексему *чи*, которая восходит, скорее всего к арабскому слову *صخش шахсун* «личность, человек». Слово *чи* в аварском языке имеет два значения: «человек» и «мужчина», как и в большинстве дагестанских языков. Отождествление понятий «человек» и

«мужчина» является одним из ярких признаков андроцентризма аварского языка. Андроцентризм или гендерная асимметрия проявляется в языках на всех его уровнях, как на лексическом, так и на грамматическом. На лексическом уровне это отождествление проявляется в том, что понятия «человек» и «мужчина» обозначаются одним словом. В отличие от русского языка, в котором понятия, обозначающие мужчину и человека, не совпадают, дагестанские языки выявляют сходство между собой в преимущественном употреблении слова *инсан* «человек», представленного во всех дагестанских языках, в значении «мужчина». Примечательно, что в романо–германских языках, которые также как и русский язык являются представителями индоевропейской семьи языков, лексемы, обозначающие понятия «человек» и «мужчина», совпадают, например: нем. *der Mann*, англ. *man*, франц. *homme* «человек, мужчина, муж».

Умение обращаться с оружием и конём было необходимо для мальчика, поскольку эти качества нужны на охоте. Охота занимала в жизни горцев важное место, что также отразилось в колыбельных песнях для мальчиков, например:

Нодо хъахIаб ци чIваяв,

Ца гIебаб хъабан чIваяв!

ХъахIилаб ралъадалда

БагIараб цIа бакаяв!

«Чтобы (белолобого) медведя ты убил

И кабана саблезубого.

Чтобы на синем море

Яркое пламя (ты) зажег».

Вопросы мирного труда тесно переплетены с вопросами достойного поведения мужчины:

БацIида кIалдиса цIигъан бахъарав,

Из волчьей пасти вырвал мясо (янёнка),

Циркъида бадиса магIу бикъарав,

Из глаз тигра слезу укравший,

Борхъил чохъониса чол нух бахъарав,

Сквозь змеиное чрево дорогу для коня проложивший
В колыбельных песнях для мальчиков выражается также
пожелание, чтобы сын стал ученым богословом, знатоком Корана –
хафизом:

*МутагIиллъун вукIине,
Гандивеги витIила,
Галимчилъун вахъине
МельелтIеги витIила...
Тухьдузул хулжалги цIун
ВачIина эбелалде.*

«Чтобы стал муталимом
Пошлю в Анди тебя,
Чтобы стал ученым,
Пошлю и в Мегелта тебя...
С хурджинами полными книг
Придешь к матери».

*РекIеда тIулада тIад алифги хъван,
Толго гIалимзаби мукIур гъареги,
РекIел хIубиялда малаик чIаги,
РекIехъе кинабго къуран цIалаги!*

«Да будет написан на сердце твоём алиф
Чтобы все ученые признали тебя,
Да утвердится в душе твоей ангел
Чтобы выучил ты весь Коран наизусть».

Мечта всех родителей, не только матерей, чтобы их дети изучали науки и, прежде всего, богословские, чтобы знали свою веру и соблюдали её. Большое значение в дагестанских семьях придавали обучению детей грамоте, изучению арабского языка, поскольку арабский язык открывал дорогу не только к религиозным наукам, но и к светским.

3.1.4. Колыбельные песни для девочек

Если в колыбельных песнях для мальчиков находило отражение характер занятий горцев и пожелание, чтобы сын продолжил дело отца, то в колыбельных песнях для девочек предъявлялись особые требования к дочери. В этих требованиях складывался этнический идеал женщины, который вырабатывался у аварцев веками, например:

*Елъулаго кІал берцин,
КІалъалаго бер берцин,
ЧуричІого беркІалхъахІ,
ХъвачІого къенсер чІегІер,
Ясалазда берцин йихъ,
Берцинай дир Меседо.*

«Смеясь рот красив,
Разговаривая глаз красив
Не умывшись, лицо белое,
Не накрасив, брови черные
Чтоб девушкам нравилась
Моя красавица Меседо».

*Вабабай ле гІолил яс,
ГІакдал нахул кІаркъаби,
ЧуричІого гъумерхъахІ,
ХъвачІого къунсрул берцин!*

«Ох ты, красавица моя,
Щеки из сливочного масла,
Лицо прекрасно без мыла,
Брови без краски черны!».

Женская красота без трудолюбия и скромности не считалась показателем совершенства. Красота должна была всегда сочетаться со скромностью, например:

*Йорхун зоб бихъичІей зодил хІурулгІин,
Къулун ракъ бихъичІей Адамил ХІава,
Ракъалда бакІлъулуй хІетІего чІечІей,
Зобалда рагІулеб гъаракъ гъабичІей.*

*Берциналъа хъамурай,
ХъахІалалъа йищарай,
Йищун къватІий йосарай,
КъватІаздаго нур барай.
«Украденная из красивых,
Выбранная из беленьких,
Выбрав, выведенная на улицу.
Освещающая улицы».*

*Биараб гІарцул тІурай,
ПартІун ролъул гъаюрай,
Меседкунал гІомо гъай,
ГІарцулкунал чалу гъай,
Чакаралъул кило гъай,
Кавказалъул бурутІ гъай.
«Литая из расплавленного серебра,
Мгновенно сделанная из муки (пшеницы),
Клубок золотых ниток она,
Серебряных ниток тесьма она,
Килограмм сахара она
Ягненок Кавказа она». (повтор)*

Примечательно, что для описания внешних данных девочки сравнения с драгоценными металлами применяются попеременно с гастрономическими метафорами (*гІарац* «серебро» ~ роль «пшеница»; *месед* «золото» ~ *чакар* «сахар»).

*Вай берцинай, берцинай,
Берциналъа хъамурай.
ХъахІалъаги йищарай,
Шарил нах гІан хІеренай.
«Ой, красивая, красивая
Украденная из красивых,
Выбранная из беленьких,
Нежная как сливочное масло». (повтор)*

*ГъоцЮо кЮтЮун цЮар лъурай, дий Айшат,
Цибибл кЮтЮун бер лъурай, дир Айшат,
Хайдакълъул гГеч гГадай, дир Айшат,
Гамбаралъул тГегь гГадай, дир Айшат.*

«Встряхнув мед, имя получившая, моя Айшат,
Виноград встряхнув, глаз получившая, моя Айшат,
Как хайдакское яблоко, моя Айшат,
Как цветок Гамбара, моя Айшат».

В колыбельных песнях для девочек на неё смотрят как на невесту, будущую жену, хозяйку дома:

*Азарго гГи къунцЮулесе къела гъай,
Къого гГака бечЮулесе къела гъай,
Пулес гъури гъукъарасе къела гъай,
Гъалагаб гГор квегъарасе къела гъай.*

«Тысяча овец стригущему отдам её (замуж),
Двадцать коров доящему отдам её (замуж),
Дующий ветер остановившему (букв. запретившему) отдам её
(замуж),

Буйную реку укротившему отдам её (замуж)».

*БагЮаргъоло чЮамаяй,
ЧегЮергъоло бекайй,
ГЮодоб чЮабар чЮабтилай,
ЧЮалу–раху гЮарцулай,
Дур рукълъул къадада,
Къого сурахЮу баяй,
Гъелъулгун хъибилалда,
АнцЮго гъадаро баяй,
БатЮу–батЮуяб тЮогъол,
ТЮу–тЮун гъаюрай гГадай
Берци–берцинаб харил,
Херхун гъаюрай гГадай.
«Чтоб фасоль жевала,
Черные бобы ломала,*

Полы серные, балки–жерди серебряные,
На стене твоего дома
Двадцать штук посуды чтобы повесили,
Рядом с ними
Десять тарелок чтобы повесили.
Из разорванных разноцветных цветов
Сделанная диковина.
Нанизав красивые травы,
Сделанная словно».

Трудолюбие рассматривается как высший критерий в оценке
достоинств будущей невестки.

*Ханчи чирчидилелде,
Чарал хурий яхъарай,
Чороло борчилелде,
Балъада нахъа клусарай.
Берцинал къачалелде
Къолое хур льильарай
Багларбакъ баккилелде,
Бахъун балъгун ятарай.*

«Пока птички зачирикают,
В поле с сорняками вышедшая,
Пока перепелка проснется,
За участок земли севшая.
Пока красавицы нарядятся,
Поле жавшая,
Красное солнце пока встанет,
Поле прополовшая».

*Берцинал къачалелде
Къолое хур льильулей
Багларбакъ баккилалде,
Чарал магъ цлун ячлуней.*

«Пока красавицы нарядятся,
Пожнешь поле ты сама,

Красное солнце пока встанет,
С ношей сена домой идущая».

В колыбельных песнях для девочек подчеркивалось умение вести хозяйство, которое расценивалось как общее благополучие в жизни. Девочек с детства готовили к труду в поле, они должны были уметь жать и косить. Кроме работы в поле девушки должны уметь шить, готовить еду, ткать ковры и паласы.

*Ги кьунц|улей ятаги,
Къанц| гьабулей ятаги,
Къоло щуго куйги хьун,
Кванил рокъой ятаги!*
«Чтоб умела стричь овец,
Уксус приготовить для дома,
На кухне, где баранов туш двадцать пять
Возилась ты!».

В колыбельных песнях для девочек также подчёркивались негативные качества, возможно, это делалось из страха, что её сглазят, а возможно это просто выражение материнской нежности в шутливой форме, например:

*Букъулаго чилай хварай,
Чурулаго квас хварай,
Макьил сванхи гурони,
Мергил дваргъи бахъинч|ей.*
«При шитье шёлк испортившая,
При мытье шерсть испортившая,
Кроме храпа во сне,
Стук веретена не издавшая».

В колыбельных песнях девочек, как правило, сравнивали с прекрасными цветами, красивыми птицами, вкусными фруктами, например:

*Гарцул маххазул чит|ир
Бакъалъахъ гочунеб мокъокъ,
Хьонда решт|унеб г|анса
Баг|ар наг|лил г|анаби*

*Глакдал нахул кларкьаби,
МахI гьуинаб хIавагIеч.
«Ожерелье из серебряных бусин,
Куропатка, уходящая по солнечной тропе,
Тетерев, сидящий на теневой стороне,
Красные щеки из драгоценного камня.
Щеки из коровьего масла,
Ароматная айва».*

*Вай дур дада чIахъаяй,
Дардамалъул гагу,
Дадал васал чIахъаяй,
Хадайкъалъул багIар гIеч,
Бакъда хIотIолъ букIунеб,
Мукъур сурмияб микки,
Берал руго берцинал,
Щиб къуниги къоларел,
Къунсрул руго гъайбатал
Азар гIиял багъаял.
«Да здоровствует твой отец,
Кукушка печальная.
Да здоровствуют сыновья отца,
Красное яблоко Хайдака.
На солнечной стороне,
Голубь с коричневой шеей,
Глаза красивые, которые
Не променяешь ни на что.
Брови прекрасные,
Стоящие тысяч овец».*

*Рисалат, росу берцин,
Росонир хикIал берцин,
Гъажалда гIеретI берцин,
КIалдиб мучари берцин.*

«Рисалат из красивого села,
С хинкалом красивым в корыте,
С кувшином на красивом плече,
С тмином в красивом рту».

*Эгъегун гъал бащадай,
Гъунисезул меседо,
Гъалгун габур бащадай,
Кликундери́л сурахИ.*
«С косо́й до пят,
Красавица из Гуниба.
С косо́й размером в шею,
Как кикунинская бутылъ».

*Пансаялда сверарай,
Салмагалда тирарай,
Саргъасалгъл чвердарай,
Чиниялгъл кванарай,
Ридала щвар чIварай,
Тахсирасул Гаишат.*
«Покрутившаяся на ковре,
Прогулявшаяся по ковру (без ворса)
Искупавшаяся в тазике (большом),
Поевшая из фарфоровой посуды,
Летом масло взбившая,
Айшат (дочь) Тахсира».

*Эбелалъе йокъулей,
Ракъа гъечIеб чамасдак,
Адаязе хирияй,
Ххам борцунеб гIарцул натI.*
«Мамой любимая,
Финик без косточки.
Тётям родная,

Серебряный Нат (локоть, мера длины около 50 см) для измерения ткани (в смысле «малышка»).

*Хадижат бика, жан бика,
Жавгъаралъул таж бика,
Тамашаяб куц бика,
Камилаб сурат бика.*

«Хадижат–красавица, душа красавица,
С бриллиантовой короной красавица,
С удивительным лицом красавица
Как совершенный (без недостатков) портрет красавица».

*ПатИмат, тIатIул хинкI,
ПатIи буссун ханил хинкI,
Хоно чIехъон пурицина,
Эбелалъул ПатИмат.*

«Патимат, хинкал из курдюка,
Яичный хинкал с кусками курдюка,
Чуду с яйцами,
Мамина Патимат».

*Мугъ бецинай, кочIохъан,
ТIох берцинай къурдохъан,
РитIи берцинал кверал,
Рахъи берцинал хIатIал.*

«Спина красивая, певица,
Верх (голова) красивая, танцовщица (плясунья).
Прямые красивые руки,
Красиво ступающие ноги».

*Росу бакъуль бижараб,
ГъветIги буго бабал мун,
ГъотIодаса бортараб,
Тегъги буго бабал мун,*

*Тогьол бижун бачIараб
Чамасдакги бабал мун.
«В центре села выросшее,
Дерево ты мамино.
С дерева упавший,
Цветок ты мамин.
Выросший из цветка,
Финик ты мамин».*

*Дуе цIар кьун буго,
Гьацудаса гьуинаб,
Берал дуе кьун руго,
Цолбодаса гургинал.
Гамбаралъул тIегьги мун,
Хайдакъалъул гIечги мун,
Эбел йохарайги мун,
Росу бахилайги мун.
«Тебе дали имя,
Слаще мёда.
Глаза тебе даны
Круглее винограда,
Цветок Гамбара,
И яблоко Хайдака ты.
Ты, радующая маму,
Ты на зависть селу».*

*Огь, берцинай, берцинай,
БецичIого хур тарай,
Огь, чIухIарай, чIухIарай,
ЧIарачIого хур тарай.
«Ой, красивая, красивая,
Не скосившая поле.
Ой, красивая, красивая,
Поле не прополовшая».*

*Глоде, глоде, дир месед
Гланаби багларлъизе,
Глоде, глоде, гъитинай,
Бералги чалухлъизе,
Кватичлого хасел ун,
Хадуб церги биъина.*
«Плачь, плачь, мое золотце,
Чтобы щёки покраснели.
Плачь, плачь, малышка,
Чтобы глаза кокетничали.
Скоро зима пройдет,
Потом и лед растает».

*МахI гъуинаб дир гени,
КIаркъен багIараб дир гIеч,
Тиндадерил рольалъул,
Бищун босараб дир мугъ.
БагIар меседил хIуби,
Гъоло маргъалул гъуни,
Лага гургинай бика,
Габур халатай баху
Гъаракъ берцинаб гагу,
Рисси сурмияб микки,
ХIатIал багIараб мокъокъ.*
«Груша моя пахучая,
Яблоко мое краснощекое,
Из тиндинской пшеницы,
Отобранное семя моё
Ствол красно–золотой,
Кучка жемчужных бобов.
Красавица круглотеляя,
Баху длинношеяя.
Кошка с красивым голосом,

Голубка с коричневым ...
Куропатка красноногая».

*Гьоцо цибилалъул цункун гъаюрай,
Цибил чакаралъул чурун гъаюрай,
ХъахIаб гIарацалъул йиун гъаюрай,
Гъание, гъание бабал меседу,
Цо гурони гъечIей дадал милъиршо.
«Созданная из сока мёда с виноградом,
Созданная из винограда с сахаром/
Созданная из расплавленного белого золота,
Сюда, сюда, мамино золотце.
Единственная папина ласточка».*

Мерилом женской красоты у аварцев часто служит красота
девушек соседних народов, например:

*Берцинлъиялъ лъаргIибе цIар рагIарай,
Чурканлъиялъ гуржиялъеги лъалей.
«Красотой известная в кумыки,
А стройностью в Грузии далёкой».
Йорхун зоб бихъичIей зодил хIурулгIин,
Къулун ракъ бихъичIей Адамил Хава.
Ракъалда бакIлъулеб хIетIего чIечIей,
Зобалда рагIулеб гъаракъ гъабичIей.
ГодекIаен къотIичIей, къулгIа бахинчIей
Йигоан рагIичIей, гIунан йихъичIей.*

*«Скромная, как гурия неба
Простая как Хава, жена Адама
Шаг её лёгок для земли,
Разговор она ведет тихо.
Не проходит через годекан,
Никто о ней не слышал, никто её не видел».*

В колыбельных песнях для девочек актуальна была тема
удачного замужества, самым престижным считался богатый жених:

Нусго тумен тункарасе къела гъай,

*Таргъа гIарцул реххарасе къела гъай,
Азарго гIи къуницIарасе къела гъай,
Къого гIака бечIчулесе къела гъай,
Чакма–хъитал цIвакарасе къела гъай.*
«Выдадим за того, кто сто рублей отдаст,
За того, кто даст мешок серебра,
За того, у кого тысяча баранов,
за того, у кого двадцать коров дойных,
За того, чьи сапоги блестят».

В колыбельных песнях отражены обычаи, существовавшие в отдельных аварских селениях, например:

*ГъиштIун къагIи рачIина
Къолбоего хъвехъизе,
Къолон чуял рачIина,
ИмгIалзабаз рекIине.*

«Отару ягнят тонкорунных
Для родных жених пришлет
Оседланных скакунов
для дядей дорогих».

В колыбельных песнях для девочек перечисляются и те богатства, которые лежат в сундуках и ждут свадебного дня.

Ритмическое и интонационное богатство колыбельных песен достигается сочетанием строк с разным количеством слогов, например:

*Берал цIадулай, (5 слогов)
ХIатIал мокъокъилай, (6 слогов)
Макъан хIанчIилай, (5 слогов)
Къадру тIавусилай. (6 слогов).*

В колыбельных песнях аллитерация выражена бедно, но эта бедность компенсируется ярко выраженной рифмой, которая может быть парной, перекрестной или кольцевой. Рифма – повторение в конце строки одних и тех же звуков – в целом, не характерна для аварского песенного фольклора. Можно сказать, что эта специфическая особенность колыбельных и детских песен. Наличие

рифмы в звуковой организации колыбельных песен обеспечивает их звучность, музыкальность и легкость для запоминания.

Для колыбельных песен характерна высокая образность. Для них характерны яркие и оригинальные эпитеты и метафоры, взятые из окружающей природы, из драгоценных украшений и даже из простых предметов домашнего обихода. Поэтизация простого, обыденного создает яркие необычные образы.

Причем образность аварских колыбельных песен иногда алогична и наивна, например: *гIарцул тIинчI* «ребенок серебра», нереально, но звучно и хорошо ложится в строку. В качестве сравнений привлекаются как представители растительного и животного мира, так и абстрактные предметы.

МахI гьуинаб дир гени,

КIаркъен багIараб дир гIеч,

БатIи–батIияб тIогьол

ТIаса бищун босараб.

БагIар меседил хIуби,

Гьоло маргьалул гьуни.

Лага гургинай бика,

Габур халатай Баху.

«Ароматная (букв. «с сладким запахом») груша моя,

Краснощёкое яблоко моё,

Из разноцветных выбранный цветок,

Столб из червонного золота,

Ожерелье из драгоценного жемчуга,

Тело круглое Бика,

Шея длинная Баху».

Наблюдается полная свобода в использовании символов. Ягнёнок, яблоко – это символ девочки и также мальчика.

Для колыбельных песен характерны яркие, образные, необычные цветовые сочетания: преобладают три цвета: зеленый, красный, синий.

Примечательно, что названия расцветок вовсе не должны совпадать с действительными цветами тех птичек, с которыми сравнивают мальчика.

*БилбагIараб цIудул тIинчI,
ЦвабагIараб лочнол тIинчI,
ХъахIилаб тIавусил тIинчI,
ХъахIаб итаркIудул тIинчI.*
«Орлёнок мой ярко–красный,
Соколёнок светло–красный,
Голубой павлинёнок,
Белый ты ястребёнок».

Причём красный цвет может иметь самые различные оттенки: *билбагIараб* «ярко–красный», букв. «как кровь красный», *цIвабагIараб* «светло–красный». букв. «как звезда красный».

Колыбельные песни наиболее подверженный изменениям жанр аварского песенного фольклора. Изменения в социально–бытовой жизни народа приводит к изменению образов.

Следует отметить также, что в бытовом дискурсе для установления и поддержания контакта часто используют различного рода афоризмы, пословицы и поговорки. Пословица и поговорки включаются в процесс построения речевого акта в виде готовых конструкций, своего рода фигурального блока, и, соответственно имеет одно необходимое семантическое ограничение в связной речи: они должны обязательно соответствовать, подходить теме ситуации и беседы. В противном случае, пословицы и поговорки не выполняют возложенных на них функций.

Пословицы и поговорки и их употребление в разговорной речи имеет большое значение для речевого этикета, поскольку они несут в себе большие коммуникативные потенции. С психологической точки зрения сами пословицы и поговорки придают речи выразительность, эмоционально–экспрессивную окрашенность, локализуют ее и обогащают речь ценными умозаключениями. Роль их в речевых ситуациях очень велика по многим причинам. Пословицы и поговорки обобщают жизненный опыт народа, накопленный веками. Момент

обобщения жизненного опыта в пословицах и поговорках выражается в его возможности употребляться в переносном значении. Даже самые конкретные по своему содержанию паремии могут быть приложены ко многим случаям жизни.

Паремии не только определяют характерные признаки жизненных явлений, особенности поведения людей, быта, но и представляют собой выводы, умозаключения, суждения о реальной действительности.

У всех дагестанских этносов, не только аварцев, речевой этикет обслуживают афоризмы, пословицы и поговорки. Особенно жители сельской местности для поддержания контакта часто используют различного рода афоризмы, пословицы и поговорки. Отношение носителей аварского языка к семье, миру в семье, взаимопониманию, взаимоуважению, уважению к старшим, отразилось в следующих паремиях: *РагӀи бугеб рукъалдасса, рукъго гъечӀого къватӀур лъикӀ*. «Чем иметь дом, в котором нет взаимопонимания, лучше вообще не иметь дома и жить на улице». *Руччабазул базараль рукъ ццебе тӀеларо*. «Женский базар не будет содействовать процветанию дома»; *Умумузул адаб тарас, халкъальлъул нусӀул тола*. «Кто потерял уважение к родителям (предкам), тот сто раз потеряет уважение к народу»; *Хъизанальлъул лъикӀлъи буго гъитӀиназ кӀудиязул хӀурмат гъаби*. «В доброй (хорошей) семье младшие уважают старших»; *Чужу гъечӀеб рукъ – лъин гъечӀеб гъобо*. «Дом без женщины, что мельница без воды»; *Росассул къадру–къимат лъӀадудассан букӀуна*. «Уважение и почет мужа зависит от жены» и т. д. Такие паремии обычно употребляются в семейном дискурсе при установлении мира между супругами или родителями и детьми.

Пословицы и поговорки включаются в процесс построения речевого акта в виде уже готовых конструкций, своего рода фигурального блока. Единственное, но обязательное условие – это семантическое ограничение в связной речи: они должны обязательно соответствовать, подходить теме ситуации и беседы. В противном случае, афоризмы, пословицы и поговорки не выполняют возложенных на них коммуникативных функций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Речевой этикет представлен во всех языках и представляет собой языковую универсалию. Однако для речевого этикета каждого конкретного языка характерна яркая национальная специфика, обусловленная культурой, обычаями, ритуалами, невербальными средствами коммуникации конкретного региона.

Этикетные правила – неотъемлемый атрибут взаимодействия между людьми и без знания этих правил невозможен диалог между представителями различных культур. Общение между людьми (коммуникация) может осуществляться как вербальными, так и невербальными средствами, однако в силу своей универсальности вербальная коммуникация для человека является основной. Проблемы исследования коммуникативных процессов входят в число наиболее актуальных, глобальных для человечества, именно поэтому коммуникация изучается многими дисциплинами антропоцентрического направления, среди которых важное место занимают психолингвистика и социолингвистика.

Речевой этикет включает в себя устойчивые формулы общения, предписываемые обществом для установления речевого контакта коммуникантов. Речевой этикет обслуживают разного рода изъявления благодарности, приветствия, пожелания, извинения и т.д. Формулы, обслуживающие речевой этикет, в каждом конкретном случае представлены синонимами, антонимами, взаимозаменяемыми словами и выражениями, из которых одни более употребительны, другие менее употребительны. Например, для ситуации благодарности в дагестанских языках наиболее употребительными являются формулы *сагъул* «спасибо» в языках лезгинской группы и *баркала* «спасибо» в аварском и даргинском языках и его фонетический вариант *барчала* – в лакском. В каждом из этих языков есть еще целый ряд формул, выражающих благодарность, которые менее распространены и употребляются в зависимости от ситуаций, учитывающих такие социальные показатели как возраст, образование, культурный уровень, воспитание, служебное и

общественное положение, пол, а также место проживания. Основная дискуссия в межкультурном изучении речевого этикета связана с тем, могут ли средства гармонизации речи рассматриваться как универсальные. Порой самым неожиданным образом проявляются национально–культурные особенности речевого поведения говорящих. Например, если на вопрос «Как дела?» русские, как правило, ответят «Ничего», то дагестанцы предпочтут варианты: «Хорошо» и «Не плохо».

Ритуальные речевые акты, наиболее репрезентативными из которых являются обращения с приветствием, извинением, выражениями соболезнования, поздравления с различными юбилеями, награждениями и т.д., функционируют в семантико–прагматическом пространстве вежливости. Ритуальные речевые акты обращения делятся на две группы: одни из них являются взаимными – приветствие, благодарность и извинение. При этом благодарность и извинение являются ассиметричными, поскольку одна сторона выступает как доминирующая, а другая как подчиненная. Вторая группа речевых актов – выражение соболезнования и поздравления, функционирует в рамках одностороннего фокуса. Лицо, к которому обращено поздравление, ничем не обязано лицу, которое поздравляет. То же самое можно сказать и о выражении соболезнования.

При встрече, как известно, знакомые люди приветствуют друг друга. В деревнях и селах, в отличие от мегаполисов, принято приветствовать и незнакомых людей. Вместе с приветствием, для усиления знаков доброжелательства, мы употребляем и осведомления о жизни, здоровье, делах, семье. Таков обычно ритуал приветствия. Дагестанские языки имеют ряд приветственных формул, построенных по классическим магическим канонам. Они словно ориентированы на управление состоянием дел приветствуемого. Подобные формы, очевидно, берут свое начало из веры в магическую силу словесных произведений. Обмен приветствиями магического содержания как бы связывает людей взаимными обязательствами перед лицом высших сил. Использование приветственных формул подчиняется определенным правилам, предусмотренным этикетом.

Проведенное исследование позволяет квалифицировать обращение в бытовом дискурсе аварского языка как самостоятельный речевой акт, располагающий собственными иллокутивными силами и соответствующим перлокутивным эффектом.

В функции обращения в исследуемых языках используются различные части речи, иногда и сочетания различных частей речи. Поэтому термин «обращение» включает в себя разнородные языковые единицы.

Обращения, обслуживающие бытовой дискурс аварского языка, выполняют номинативную, вокативную, оценочно–характеризующую, эмотивную и дейктическую функции.

Национальная специфика репрезентации семантики и прагматики деминутивности в бытовом дискурсе аварского языка обнаруживается в том, что при наличии ограниченного набора деминутивных средств деминутивность является функционально развитой категорией.

К типичным сферам реализации прагматики категории деминутивности относятся детская речь или речь взрослых, обращенная к детям или к близким родственникам, вызывающим эмоциональное трепетное к ним отношение. Семантико–прагматическая сущность деминутивов заключается в одновременном обозначении малости и эмоционального отношения к объекту речи.

Наряду с универсальными этикетными формулами межличностного общения, в аварском языке широко функционируют этноокрашенные формулы речи, которые обслуживают значимые события в жизни носителей языка, такие как: свадьба, рождение ребенка, новоселье и др.

Фито– и зооморфизмы, используемые в функции обращений в бытовом дискурсе аварского языка основаны на стереотипах национальной культуры аварцев. Обращения–зооморфизмы, применяемые по отношению к детям, представлены преимущественно названиями детенышей животных, зверей и птиц.

Основу горского этикета составляют формулы вежливости, которые имеют как вербальные, так и невербальные формы проявления. Вербальные формы проявления вежливости в Дагестане составляют лишь вершину айсберга. К вербальным средствам выражения вежливости относятся, прежде всего, формулы приветствия. Самое распространенное приветствие среди мужчин (включая мальчиков) всех национальностей – это *Салам алейкум!* «Мир тебе!» – ответная форма – *Ва алейкум салам!* «И тебе мир!». Эта формула приветствия настолько вошла в быт горцев, что не воспринимается как заимствование из арабского языка. Произнесение этой фразы сопровождается рукопожатием. Причем фразу произносит тот, кто прибывает, независимо от возраста и социального статуса, а руку подает старший по возрасту, младший имеет право на ответное рукопожатие. В городе этот принцип не выдерживается, что является нарушением традиционного горского этикета. Имеются также исконно дагестанские формулы приветствия, например: Аварские: *Бог да обрадует тебя! Голова да будет здрава! Бог да выпрямит тебе дорогу* (путнику)! Лакские: *Да даст тебе Бог, чего ты не ждешь! Да дадутся тебе сердечная радость и жизнь! С отдыхом здоровья да дастся* (возвратившемуся с дороги)! Даргинские: *Да умножатся твои бараны! Да расцветешь ты как сад!* Чеченские: *Приход твой да будет к счастью! Утро твое да будет хорошим!* Общедагестанские: *Да продлится жизнь твоя! Сыновья твои да будут счастливы! Да приумножится род твой!*

Хотя Восток и восточные культуры имели большое влияние на дагестанские народы, восточное многословие (сладкоречие) дагестанская культура так и не приняла. Более того, горский этикет близок законам жизни древних спартанцев. Пожалуй, только на юге Дагестана (в языках лезгинской группы) получило распространение традиционное восточное сладкоречие.

В лезгинском языке более распространены формы не прямо выражающие благодарность, а иносказательно, где наиболее ярко проявляется восточное красноречие и славословие. Например, вот формула благодарности за гостеприимство: *Квалер–къар къени хъуй!*

Восклицание гостей при прощании с хозяевами: (букв. «пусть процветает ваш дом!»).

При выборе средств речевого этикета большое значение имеет ряд факторов: ценности и традиции речевой культуры, сфера общения, а также прагматические факторы конкретного дискурса, этнокультурные, жанровые и дискурсивные доминанты. При гармонизации общения вербальные средства тесно переплетены с невербальными (прежде всего интонацией, а также жестами и мимикой). Невербальные средства могут не только ослабить гармонизирующий эффект речи, но и изменить значение этикетных средств на противоположное. Этикетное значение могут иметь разнообразные движения человека, жесты, позы, например: приподнятая шляпа, протянутая рука, преподнесенные цветы и т.д. Жесты и мимика, составляющие паралингвистический уровень общения, в разных речевых культурах могут иметь разное значение. Речевой этикет характеризуется национальной спецификой, которая проявляется не только в словесных (вербальных) формах, но и в жестах. Так, например, такой широко распространенный жест, как рукопожатие, представлен в культурах всех дагестанских языков. Носители всех дагестанских языков, без исключения, применяют этот жест как при встрече, так и при прощании, вне зависимости от возраста, социального статуса, культурного уровня, официальной обстановки. Единственный критерий, разграничивающий применение данного жеста – это половой признак. Среди женщин применение жеста рукопожатия более ограничено и регламентируется определенными условиями. Например, при выражении соболезнования рукопожатие было обязательным для женщин, не применение его считалось этикетным невежеством. Эта традиция в последнее время не соблюдается, особенно среди молодежи, что также свидетельствует об изменчивости правил этикета. На изменчивость речевых формул обращает внимание Н. И. Формановская, характеризуя речевой этикет как «выработанные обществом правила речевого поведения, обязательные для членов общества, национально специфичные, устойчиво закрепленные в

речевых формулах, но в то же время исторически изменчивые» [Формановская 1987: 5].

В формулах речевого этикета обнаруживаются «приметы места» (на разных территориях) избираются различные тактики поведения в тождественных ситуациях) и «приметы времени» (клишированные средства выражения речевого этикета зависят от времени и господствующей идеологии).

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев З.Г. Даргинский язык. В трёх частях. Часть 2. Морфология. М.: «Наука», 1993. 473 с.
2. Алексеев М.Е. Сравнительно–историческая морфология аваро–андийских языков. М., 1988. – 224 с.
3. Аллен, Джеймс, Перро, К. Раймон. Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 322–362.
4. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия Академии наук СССР. Сер. литературы и языка. Т. 40. № 4. М., 1981. С. 356–367.
5. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 688 с.
6. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
7. Арутюнова Н.Д. Речевой акт // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С. 412–413.
8. Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М.: Индрик, 1999. 424 с.
9. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико–семантические проблемы. М.: Едиториал УРСС, 2003. 383 с.
10. Бабаян В.Н., Круглова С.Л. Теория дискурса в системе наук о языке // Электронный ресурс, 2005. <http://www.bestreferat.ru/referat-76059.html>
11. Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В., Кодзасов С.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнёры, 1993. 205 с.
12. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2–е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.
13. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

14. Богданов В.В. Классификация речевых актов // Личностные аспекты языкового общения. Калинин, 1989. С. 25–37.
15. Богданов В.В. Речевое общение: Прагматические и семантические аспекты. Л., 1990.
16. Бокарев А.А. Синтаксис аварского языка. М.; Л., 1949.
17. Борботько В.Г. Элементы теории дискурса: Учебное пособие. Грозный: Чечено–Ингушский государственный университет им. Л.Н. Толстого, 1981. 113 с.
18. Вежбицка Анна. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 251–275.
19. Велтистова А.В. Обращение в современном английском языке (в сопоставлении с русским): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1964. 28 с.
20. Ветрова О.Г. К проблеме обращения в современном английском языке // Синтаксический анализ разносистемных языков. М.: АН СССР, 1979. С. 30–37.
21. Гаджихмедов Н.Э. Язык как индикатор этнического менталитета (на материалах русского и кумыкского языков) // Вестник Дагестанского государственного университета. 2012. Вып. 3. С. 57–61.
22. Гаджихмедов Н.Э., Мусаева Т.М., Самедов Д.С. К вопросу о приветствиях в разных коммуникативных культурах // Вестник Дагестанского государственного университета. 2012. Вып. 3. С. 66–69.
23. Гаджиева С.Ш. Кумыки: историческое прошлое, культура, быт. Книга вторая. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2005. 436 с.
24. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. 140 с.
25. Гольдин В.Е. К проблеме обращения как лексической категории // Язык и общество. Саратов, 1977. Вып. 4. С. 21–28.
26. Гольдин В.Е. К определению сущности обращения // Язык и общество. Вып. 61. Саратов: Изд-во СГУ, 1982. С. 46–58.

27. Гольдин В.Е. Обращение: теоретические проблемы. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 129 с.
28. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М.: Наука, 1980. 104 с.
29. Городникова М.Д. Гендерный аспект обращений как фактор речевого регулирования // Гендер как интрига познания. М., 2000. С. 81–92.
30. Горохова Н. В. Проблема многозначности понятия «дискурс» // Омский государственный технический университет. 2014. N 10. С. 90–94.
31. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
32. Грайс, П., Лич, Дж. Основные принципы речевой коммуникации [Электронный ресурс] / П. Грайс, Дж. Лич. – Режим доступа: http://studopedia.ru/I_8280I_printsipi-germana-pola-graysa-i-dzhordzhalicha.html.
- Дата обращения: 23.05.2017.
33. Григорьева В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. 288 с.
34. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. Пер. с нем. / под ред. Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 2000. 400 с.
35. Гюльмагомедов А.Г. Гендерная лингвистика, или лингвистическая гендерология (К проблеме исследования на материале дагестанских языков) // Языкознание в Дагестане. Махачкала, 2004 №7. С. 5–16.
36. Дейк Ван Т.А. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып. 8. С. 259–336.
37. Дейк Ван Т.А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М.: Прогресс, 1988. С. 153–211.
38. Дейк Ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 307 с.

39. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. Москва: Знак, 2010. 600 с.
40. Демьянков В.З. «Теория речевых актов» в контексте современной лингвистической литературы (обзор направлений) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 223–235.
41. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 239–320.
42. Добрушина Н.Р. К типологии оптата // Глагольные категории. Исследования по теории грамматики. М., 2001. С. 7–27.
43. Добрушина Н.Р. Ирреалис и императив // Типология и теория языка. От описания к объяснению. М., 1999. С. 371–382.
44. Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. / В. И. 2–е изд. доп. М.: Ладомир, 2001. 349 с.
45. Звягинцева В.В. Оценочно–характеризующие обращения в семейном дискурсе русского и английского языков // Известия Курск. ГТУ. Вып. 3. Курск: Курск ГТУ, 2010. С. 143–148.
46. Звягинцева В.В. Обращения в семейном дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2011. 21 с.
47. Звягинцева В.В. Обращение как оператор семейного дискурса [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/obraschenie-kak-operator-semeynogo-diskursa>
48. Казакова А.С. Этнокультурные особенности вербальных этикетных формул в языках различных культур // Общественные науки. № 2–1. М., 2017. С. 45–51.
49. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сборник научных трудов. Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.
50. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2004. 390 с.
51. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН; 1992. 330 с.

52. Кашкин В.Б. Сопоставительные исследования дискурса // Концептуальное пространство языка. Тамбов: Тамб. гос. ун-т., 2005. С. 337–353.
53. Кибрик А.А. Модус, жанры и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания, № 2, 2009. С. 3–21.
54. Кибрик А.А., Плунгян В.А. Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. Под ред. А.А.Кибрика, И.М.Кобозевой и И.А.Секериной. М., 1997.
55. Кибрик А.А., Подлесская В.И. Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего // В.Д. Соловьев (ред.) Когнитивные исследования. Сборник научных трудов. Вып. 1. М.: Институт психологии РАН, 2006. С. 138–158.
56. Клушин Н.А. Зоо- и фитоморфные характеристики человека в разговорной речи: Дис. канд. филол. наук. Н. Новгород: Нижегородский гос. пед. институт ин. яз. им. Н.А. Добролюбова, 1991. 161 с.
57. Кобозева И.М. Теория речевых актов как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. С. 7–21.
58. Кожемякин Е.А. Институциональные дискурсы: программа сравнительных исследований // Человек. Сообщество. Управление. 2007. № 2. С. 96 – 106.
59. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. М., 2000. С. 7–25.
60. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М.: Рос. Гуманит. Ун-т, 1995. С. 144–238.
61. Кусков Г.В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 27 с.

62. Лингвистический энциклопедический словарь. (ЛЭС) М.: Сов. Энциклопедия. 683 с.
63. Лугуев С.А. Традиционные нормы культуры поведения и этикет народов Дагестана, XIX – начало XX вв. Махачкала, 2006. 304 с.
64. Магомедсалихов Х.Г. МагIарулазул гъара–рахъиял ва хъамиял. Благопожелания и проклятия аварцев. Тексты, переводы, комментарии. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2007. 101 с.
65. Магомедсалихов Х.Г. Благопожелания и проклятия как факторы толерантности в традиционных аварских обществах Дагестана // Материалы Среднеазиатско–Кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология. 2006 – 2007. Лавровский сборник. СПб., 2007а. С. 78–82.
66. Магомедсалихов Х.Г. Благопожелания и проклятия как важный компонент изучения духовной культуры аварцев // Этно–Журнал. Электр. журнал Института этнологии им. Миклухо–Маклая. 2008. С. 1– 5.
67. Магомедсалихов Х.Г. Благопожелания и проклятия аварцев: социо–коммуникативные функции, типология // Вестник Владикавказского научного центра. Т. 15. № 3. 2015. С. 27–35.
68. Магомедханов М.М. Очерки по фразеологии аварского языка. Махачкала: Дагучпедгиз, 1972. 167 с.
69. Мадиева Г.И. Морфология аварского литературного языка. Махачкала, 1981. 160 с.
70. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК Гнозис, 2003. 280 с.
71. Макаров М.Л. Критический анализ дискурса в начале XXI века // Материалы междунар. конф., посв. 60–летию ф–та ин. яз. Тверь: ТГУ, 2003. Ч. 2. С. 89–102.
- Маллаева З.М. Видо–временная система аварского языка. Махачкала, 1998. 154 с.
72. Маллаева З.М. Некоторые речевые особенности ритуала приветствия в дагестанских языках // Материалы Международного

симпозиума «Фольклор и лингвокультурология народов Кавказа». Тбилиси, 2012. С. 196–201.

73. Маллаева З.М. Грамматические категории аварского языка (модальность, залоговость). Махачкала, 2002. 188 с.

74. Маллаева З.М. Глагол аварского языка: структура, семантика, функции. Махачкала, 2007. 397 с.

75. Маллаева З.М. К вопросу об особенностях функционирования вокативов в лирической поэзии народов Дагестана // Современный ученый. № 6. Белгород, 2017. С. 59–61.

76. Маллаева З.М., Рамазанова З.М. Гендерно–маркированные вокативы в дагестанских языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 5. Ч. 2. 2018. С. 366–370.

77. Маллаева З.М. Die Besonderheiten der morphologischen Struktur des avarischen Verbums // Мир науки, культуры и образования. №4 (77). 2019. С. 361–363.

78. Маллаева З.М., Самедов Д.С. Статус и функции детерминатива в глагольной морфемике аварского языка. Журн. Сиб. федер. ун–та. Гуманитарные науки, 2023, 16(6), 945–952. EDN: PUVMZC

79. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. Л., 1978. 387 с.

80. Минина О.Г. Обращение в современном английском языке. Коммуникативно–прагматический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2000. 15 с.

81. Минина О.Г. Обращение в современном английском языке (коммуникативные функции) Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru>

82. Мисиева Л. А. Гендерная фразеология аварского языка в сопоставлении с английской: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2009. 25 с.

83. Муталов Р.О. Фатическая (контактоустанавливающая) функция речевых формул в ицаринском даргинском // Международная конференция Лингвистический форум 2022: традиционные рече-

вые формы и практики 17–19 ноября 2022, Институт языкознания РАН. М., 2022 с. 79–80.

84. Муталов Р.О. Речевой этикет в ицаринском даргинском: формулы установления контакта // *Litera*. 2022 а. № 12. С. 91 – 99.

85. Олизько Н. С. Художественный дискурс как полилог автора, читателя, текста // *Вестник челябинского государственного университета*. 2011. N 3. С. 164–166.

86. Остин Дж. Слово как действие // *Новое в зарубежной лингвистике*. Выпуск 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.

87. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985. С. 45–47.

88. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток–Запад, 2010. 314 с.

89. Почепцов Г.Г. О коммуникативной типологии адресата // *Речевые акты в лингвистике и методике*. Пятигорск: Изд–во Пятигорск, ун–та, 1986. С. 10–16.

90. Почепцов Г.Г. Прагматика предложения // *Теоретическая грамматика современного английского языка*. М., 1981. С. 164–281.

91. Проничев В.П. Синтаксис обращения. Л.: Изд–во Ленинградского гос. ун–та, 1971. 88 с.

92. Рыжова Л.П. Обращение как компонент коммуникативного акта: Автореф. дис. . канд. филол. наук. М., 1982. 15 с.

93. Самедов Д.С. К вопросу о категории наклонения в аварском литературном языке // *Вопросы русского и дагестанского языкознания*. Махачкала, 1981. С.107–114.

94. Самедов Д.С., Гамалей Т.В., Мусаева Т.М. К вопросу о речевом этикете // *Вестник Дагестанского государственного университета*. Гуманитарные науки. Вып. 3. Махачкала, 2002. С. 62–68.

95. Серебренников Б.А. Языковая номинация. М.: Наука, 1977. 128 с.

96. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М.: Наука, 1988. 242 с.
97. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистики. Выпуск 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С.170–194.
98. Сёрль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986 а. С. 195– 222.
99. Сёрль Джон Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986 б. С. 151–169.
100. Сёрль Джон, Вандервекен Дитер. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18: Логический анализ естественного языка. М.: Прогресс, 1986. С. 242–265.
101. Соколова Н. Л. Английский речевой этикет. М.: Изд–во РУДН, 1991. 92 с.
102. Степанов Ю.С. В поисках прагматики: проблема субъекта. // Известия АН СССР. Серия лит. и яз. М., 1981. Т. 40. С. 325–332.
103. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принципы причинности // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 35–73.
104. Супрун В.И. Антропонимы в вокативном употреблении // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. № 20 (2001). Екатеринбург: УрГУ, 2008. С. 61–67.
105. Сусов И.П. Коммуникативно–прагматическая лингвистика и ее единицы // Прагматика и семантика синтаксических единиц. Калинин: Изд–во Калининского гос. ун–та, 1984. С.3–12.
106. Сусов И.П. Личность как субъект языкового общения Текст. / И.П. Сусов // Личностные аспекты языкового общения. Калинин, 1989. С. 9–16.
107. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика // Речевые акты в стандартной теории. М.: Восток–Запад, 2006. С. 54–176.

108. Сусов И.П. Интенциональная структура высказывания Электронный ресурс. / И.П. Сусов // Введение в теоретическое языкознание. Основы общего синтаксиса. Тверь: ТГУ, 2007.

Режим доступа: <http://homepages.tversu.ru/4ps/505.htm>.

109. Таджибова Р.Р. Коммуникативно–прагматические особенности речевого этикета в различных лингвокультурах (на материале английского и лезгинского языков). Вопросы когнитивной лингвистики. 2013; № 2 (035): 151–157.

110. Тартаковская И. Н. Гендерный дискурс в классификации социальной теории // Московский центр гендерных исследований. 2006. N 2. С. 78–93.

111. Трофимова Н.А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ. СПб.: Изд-во ВВМ, 2008. 376 с.

112. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М.:РГГУ, 2001. 800 с.

113. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. III. Аварский язык. Тифлис, 1889.

114. Услар П.К. О распространении грамотности между горцами // Кавказские горцы. Сборник сведений. Вып. III. Тифлис, 1870. С. 313–341.

115. Федорова, Л.Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопросы языкознания. М., 1991. Вып. 6. С. 46–50.

116. Формановская Н.И. Благопожелание как концепт в основе речевого этикета. Речевое общение: специализированный вестник. Под редакцией А.П. Сковородникова. Вып. 12 (20). Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. С. 69–76.

117. Формановская Н.И. Вы сказали «Здравствуйте». Речевой этикет в нашем общении. М., 1987. 156 с.

118. Формановская, Н.И. Соотношение интенционального и пропозиционального компонентов в высказывании // Русский язык за рубежом. 1996. № 1. С. 42–47.

119. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.
120. Хабибова М.И. Русский речевой этикет в условиях полиэтнического региона: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Махачкала, 2000. 23 с.
121. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ад Маргинем, 1997. 452 с.
122. Халидова Р.Ш., Хачукаева М.Я. Эмоционально–стилистические особенности вокативов в нахско–дагестанских языках, обслуживающих общение супругов между собой // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2018. № 12 (2). С. 87–91.
123. Халидова Р.Ш., Хачукаева М.Я. Термины приобретенного родства (свойства) в семейном дискурсе нахско–дагестанских языков // Вестник ДНЦ РАН. № 71. Махачкала, 2018а. С. 77–82.
124. Халидова Р. Ш. Этикетные формулы свадебного дискурса аварского языка // МИР НАУКИ, КУЛЬТУРЫ, ОБРАЗОВАНИЯ. № 3 (100) 2023. С. 571–573.
125. Халидова Р.Ш. Проявление андроцентризма в аваро–андийских языках \ \ VIII INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE. DEVELOPMENT OF GEORGIAN–OSSETIAN RELATIONSHIP. Publishing House “UNIVERSAL” Tbilisi 2023. p. 391–295
126. Халиков М.М. Проблемы общей и аварской стилистики. Самара: Изд–во «Инсома–пресс», 2018. 338 с.
127. Халимбекова М.К. Гендерно–ориентированные благопожелания, обслуживающие речевой этикет // Фундаментальные исследования. № 9. Часть 11. С. 2576– 2579.
128. Халимбекова М.К. Этикетная лексика в языках различных культур: лезгинском и английском. Махачкала: АЛЕФ, 2012. 134 с.
129. Хачукаева М.Я. Термины родства, функционирующие в качестве средств адресации в семейном дискурсе нахско–

дагестанских языков // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. № 12. Махачкала, 2017. С. 87–91.

130. Хачукаева М.Я. Проявление гендерных различий в речевом этикете нахско–дагестанских языков // Материалы VI Международной научной конференции «Кавказские языки: генетико–типологические общности и ареальные связи». Махачкала, 2018. С. 377–382.

131. Хельбиг Г. Проблемы теории речевого акта // Иностранные языки в школе, 1978. № 5. С. 11–21.

132. Хомяков В.А. Текст, пресуппозиция и социальное содержание слова // Значение и смысл речевых образований. Калинин: Изд–во Калинин, гос. ун–та. 1979. С.117–121.

133. Чейф У.Л. Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975. 432 с.

134. Черкесова З. В., Габуниа З. М. Гендерные эмотивные различия в кабардино–черкесском языке // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. 2014. № 2 (140). С. 111–116.

135. Чернышова Т.В. Речевой жанр «оскорбление» в межличностном и публичном общении: к типологии конфликтообразующих признаков // Материалы научн. конф. Алтайского государственного университета: сборник науч. ст. Барнаул: Изд–во Алтайского гос. ун–та, 2010. № 10. С. 23–29.

136. Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сб. науч. тр. СПб.: С.–Петербург. гос. ун–т экономики и финансов, 2001. С. 11–22.

137. Чикобава А.С. Церцвадзе И.И. Аварский язык. Тбилиси, 1962.

На груз. яз.

138. Шаваева Ф.Х., Мустафаева М.Ш. Функционально–семантические особенности обращений к брату и сестре в языках различных типологий // Вестник Дагестанского государственного университета. 2014. Вып. 3. С. 126–129.

139. Эрвин–Трипп С.М. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия // Новое в лингвистике: сб. научных трудов. М.: Прогресс, 1975. Вып. 7. С. 336–362.

140. Юркевич В.В. Политический и художественный виды дискурса: сходства и различия // Вестник челябинского государственного университета. 2014. №. 6. С. 106–110.

141. Якобсон Р. Коммуникация в структуре человеческой цивилизации // Семиотика коммуникации. Модель Романа Якобсона. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.niv.ru/doc/communications/pocheptsov/0I4.htm>. Дата обращения: 23.05.2017.

142. Яковлев И.П. Основы теории коммуникации. СПб.: Институт управления и экономики, 2001. 230 с.

143. Austin J.L. How to do things with words. Oxford, 1962. 162 p.

144. Brown G. Discourse. Analysis Text. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 304 p.

145. Brugmann K. Kurze vergleichende Grammatik der Indogermanischen Sprachen. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1904.

146. Bühler K. Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache. Jena, 1934. 434 S.

147. Charachidze G. Grammaire de la langue avar (langue du Caucase Nord–Est). Jean Favard, 1981. 209 p.

148. Dijk T.A. Text and Context. Exploration in the Semantics and pragmatics of Discourse. London etc.: Longman, 1977. 261 p.

149. Geis Michael. Speech Acts and conversational Interaction. Cambridge: Cambridge University Press. 1995. 314 p.

150. Givón T. From discourse to syntax: Grammar as a processing strategy // Discourse and syntax. N.Y.: Acad. Press, 1979. pp. 81–112.

151. Gülich E., Raible W. Linguistische Textmodelle. München, 1977. 355 S.

152. Harris Z.S. Discourse analysis // Language. The Hague: Mouton, 1963. 73 p.
153. Henne H., Rehbock H. Einführung in die Gesprächsanalyse. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1982. 194 S.
154. Henne H. Einführung in die Gesprächsanalyse. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1982. 194 S.
155. Kikvidze Z. Language-made Paradox: Gender Preferences in Georgian. Women and Language, / 2002. Vol. XXV, № 1. pp. 45–48.
156. Labov W. Variation in Language // Carrol E. Reed (Ed.). The Learning of Language. National Council of Teachers of English. N. Y., 1971. P. 187–221.
157. Leech Geoffrey N. Principles of Pragmatics. London, New York: Longman, 1983. 275 p.
158. Searle J.R. Speech Acts. Cambridge: Cambridge Univ-ty. Press, 1969. 306 p.
159. Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Oxford, 1983. 195 p.
160. Widdowson H.G. Discourse analysis. Oxford; New York: Oxford University Press, 2007. 136 p.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ПОНЯТИЙНО–ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ ИССЛЕДОВАНИЯ	5
1.1. Дискурс–анализ – новая парадигма исследования языка.....	7
1.2. Обращение как отдельный коммуникативный тип высказывания.....	32
ГЛАВА 2. ВОКАТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ	42
2.1. Речевые ситуации, ориентированные на детей (речевой акт ‘взрослый – ребенок’)	42
2.1.1. Деминутивы в функции обращений к детям	43
2.1.2. Зооморфизмы в функции обращений к детям	47
2.1.3. Фитоморфизмы в функции обращений к детям	52
2.1.4. Соматический код культуры в функции обращения к детям	54
2.1.5. Атрефакты в функции обращений к детям.....	56
2.1.6. Инвективы в функции обращений к детям	59
2.1.7. Гипокористические формы личных имен в функции обращений к детям.....	63
2.2. Речевые ситуации, ориентированные на родителей.....	69
2.2. <i>Речевые ситуации, ориентированные на близких людей</i>	73
2.3. Междометия в функции обращений в бытовом дискурсе.....	90
ГЛАВА 3. РЕЧЕВЫЕ АКТЫ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ВЫРАЖЕНИЕ ПОЖЕЛАНИЯ	97
3.1. Поздравительные речевые акты	97
3.1.1. Пожелания по случаю свадьбы.....	98
3.1.2. Пожелания по случаю рождения детей	105
3.1.3. Колыбельные песни для мальчиков	111
3.1.4. Колыбельные песни для девочек.....	124
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	139
ЛИТЕРАТУРА	145

ХАЛИДОВА Рашидат Шахрудиновна

АВАРСКИЙ РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ
В СВЕТЕ ПРАГМАЛИНГВИСТИКИ

Формат 60x84 1/16. Бумага офсет 1. Печать ризографная. Гарнитура Таймс.
Усл.п.л. 10,0. Заказ № 144-23. Тир. 300 экз. Отпеч. в тип. ИП Тагиева Р.Х.
г.Махачкала, ул. Батырая, 149. Тел.: 8 928 048 10 45

“ФОРМАТ”